ОГОНЁК
37 СЕНТЯБРЬ 1966
ЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Лена Колосова из «Красной шапочки».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

№ 37 (2046)

11 СЕНТЯБРЯ 1966

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото Г. КОПОСОВА.

Итак, все позади. Последний школьный звонок, последний экзамен и последний костер после того экзамена, на берегу Келейного озера, к которому ходили столько раз. Раньше им хотелось побыстрее стать взрослыми, а сейчас, когда желанное приблизилось, когда все должны разойтись кто куда и каждый быть сам по себе, они вдруг загрустили и, может быть, впервые в своей жизни подумали: «Время, остановись!» А время летело... И десятый «А» постепенно таял.

Первым уехал медалист Слава Хохлов. В Москву, поступать на мехмат. Два года он учился в математической школе при désинституте. И уже давно мечтал о Ломоносовском университете. Не сговариваясь, пришли всем классом на перрон со «Спидолой» и цветами провожать.

Комсорг Гера Гребенкин отправился чуть позже в Ленинград. Он хотел научиться конструировать приборы. Галя Ефремова, Зина Жданова и Вера Пестова решили проверить свои силы в МИИТе — Московском институте инженеров железнодорожного транспорта. Семеро ребят подали заявления в разные военные училища.

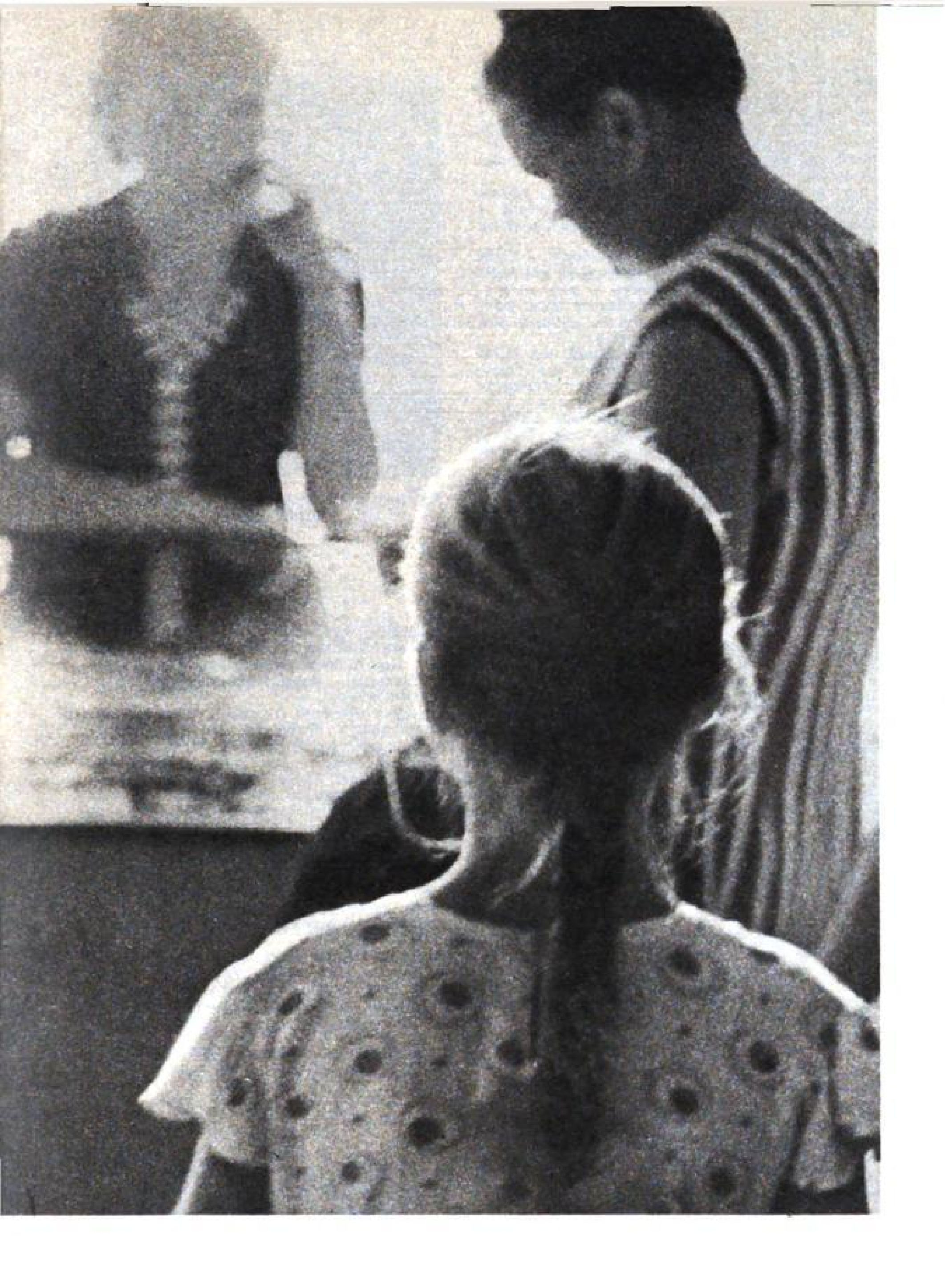
В последний раз «Спидола» звучала на вокзале 28 июля, когда уезжал в институт культуры Валя Чухаленко. И каждому уезжавшему вдогонку летело «Ни пуха тебе, ни пера!»...

А если «пух да перо»? Тогда работа. Впрочем, в Кирове и без того остались очень многие — больше половины класса. Этого и соседнего. И всех десятых и одиннадцатых классов, выпущенных школой № 28. И еще двадцатью школами города. И городскими и сельскими школами Кировской области. Работать тут есть где: заводы, фабрики, магазины, ателье зазывают наперебой.

В Омутнинске один класс в полном составе пошел на стройку. Раньше собирались махнуть куда-нибудь в Сибирь или на Дальний Восток, на Лену или по крайней мере на Енисей. Но тут всполошилась местная власть. А кто будет реконструировать металлургический завод? Кто будет строить мясокомбинат? Омутнинцы остались всем классом, создали свои строительные бригады и работают очень неплохо. В другом районе весь класс пошел в колхоз. Прав-

На перепутье...

Таня Печихина и Леня Бакулин, бывшие одноклассники, теперь рабочие одного завода — «Красный инструментальщик».



Мы из десятого „а"...

да, и колхоз о нем позаботился — помог жильем и единовременным пособием. В третьем все девушки поступили на швейную фабрику...

А в Кирове сложнее. Тут глаза разбегаются. В комиссии по трудоустройству длинные списки. Предприятий десятки, от фабрики музыкальных инструментов до шинного завода. Профессий тоже десятки. Куда и кем пойти? «Думал на машиностроительный, а попал на «Искож». Присоветовали». «Хочу в ученики продавцов, а мама вот не рекомендует. «Случится недостача, так больше проработаешь, чем заработаешь,— говорит,— иди лучше на завод по обработке цветных металлов, но мне».

Приходили в комиссию и питомцы десятого «А», с которыми я познакомилась. Подружки Лена Колосова и Таня Иванова не побоялись прилавка: «Мы из 28-й школы. Дайте нам, пожалуйста, путевки в горпромторг». С торговлей у них давнишние связи. Еще с девятого класса. Девочек в этой школе готовили на продавцов, а мальчиков — на слесарей. Вместе с аттестатом Колосова и Иванова получили свидетельства на право работы младшими продавцами. В универмаге в отделе игрушек Таню встретили как старую знакомую. Проходила здесь практику прошлым летом. Рабочее место будто только ее и ждало. В отделе не хватало как раз одного человека. А Лену направили в «Красную шапочку». Так называется магазин готовой одежды для девочек на улице Дрылевского. Лене поручили работу в отделе легкого платья. Но скоро собираются перевести в другой, более сложный — демисезонного пальто.

Римма Булдакова тоже взяла направление в магазин промышленных товаров. Это на всякий случай, про запас: вдруг в августе нахлынут провалившиеся в институтах, и ей не останется места. Расчет у Риммы не простой. Очень хочется ей стать следователем. Интересуется криминалистикой. Но не самообольщается, знает, что в юридический ей пока не поступить. Надо поработать. Может быть, в суде или прокуратуре, чтобы быть поближе к заветной цели. Однако все попытки найти там место оказались тщетными. Булдаковой снова пришлось обратиться в комиссию по трудоустройству и на этот раз чистосердечно раскрыть свои планы. Ее внимательно выслушали, ни словом не упрекнули и даже взялись помочь. Заведующая гороно Н. А. Козьминых стала звонить в горсуд, потом соединилась с прокурором города, объяснила ему, в чем дело. Увы, ничего подходящего он предложить не смог.

— А почему бы вам не поработать все же в магазине?— стала Козьминых терпеливо уговаривать девушку.— В то же время,— и тут она перешла на доверительное «ты»,— загляни в детскую комнату милиции, попытайся стать общественным инспектором. Хочешь, я позвоню туда. Вот тебе и замечательная практика.

Практика, да не та...

На первом этаже гостиницы, в которой я жила, открылся после капитального ремонта «Гастроном». Я с удовольствием ходила по этому со вкусом оформленному магазину, в котором есть на что посмотреть и есть что купить, присматривалась к продавщицам в туго накрахмаленных белоснежных наколках. Все это были любезные, симпатичные женщины, но в возрасте. «А где же ваши ученицы?» — обратилась я к одной из них. «Что вы, молодежь к нам не идет. Ни в какую!..» К сожалению, это так. Если магазины промышленных товаров получают молодое пополнение, то в продовольственные, «фрукты и овощи», булочные молодых в буквальном смысле слова калачом не заманишь. Может быть, плохо приглашают? Вроде бы нет. Висят на улицах плакаты, оповещающие, что такого-то числа в горпродторге, все равно как в вузе, состоится «день открытых дверей». Представители магазинов ездят по школам, рассказывают о себе и о своей работе, водят по универмагам и гастрономам экскурсии, а проку мало. Вероятно, сильны еще старые представления о торговле как о труде тяжком, хитром и не совсем честном. Одними экскурсиями тут не убедишь, особенно если приходится убеждать не только школьников, а еще и мам и пап.

Киров праздновал первый День торговли. В лучшем зале города — филармонии — торжественно вручались ордена продавцам, поварам и кладовщикам. В первом ряду президиума сидела красивая, статная женщина, Зинаида Александровна Лучникова. Она заведует производством очень вкусного — первоклассным магазином «Кулинария». Молоденькой девушкой, такой, как Римма Булдакова, Лена Колосова или Таня Иванова, пришла она в этот магазин двадцать с лишним лет назад и сделала его лучшим в городе. Зал долго и горячо аплодировал ей, удостоенной высшей правительственной награды — ордена Ленина. К сожалению, зал был полупустой. Никто не подумал о том, чтобы пригласить Лену, Таню, Римму, выпускников школ и их родителей. Посмотреть, как почетен труд человека, стоящего за прилавком.

Киров — их родной город.

ГОЛОС СОЛИДАРНОСТИ

Рукопожатие двух континентов: слева — южновьетнамский писатель Фан Ты, справа — поэт из Южной Африки Раймонд Кунене.

Три дня продолжалась в Баку работа расширенного заседания Советского комитета по связям с писателями стран Азии и Африки. Из столицы Азербайджана мощно прозвучал призыв советских писателей к солидарности с героическим вьетнамским народом, к единству всех прогрессивных сил во имя борьбы с американской агрессией во Вьетнаме. К этому призыву присоединились писатели стран Азии, Африки, Европы и Америки, которые присутствовали на заседании.

— На этом форуме,— сказал нашему корреспонденту Фан Ты, гость из Южного Вьетнама,— мы услышали могучий и полный сочувствия к нашей борьбе голос писателей Советского Союза. Мы очень благодарны им, и раньше и теперь помогавшим нашей борьбе.

— Солидарность — это очень важно для борьбы за свободу,— сказал поэт из Южной Африки Раймонд Кунене.— С солидарностью вынуждены считаться даже фашистские режимы. Солидарность — это и материальная поддержка и моральная помощь, которая вселяет дух уверенности в тех, кто ведет борьбу в глухих джунглях. Как нужно им живое слово солидарности! Вот почему так важна эта встреча.

Перед концом работы заседания глава делегации писателей из ДРВ Ни Фуанг, передавший президиуму подарок — часть сбитого во вьетнамском небе американского самолета, заявил корреспонденту «Огонька»:

— Писатели могут воздействовать своим словом на широкие массы. Это слово в состоянии дойти до десятков тысяч, до миллионов. Пусть так будет! А мы, вернувшись на родину, передадим это слово поддержки нашему народу.

В Баку участники заседания обсудили также, как отражена тема национально-освободительной борьбы в советской литературе последних лет, и выслушали сообщение об итогах Чрезвычайной сессии Постоянного бюро писателей стран Азии и Африки.

Бакинские пионеры приветствуют писателей.
Фото А. Сербина.

ИСКАТЕЛИ ПОДЗЕМНЫХ СОКРОВИЩ

Вся наша страна широко отметила Всесоюзный день работников нефтяной и газовой промышленности.

У нефтяников и газовиков большие задачи: к концу пятилетки добыча черного золота должна возрасти до 355 миллионов тонн, а добыча и производство газа — до 225—240 миллиардов кубометров. Сегодня на огромных просторах успешно ведутся геологоразведочные работы.

Вот всего одна фотография, запечатлевшая будни разведчиков недр. В Тюменской области — в тундре Заполярья и в дебрях северной тайги — ведут исследования сотрудники Западно-Сибирского научно-исследовательского геологоразведочного нефтяного института.

На снимке: В болотах и зарослях леса гремят взрывы. Идет сейсморазведка.
Фото Н. Сапожкова (ТАСС).

ГОСТИ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКИ

На снимке: Посол Центрально-Африканской Республики в Москве Огюст М'Бое, члены делегации Жозеф Уатебо и Жан-Поль Мокодопо.
Фото А. Бочинина.

Еще 10 лет назад музыкой звучало для немногочисленных посвященных — мальчишек-романтиков, влюбленных в географию, или филателистов — название страны Убанги-Шари. Сегодня она называется Центрально-Африканской Республикой.

— Наша страна,— говорит Жозеф Уатебо, пресс-атташе при Канцелярии Президента Республики,— действительно находится в самом центре Африки. После получения независимости мы выбрали для нее новое название. Старое слишком многое напоминало нам.

Жозеф Уатебо возглавляет первую общественную делегацию Центрально-Африканской Республики, прибывшую в Советский Союз.

— Прием, оказанный нам в советской столице, можно сравнить только с материнским. Мы очень благодарны всем народам и республикам вашей страны.

В разговор вступает человек, которого Жозеф Уатебо, смеясь, представляет как советского центральноафриканца. Это посол Центрально-Африканской Республики в Москве Огюст М'Бое. Он говорит:

— Наша страна невелика по размерам и по количеству населения. Всего шесть лет существуем мы как независимое государство. Все сразу сделать невозможно. Наши задачи в основном носят экономический характер. Для их осуществления прежде всего нужен мир.

А. ИГНАТОВ

НОВЫЕ СТАРТЫ—В МЕХИКО

Завершен чемпионат Европы по легкой атлетике. К сожалению, он не принес того успеха нашим спортсменам, на который они были вправе рассчитывать. Спортивная Европа привыкла в последние годы к высокой репутации советской легкоатлетической команды. Шесть чемпионов континента в итоге напряженнейших соревнований на будапештском «Непштадионе» — почетно, но возможности нашей легкой атлетики, конечно, значительно шире.

Надолго запомнится мужественный бег на три тысячи метров с препятствиями Виктора Кудинского, сумевшего на финише вырвать победу у олимпийского чемпиона бельгийца Г. Рулантса. Отлично выступили наши мастера Ромуальд Клим (метание молота), Валентина Тихомирова (пятиборье), Надежда Чижова (толкание ядра), Таисия Ченчик (прыжки в высоту), Янис Лусис (метание копья).

Новые, олимпийские старты в Мехико должны принести еще более убедительные победы.

На снимке: Чемпион Европы Ромуальд Клим.
Фото МТИ — ТАСС.

Но вернемся к нашему десятому «А». Что день грядущий приготовил остальным его питомцам? Сергей Кокин, руки которого как-то сами собой, с малых еще лет, тянулись к поделкам (что только он не ремонтировал: и магнитофоны, и часы, и электрические приборы!), пошел на завод. Профессии слесаря и чертежника он получил еще в школе. Устроились на разных предприятиях Вадик Орешкович, Лева Осокин, Шура Крюков и Леня Бакулин. У Лени Бакулина, правда, не все гладко. Так же, как не было гладко в свое время и в школе. В девятом классе он вдруг перестал учиться. Задумал бросить занятия. Боролись за него отчаянно. Маргарита Александровна Овчинникова, классный руководитель, не отступала ни на шаг. А тут еще родители Володи Чухаленко подключились. Отец Володи, подполковник, утром по пути на работу заходил к Бакулиным за Ленькой. Никуда не денешься. Стыдно стало парню: чуть не за ручку приводили его на уроки. Помог такой воспитательный маневр. Теперь Леня получил аттестат зрелости.

На «Красном инструментальщике» отдел кадров определил его в ученики, хоть и имеется у него соответствующая производственная подготовка и заключение, что ему присвоен разряд слесаря. На сей раз не Леонидова тут вина, а той самой школьной подготовки. Узкая она очень. Использовать его на заводе по специальности не смогли. Попал он в цех, в котором надо знать, кроме тисков, еще и шлифовальный станок, и сверлильный, и фрезерный. Вот и посадили на ученическую ставку.

Ученицей принята на тот же завод и Таня Печихина. На столе перед ней груда крохотных болтиков без головок, которые называются вставками. Рядом груда других деталей, покрупнее размером и более замысловатых. Таня должна тщательно осмотреть каждую вставку, чтоб не было на ней ни раковины, ни трещины. Глаза у Тани молодые, зоркие. «Я через лупу и то другой раз не угляжу, а она просто так,— удивляется Танина наставница контролер Евгения Сергеевна Сергеева.— Старается девонька».

Да, Таня очень старается. И встретили ее хорошо: сразу дали самостоятельное дело. Работы много. Детали подносят и подносят. Ей сказали, что они от нутромера. Есть такой прибор. А для чего он, как выглядит, Таня не знает. В жизни своей ни разу не видела. Месяц уже ходит на завод, а все не показали ей готового.

— Ну как же можно не знать, ради чего ты трудишься?— удивилась Люда Логинова, школьная подружка Тани, когда девушки встретились вечером после работы.— И не скучно тебе?

— Нет, пока не скучно. Ведь это очень ответственно, понимаешь? Контролер. После меня уже никто не проверяет. А тебе не скучно все пыль вытирать?

— Что ты! Когда мне скучать? Ребята разрывают на части. Люда, принеси то, Люда, почитай это. А Игорек так вообще не даст отойти. Отвернешься — вылезет из своей кроватки.

Людмила работает в детской больнице. Не побоялась, что инфекционное отделение. Не погнушалась с аттестатом зрелости пойти в няни. Были для этого у нее свои соображения.

Валентина Степановна, мать Люды,— очень больной человек. Сколько помнит себя Люда, всегда в их доме запах лекарств, белые халаты, «неотложки». Два года назад Валентина Степановна уехала в Горький, и ей там сделали операцию. Это была очень тяжелая, рискованная операция на сердце. Хирурги не ручались за благополучный исход. Но другого

СЕГОДНЯ ДЕНЬ ТАНКИСТОВ

ТАНК

...Вот он стоит передо мною,
Защитник и соратник мой,
С непробиваемой бронею
И с башней — каской боевой.

Напоминают мне о прошлом
Его тяжелые пути,
Пришлось его стальным подошвам
Немало в пламени пройти.

При орудийном вражьем громе,
Где курс держи, точнее правь,
Он, словно трактор на пароме,
Через реку пускался вплавь.

Он шел и был в пути не шаток.
А сколько сбил стальных «ежей»,
И с дотов снял бетонных шапок,
Окопов смял и блиндажей!

Его стальному экипажу
В привычку действовать огнем...
Наш танк всегда стоит на страже,
И наш танкист не дремлет в нем.

Павел КУДРЯВЦЕВ

Танкисты на учениях.

Фото Р. Рязанова.

выхода не было. Мама осталась жива и стала чувствовать себя лучше. Тогда Люда дала клятву, что обязательно станет врачом, чего бы ей это ни стоило.

Идти в институт после школы девушка побоялась: большой конкурс! И решила начинать с азов — с санитарок. Подала заявление в медицинское училище на вечернее отделение. А после училища — это еще, правда, очень далеко — институт. Но она придет туда во всеоружии. Обязательно придет.

Не менее целеустремленна в выборе своей профессии и Татьяна Шкляева. По списку в классе она самая последняя. А портнихой слыла среди подруг первой. Сама шила себе юбки и кофточки. Обшивала меньшую сестренку Иру, кроила платья матери. И даже братьям, которые старше ее, справляла рубахи. А мужскую сорочку выстрочить — понимающие в этом толк специалисты знают — не так-то уж просто! У Тани же все получалось легко, будто родилась она с иголкой и наперстком в руках. К тому же помогли ей курсы кройки и шитья. Словом, к шестнадцати годам девушка твердо определила, чем займется после школы. Комиссии по трудоустройству не пришлось давать ей советы, просто выписали путевку в ателье.

В гудящем цехе на втором этаже пахло подгоревшим сукном и паром. Вразнобой стрекотали машины и щелкали ножницы. Худенькая, пожилая женщина оглядела Танино платье («Не сама ли?») и, мимоходом оценив ее работу, посадила напротив себя. Стол к столу. Так Таня оказалась лицом к лицу с бригадиром Ольгой Васильевной Лалетиной, проработавшей здесь тридцать лет. Но осматриваться ей не пришлось. На столе уже лежали брюки. Тане поручили завершающую операцию. В первый же день Таня обработала шесть брюк. Это была не какая-нибудь ученическая, а полная рабочая норма. Тем не менее девушка все еще числится ученицей. Почему? Официально у нее нет разряда.

— В августе создадим ученическую бригаду, и ты войдешь в нее. Учиться год. Десять классов? Это значения не имеет. Хоть пять, хоть десять — все равно учиться год. Согласна?

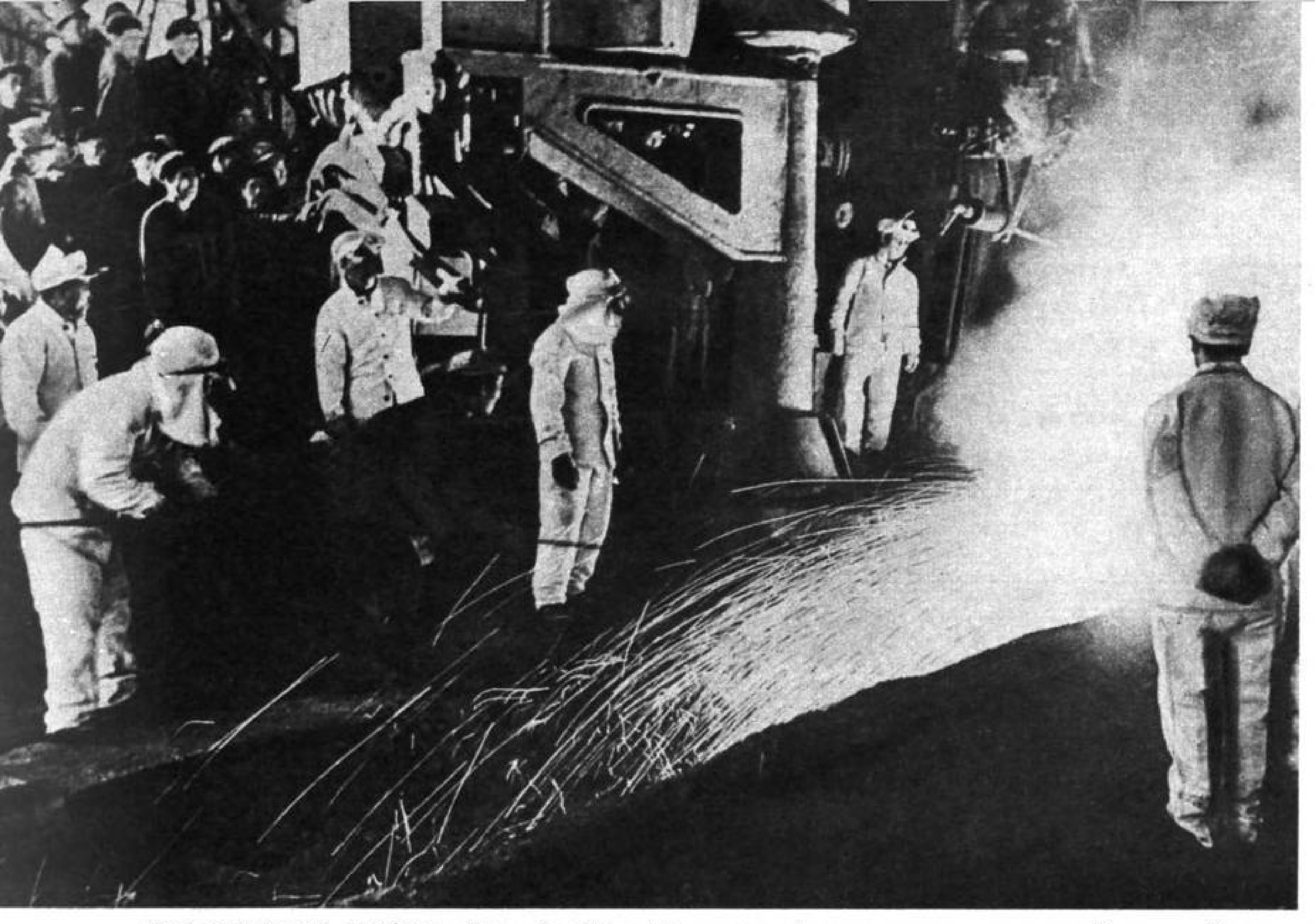
Таня была на все согласна. Она любила шить и хотела быть мастером высокой квалификации. Год так год! Но когда ее, еще не успевшую акклиматизироваться в новом коллективе, через неделю работы вызвала начальник смены и сказала: «Завтра к девяти часам утра в отдел кадров с вещами! Поедешь в колхоз»,— Таня была очень удивлена. Даже растерялась и только успела промолвить:

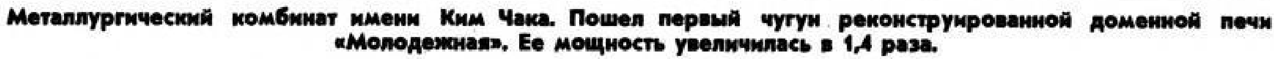
— А как же экзамены? Я хочу поступить на заочное отделение швейного техникума.

— Ну вот, начинается. Какие еще там экзамены!

В райисполком от путевки Татьяны Шкляевой вернулся листок подтверждения. В нем сообщается, что такая-то прибыла туда-то, работает или учится в качестве того-то. И все. О дальнейшей ее судьбе ни слова. В таком официальном документе и не нужно больше никаких слов. Но люди, выдающие сегодня путевки выпускникам средних школ, должны знать больше, чем сказано в листке. На то они и члены комиссии, которая так и называется: по трудоустройству. Устройство — процесс длительный, он не кончается листком подтверждения, и очень важно, чтобы процесс этот был под контролем, чтобы направляли его добрые, заботливые люди.

...Конец лета, начало осени — это важный рубеж для тех, кто отвечает за будущее юношей и девушек.




Металлургический комбинат имени Ким Чака. Пошел первый чугун реконструированной доменной печи «Молодежная». Ее мощность увеличилась в 1,4 раза.

9 СЕНТЯБРЯ — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК КНДР — ДЕНЬ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ.

ВСЕ БЛИЖЕ ПЕРЕВ

Д. УСАТОВ

Около старинных ворот Тэдонмун в столице народной Кореи — Пхеньяне на пагоде висит многотонный колокол. Мастера, отлившие его более полутысячи лет назад, оставили завещание: звонить в колокол только в дни самых радостных и великих событий в стране. Колокол молчал с середины прошлого столетия и зазвучал лишь в августе сорок пятого года, когда страна была освобождена от долгого колониального гнета. А 9 сентября 1948 года снова раздались его могучие удары, приветствуя создание первого в истории Кореи рабоче-крестьянского государства.

Над зданиями Пхеньяна взвились знамена Корейской Народно-Демократической Республики. Сотни тысяч жителей столицы направились к гранитному обелиску Освобождения на горе Моранбон, на котором золотыми буквами высечены слова: «Вечная слава и вечная благодарность героям-воинам Советской Армии, павшим в боях за освобождение нашего народа!»

В тот день 18 лет назад я встретился с одним из основателей корейской пролетарской литературы — Ли Ги Еном.

Ли Ги Ен рассказал мне о пути становления народной власти, говорил о трудном наследии, оставленном колонизаторами, о демократических преобразованиях после того, как народ взял власть в свои руки. Земля была передана тем, кто ее обрабатывал. Женщины получили равные права с мужчинами. Заводы, шахты, банки, вся собственность, ранее принадлежавшая колонизаторам и их приспешникам, стала достоянием народа. И как бы подводя итог беседы, писатель тогда сказал: «Наши рабочие и крестьяне будто обрели сильные крылья, чтобы отправиться в большой свободный полет...»

Мне пришли на память эти слова во время недавней поездки в КНДР. У подножия горы Моранбон мы любовались величественным скульптурным ансамблем из бронзы. Установленный на 70-метровом основании, крылатый конь Чонлима с двумя всадниками — рабочим и крестьянкой — как бы парит в небе. Чонлима, по преданию, в день пробегал тысячу ли и мог преодолеть любое препятствие. Сегодня его именем названо патриотическое движение трудящихся, смысл которого — каждый день умножать успехи в строительстве социализма.

А вот передо мной и живой «всадник Чонлима» — бригадир Юн Сун Ок, с которым я встретился на стройке 11-этажного жилого дома в Западном районе Пхеньяна. Он и его товарищи только что закончили монтаж панелей на последнем этаже.

— Это сорок восьмой жилой дом, построенный нашей бригадой,— рассказывает Юн Сун Ок.— А точнее сказать, смонтированный. Ведь мы давно уже перешли к сборке готовых строительных деталей. Так дешевле и быстрее. Иначе разве могли бы успеть столько построить? Посмотрите сами...

С высоты стройки хорошо просматривалась панорама Пхеньяна. Древний город раздвинул свои границы, возникли новые жилые кварталы. Хороший подарок получили юные жители столицы — Дворец учащихся и пионеров. Город украсился новыми театрами, учебными заведениями. Весь из бетона и стекла, высится многоэтажный корпус университета. Мне рассказали, что это великолепное здание сооружено в основном студентами всего за полтора года.

Столица не составляет исключения. Неузнаваемо изменились Симчон и Нампхо, Кэсон и Сонним — все города, в которых мне довелось побывать.

За окнами автомашины тщательно обработанные поля, то и дело встречаются аккуратные дома под черепичными крышами. Всматриваясь в деревни корейских кооператоров, я вспомнил слова батрака Квак Ба Ви из романа Ли Ги Ена «Земля», который вскоре после освобождения страны мечтал о том времени, когда все крестьяне его страны будут жить в добротных домах под черепичной крышей, достаток и счастье придут в каждую семью...

На окраине селения Чоннамри мы встретили группу крестьян. Молодой паренек-тракторист вместе с несколькими женщинами нагружал кузов прицепа минеральными удобрениями. Мы разговорились. Он сказал, что в кооперативе есть тракторы, автомашины. А ведь извечно корейские крестьяне трудились вручную.

— Вон там,— паренек указал на длинные постройки,— у нас две свинофермы. Занимаемся и птицеводством. Сейчас строим собственную школу и клуб на четыреста мест. Ну, а дома у нас все новые. В прошлом году выдали на трудодень по три килограмма зерновых, много овощей и мяса, да и деньгами по одной воне. Как видите, живем неплохо. У нас говорят: и гора Тхэбонсан сложилась из песчинок. Приезжайте в будущем году, тогда мы сможем похвастаться новыми успехами.

...На концерте художественной самодеятельности в клубе Хичхонского станкостроительного завода моей соседкой оказалась женщина с орденом Государственного знамени и значком Чонлима на лацкане жакета.

— За какие заслуги вы получили награду? — поинтересовался я во время антракта.

— Во время войны партизанила в нашей округе,— застенчиво улыбнулась Ким Ок Ен и, указав на значок, добавила:— А это за перевыполнение бригадой производственных планов семилетки.

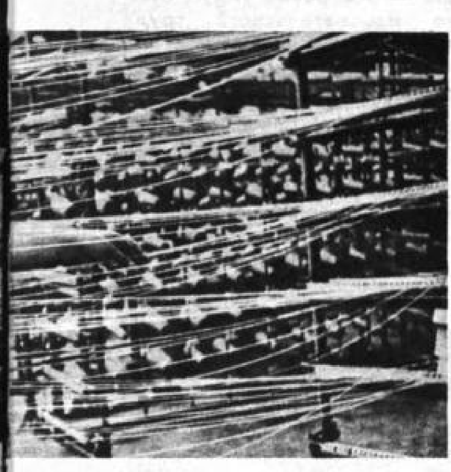
Сейчас она работает бригадиром на заводе, собирает шлифовальные и фрезерные станки. Скромная и хрупкая Ким Ок Ен не раз бестрепетно смотрела смерти в лицо. Группа подпольщиков во главе с Ок Ен органи-

На приеме в педиатрическом отделении 1-й больницы в Пхеньяне.

злобно рассматривали нас, советских туристов. В тот день состоялось очередное заседание военной комиссии по перемирию. В зал вошла группа американских офицеров, а за ними, ни на кого не глядя, южнокорейский переводчик. Он стыдливо уселся у края стола. Этот южнокорейский офицер-переводчик услужливо выполнял свою роль. А в течение всего заседания от имени Южной Кореи говорили только американские генералы и офицеры. Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Марионеточные власти Южной Кореи даже здесь, в Паньмыньчжоне, не имеют своего голоса.

На сопке в Симчоне рядом с могилами 30 тысяч жителей этого городка — жертв американских оккупантов — высится памятник советским воинам, погибшим при освобождении Кореи.

— Это не случайное совпадение,— сказала нам местная журналистка Пак,— Советский Союз помог корейскому народу избавиться от колониального гнета. А империалисты США пытались сделать нас своими рабами. Мы знаем, кто наш искренний друг и кто наш враг.



В цехе пхеньянской шелкоткацкой фабрики.

Фото ЦТАК — АПН.

АЛ АРИРАН...

зовала диверсию в заводской типографии, взорвала ресторан, где пировали американские оккупанты.

Ок Ен рассказывала, и перед глазами всплывали эпизоды всенародной войны против американских интервентов в 1950—1953 годах. Всем памятны те дни, когда ни одна газета не выходила без слова «Корея». Империалисты США решили испытать прочность народного строя молодой республики, обрушили на Северную Корею всю мощь своей военной машины, применяли тактику «выжженной земли». Я помню дороги, сплошь изрытые глубокими воронками от взрывов; обломки железнодорожных рельсов, как копья, вонзившиеся в землю; гигантские клубки искореженного металла — все, что осталось от стальных ферм заводских корпусов... А каково же приходилось человеку, если не выдерживала сталь и стонала земля?

— Конечно, тяжело было,— как бы уловив мои мысли, проговорила Ок Ен.— Такое не забывается. Оккупанты убили моих родителей и младшего братишку. И по сей день американские агрессоры находятся совсем рядом. Они все еще топчут землю юга нашей родины и не собираются уходить...

В Паньмыньчжоне мне довелось встретить тех, кто повинен в несчастье Ким Ок Ен и сотен тысяч других корейских семей. Долговязые, надменные солдаты

В справедливости этих слов мне приходилось много раз убеждаться во время поездки по стране. Трудящиеся КНДР с большой теплотой говорят о Советской стране и ее людях. С корейско-советской дружбой они связывают свои большие успехи в строительстве социализма. Народная Корея, член братской семьи социалистического содружества, может по праву гордиться достигнутым. Я видел станки и тракторы, автомашины и рыболовные суда, на которых стоит фабричное клеймо «Сделано в КНДР». Бывшая колония, Северная Корея сегодня имеет развитую индустрию. По пути неуклонного подъема движется ее сельское хозяйство, из года в год повышается благосостояние ее народа.

...Пожалуй, нет корейца, который бы не знал старинную песню «Ариран». В ней поется о том, что придет время, когда люди одолеют трудный перевал Ариран, за которым ко всем придет большое, большое счастье. В этой песне отразилась извечная мечта народа, на долю которого выпало немало невзгод и испытаний. 18 лет назад, создав Корейскую Народно-Демократическую Республику, ее трудящиеся начали восхождение к перевалу Ариран. И с каждым годом он становится все ближе и ближе.

СЛЕДОПЫТЫ НА ДОРОГАХ ПОДВИГА

На просторном поле московского аэродрома долго хлопотали солдаты. И вот на поле выросли зеленые палатки. Много палаток, целый брезентовый лес. В двух столовых — на полторы тысячи человек каждая — расставили столы и стулья. На столбиках прикрепили указатели: «Пресс-центр», «Штаб», «Столовая № 1». Здесь же и городок обслуживания — парикмахерская, книжный магазин, часовая мастерская и справочное бюро. Попробуй-ка разберись без него: ведь тут двести пятьдесят брезентовых домиков! А потом в лагере хозяйничали связисты — тянули линию, да так, чтоб палаточный городок был обеспечен связью не хуже, чем первоклассная гостиница. Почти в каждой палатке устанавливали телефон...

Для кого же так старались солдаты гвардейской части Московского военного округа? Для своих гостей — юных следопытов. В Москве открылся Второй Всесоюзный слет победителей туристского похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. 2 900 делегатов и гостей слета из всех республик, краев и областей живут в этом городке. Вот почему так много забот в те дни было и у ЦК ВЛКСМ, и у московских воинов, и у комсомольцев столицы, а главное — у Центрального штаба Всесоюзного похода, возглавляемого Маршалом Советского Союза Иваном Степановичем Коневым.

По всем дорогам, ведущим к столице, в поездах, на мотоциклах, в автомобилях и просто в маршевых колоннах спешили в Москву делегаты слета. О многом поведают они на слете. Одни расскажут о том, как шли они по следам боевых подвигов Таманской дивизии. Другие — о созданном в школе музее боевой славы. Третьи — о том, как красные следопыты восстановили историю подпольной организации молодежи, действовавшей в их городе в годы Великой Отечественной войны. Четвертые — о том, как собирают средства на постройку к 50-летию Советской власти памятника героям.

Второй Всесоюзный слет юных следопытов подвига — большой праздник советской молодежи, смотр ее дел, ее готовности продолжить свершения отцов и дедов, свершения трудовые, а если понадобится, то и боевые.

Первой прибыла на Всесоюзный слет делегация Крымской области.

Фото В. Кругликова.

«Построить железную дорогу Тюмень — Сургут...»

(Из Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану).

Юрий РЫТОВ

ВАРИАНТ ТРАССЫ

1. Изыскатели отправляются в путь.

В вестибюле института «Сибгипротранс» висел плакат: «До выдачи проектного задания линии Тюмень — Сургут осталось... дней!» Количество дней указывал прикрепленный к плакату календарь. Каждое утро, прежде чем разойтись по семи этажам огромного здания, проектировщики, чертежницы, геологи, электрики, специалисты по сигнализации и связи, мостовики — все работники института, которых в городе называют обычно просто изыскателями, смотрели на этот плакат. Каждое утро он напоминал: осталось 15, 14, 13 дней... А работы так много!

— Пожалуй, институт никогда не оказывался в таком трудном положении,— рассказывает начальник отдела изыскателей Али Халилович Алиджанов.— Каких-нибудь четыре года назад по милости некоторых плановиков «Сибгипротранс» не был полностью загружен. Питались мелкими, случайными заказами — «мелочовкой». Не все выдержали тот «голодный» год: многие ушли.

Затем ошибка была исправлена. «Сибгипротрансу» поручили изыскания и проектирование железнодорожной линии Тюмень—Сургут. Наконец-то не осталось скептиков, и все — ученые, экономисты, плановики — единодушно признали: запасы нефти и газа в Тюменской и Томской областях огромны, промышленное освоение этого края нужно начинать немедленно. И, конечно, первый шаг к этому — строительство железной дороги. Линии, по которой можно доставить оборудование к нефтяным и газовым источникам, машины и механизмы для сооружения десятков нефтехимических и газобензиновых заводов, лесоперерабатывающих и лесохимических комплексов. Линии, вдоль которой возникнут новые города и поселки.

Пятилетний план требует полного завершения прокладки железной дороги Тюмень — Сургут в 1970 году.

Это трудная задача для строителей. Напомним, что на сооружение линии Абакан — Тайшет, пролегшей в гораздо лучших геологических условиях (там были хорошие местные карьеры для отсыпки земляного полотна), ушло восемь лет.

Однако еще более сложные проблемы встали перед изыскателями.

Нужно было учесть интересы всех заказчиков: министерств, ведомств и организаций,—рассчитывающих воспользоваться новой железнодорожной линией. А таких заказчиков десятки: нефтяники, химики, лесоразработчики, геологи, речники. Ведь над проблемами Тюменской области сейчас думает 81 проектный институт! И каждое ведомство считает, естественно, свои собственные транспортные заботы самыми важными и потому обязательными для изыскателей. Впрочем, спорят с изыскателями не только организации. Пенсионер товарищ Кочнев заявил в редакцию одной из тюменских газет решительный протест: «Считаю принятый проект трассы неудачным: на пути много естественных препятствий».

Естественных препятствий действительно много. Десятки рек, километры болот. И почти каждое «естественное препятствие» нуждается в изучении. Не зная режима реки или глубины болота, нельзя было правильно, экономично выбрать вариант трассы.

Суровые климатические условия, удаленность от жилья также растягивали сроки изысканий.

Словом, все упиралось во время.

Даже в сильные морозы работали в тайге изыскательские партии. Для изучения мостовых переходов ранней весной забросили на реки «десантников» — маленькие, из двух человек, отряды. Чтобы определить узкое место работ, построили сетевой график. Чтобы получить в срок экспедиционное оборудование, отправили трогательные послания некоторым заводам-поставщикам. И, конечно, установили дружеский контакт с коллегами: «Мосгипротранс» делает аэрофотосъемку, МИИТ рассчитывает сетевые графики, добрый десяток других институтов будет участвовать и в полевых изысканиях и в камеральной работе...

...Я приходил к Алиджанову по вечерам. Откланивались последние посетители, Али укладывал в стол чертежи, и снова продолжался разговор об изыскательских тропах, об изыскательских судьбах, обыкновенных и необычных. Но однажды, когда я закрывал блокнот, Али сказал:

— Забыл об одном обязательном условии. Обо мне писать не нужно...

Оказалось, что и хорошо проложенные дороги доставляют иногда изыскателям немало неприятностей.

Вскоре после назначения Алиджанова «гипом» (главный инженер проекта — должность весьма солидная и уважаемая) к нему явился корреспондент местной газеты. Долго, придирчиво расспрашивал — и в газете появился очерк «Ты молодец, Али!». Очерк не остался незамеченным. Следующий визит нанесли представители телевидения. Затем появилось интервью в другой местной газете, отчет о выступлении Алиджанова перед школьниками и т. д. и т. п. Товарищи смотрели на Али с жалостью и насмешливым сочувствием. Когда пришел корреспондент одной из центральных газет, Алиджанов направил редактору решительный протест. Но очерк напечатали и здесь. Тема все та же — романтика трудных дорог.

И потому Али сейчас мрачно говорит:

— В зубах навязла эта романтика... Напиши о деле.

2. Кто есть кто!

Мы еще вернемся к словам о романтике, которая навязла в зубах. А пока к делу.

В каждой профессии есть случайные люди. Обычно это те, которые не слишком задумывались о выборе варианта жизненной трассы. Техникум ли оказался недалеко от дома, не хотелось ли расставаться с дорогим другом, стипендия ли выше, чем в других местах,—и выбор сделан. А когда (и если) ошибка обнаруживается, менять профессию уже поздно: возраст, семейные обстоятельства... А чаще всего неизвестно, на что менять. На предприятиях и в учреждениях появляются так называемые «середняки», с той или иной степенью старательности отбывающие трудовой день.

Есть такие и в институте. Окружающие относятся к ним внимательно, предупредительно, помогают. Но знают: главному не поможешь — все равно уйдут. Специфике изыскательского труда противопоказана инертность. Искать — процесс активный, изыскивать — тем более... И потому в институте в отличие от многих других учреждений люди случайные не удерживаются долго. Но вот что любопытно: из «Сибгипротранса», опять-таки в отличие от других учреждений, никто не уходит обиженным, с понижением. Все, как говорится, растут. Поступают в аспирантуру, в проектные институты и строительные конторы с существенной прибавкой в зарплате. Секрет простой: даже короткая практика в «Сибгипротрансе» дает человеку исключительно высокую квалификацию.

Ежегодно уходит примерно пятая часть специалистов.

Вторая, немногочисленная категория сотрудников — «романтики».

В институт приходит письмо: «По велению горячего сердца желаю работать там, где трудно...» Ну что ж, желаете — приезжайте.

И романтик приезжает. Обычно он объявляется в институте одетым в легкое демисезонное пальто и модные полуботинки, даже в сорокаградусный мороз. И, конечно, без копейки денег. Пока он получает аванс, полушубок и валенки, в институт приносят еще одно письмо. От папы с мамой: «Поберегите мальчика, он у нас хрупкий...» Мальчик отправляется в тайгу и, случается, уже через месяц возвращается к маме.

Однако многие оставались, ра-

Каждый вариант новой трассы требует сложных и долгих расчетов. Инженерам «Сибгипротранса» помогает в этом электронно-счетная машина.

Фото А. Николаева.

ботали в тайге и год и два. И потом... все равно уезжали. Одни, испытав силы и окрепнув, искали новые полюсы романтики — в воздухе, под землей, под водой. Другие ехали учиться в транспортные техникумы и институты. Вот эти-то последние, возвращаясь в «Сибгипротранс», и пополняли главную, самую многочисленную группу людей, на которых и зиждется институт,— Изыскателей с большой буквы, изыскателей по призванию и, кстати, ярых противников изыскательской «романтики».

Об этих людях нужно рассказать подробнее.

...Он приехал в Новосибирск из Ташкента в 1957 году.

— Специальность?— спросили в отделе кадров.

— Геофизик...

Кадровики недоуменно переглянулись. В ту пору в институте даже инженеры-геологи смутно представляли, что может дать геофизика изыскателям.

— Простите, но чем вы намерены заняться?

— Мое дело,— объяснил Юрий Иванов,— определять геологическую структуру местности не бурением, а геофизическими методами, радиоаппаратурой...

Его направили в отдел геологии. Однако работу по специальности он получил не скоро. Некоторые начальники партий категорически заявляли: «Иванова к себе не пустим». Они не верили в геофизику и предпочитали работать по старинке: бурить землю. Впрочем, «по старинке» — это не совсем верно. Отделу геологии института в последние годы удалось впервые в истории изысканий полностью исключить ручное бурение, заменив его механизированным. Но, во всяком случае, методы определения структуры оставались традиционными.

Юра выступил на партийном собрании: назвал изыскателей консерваторами. Ничего не изменилось. Юра выступил на другом. Тот же результат. Юра не успокоился. Он говорил о геофизике на всех собраниях — партийных, комсомольских, профсоюзных, какому бы вопросу они ни посвящались: международному ли положению, состоянию ли производственной дисциплины. Не стало долгих мучительных пауз, которые случаются обычно на собраниях после доклада: Юра сразу поднимал руку. Кое-кто считал его безобидным чудаком, однако нашлись и люди, которые ему поверили. Геофизику испробовали на общей оценке местности. Удачно. Однако дальше дело не пошло: геологический профиль трассы по-прежнему определяли глубоким бурением. И Юра продолжал говорить на собраниях.

Но однажды ему «повезло». На трассе Абакан — Тайшет не хватало буровой техники, людей, и буровики здорово отстали. Изыскатели решили рискнуть: геологическую структуру по одному из мостовых переходов получить геофизическими методами, выдать строителям рабочие чертежи, а пока строители раскачиваются, пробурить скважины и подправить «геофизику».

Так и сделали. Каким же было всеобщее удивление, когда бурение точно подтвердило предсказания Юры Иванова!

Изыскатели отправляются в путь.

Геофизическую группу немедленно расширили. Юре поручили новое ответственное задание: определить геологическое строение местности для прокладки тоннеля. Контрольное бурение на этот раз не делали: не хватало времени. Оценку работы геофизиков дал сам тоннель. Оценка прежняя: «отлично».

Теперь Юра Иванов выступал уже не на профсоюзных собраниях, а на технических конференциях — с докладами о небывалых опытах. Выпустил брошюру. Геофизика стала модной штукой...

Много горя хлебнули буровики на трассе Тюмень—Сургут. На болотах, чтобы удерживать оборудование на поверхности, они использовали поплавки от гидросамолетов. И все же смогли прозондировать глубину воды и структуру почвы только по оси трассы и изредка — на «поперечниках». Карта дна болот изобиловала «белыми пятнами».

Юра вызвался помочь и сделать такую карту с помощью своей аппаратуры. Читатель, вероятно, уже догадывается о финале: снова удача?

Увы, нет. Ничего не получилось. Контрольные замеры обнаружили большие ошибки.

В жизни геофизиков снова наступили тяжелые времена. Работы на твердых грунтах для них не было. На воде аппаратура показывала неверные результаты. Несколько специалистов ушло из института.

Иванов остался. Он убежден, что приборы можно усовершенствовать. И продолжает опыты...

Когда в институт пришел молодой архитектор Володя Авксентюк, работенка в архитектурно-строительном отделе была незавидной. Сотрудники занимались преимущественно «привязкой» типовых станционных зданий. «Привязывал» типовые проекты и Володя. И отчаянно скучал. Нет-нет, и на чертежах рядом с унылым традиционным вокзалом возникали контуры иных архитектурных форм. Как казалось Володе, более праздничных, удобных, экономичных.

Как и Юре Иванову, помог случай. (Известно, что случай всегда помогает тому, кто готов им воспользоваться.)

Из-за большой крутизны местности на станции Сузун дороги Камень — Алтайская не удалось «привязать» типовой проект. Разработать индивидуальный поручили Володе. Работа его вызвала много споров, но даже противники ее согласились: своеобразно и, несомненно, талантливо. Здание построили. Остальные вокзалы на этой линии — типовые, стандартные — Володя предложил спасти хотя бы индивидуальной окраской.

Через два месяца он снова приехал на линию. И увидел здания, окрашенные в привычный, унылый станционный цвет.

— Нет и не может быть в природе придуманных вами красок,— безапелляционно заявили маляры.

— Счищайте,— сказал Володя, кивнув на стены.— Начнем все сначала.

Он надел комбинезон и сам смешал краски. Затем взял кисть и полез на стремянку. К вечеру он стал самым уважаемым среди маляров человеком. Стены получились такими, какими он хотел их видеть.

Володю назначили главным художником линии Абакан—Тайшет. Главный инженер проекта Е. П. Алексеев предположил сначала, что речь пойдет также об оригинальной раскраске стен. Однако Володя понял свою задачу по-другому. Он сделал чертежи и рисунки комплексного архитектурно-художественного оформления всей линии. Детально продумал все: от очертаний опор и светильников до формы монументов, посвященных памяти героев-изыскателей Кошурникова, Журавлева, Стофато.

Когда Алексеев и Авксентюк с рисунками приехали в Москву, в главк, там развели руками: настолько необычным показался замысел художника. После долгого раздумья направили к заказчику — в Управление дороги, в Министерство путей сообщения. Здесь тоже долго думали и решили: делать.

Сейчас Володя участвует в реконструкции вокзала Новосибирск-главный. По его проекту реконструировано справочное бюро, воинские кассы, один из залов ожидания. И снова сомнения, споры...

Наконец еще одна жизненная история.

Борис Ильин по профессии — «чистый» изыскатель — он прокладывает саму трассу дороги. Он приехал в Новосибирск в печальный для института год — именно тогда, когда не было работы. И Бориса в институт не взяли. Он не обиделся, не уехал. Устроился в небольшую геодезическую организацию, снял комнату и стал ждать. Частенько наведывался в институт: ничего не изменилось?

— Нет,— обычно отвечали ему. Но вот наконец он услышал долгожданный ответ:

— Да. Оформляйте документы. Отправитесь на трассу Тюмень—Сургут.

Задумчивый, несколько медлительный, Борис сначала не произвел особо выгодного впечатления на товарищей. Но первое впечатление, как известно, часто бывает обманчивым. Уже через месяц всем стало ясно, что он изыскатель милостью божьей. Кстати, определяется это очень просто.

Львиная доля труда рядового инженера изыскательской партии — сугубо черновая, лишенная элементов творчества. Инженер «снимает» местность: с помощью геодезических приборов определяет ее отметки и затем составляет детальный план. И уж только тогда начинается трассирование — прокладка будущей линии — сложная, интересная и очень трудоемкая работа. Выполняют ее обычно самые квалифицированные и опытные люди: начальник партии или старший инженер. Но это не значит, что рядовой работник не должен иметь собственных суждений. По-настоящему талантливый изыскатель мысленно проектирует трассу тогда, когда занят самым черновым делом.

Борис всегда имел собственное суждение и, как говорят его товарищи, любил спорить. А спорить на изысканиях — занятие непростое. Готовых истин здесь не существует. Чтобы доказать свою правоту, нужно брать в руки теодолит и отправляться в тайгу. Прокладывать собственный вариант трассы, мучить людей, себя, срывать финансовый план, оттягивать возвращение домой.

К счастью, Ильину повезло. Начальник партии Евгений Владимирович Иванов тоже любил спорить...

Уже через год Бориса назначили в другую партию старшим инженером.

А еще через год Борис попросил перевести его в новую партию — посмотреть, как работают другие его товарищи и, конечно, спорить...

Я познакомил вас с тремя изыскателями. Как вы убедились, у них много общего. И главное — четкое представление о своем призвании, своем месте на земле.

* * *

И вот я снова приехал в институт. Вечер. Но сегодня в институте непривычно тихо. Мы снова проходим с Алиджановым по коридорам. Затем спускаемся вниз.

«До выдачи проектного задания линии Тюмень — Сургут осталось ноль дней»...

Проектное задание выдано. Дорога уже строится.

Изыскатели снова отправились в путь. Проектировщики, чертежницы, геологи, электрики, специалисты по сигнализации и связи, мостовики. Все те, кого в городе называют просто изыскателями.

Отправились в путь, чтобы искать новые варианты трасс.

И утверждать уже найденное — свой вариант жизненной трассы.

Федор Павлович Решетников с друзьями.
Фото автора.

ПОИСК ВСЕГДА...

О. КНОРРИНГ

Федор Павлович Решетников — один из самых популярных наших художников. Кто не знает его картин «Опять двойка!» или «Прибыл на каникулы»! Они включены в хрестоматии, и на тему их школьники пишут сочинения.

В окрестностях Вышнего Волочка мы спросили, где живет художник Решетников. Нам тотчас указали дорогу к его дому.

— Знакомьтесь, мои «кадры»! — сказал нам Федор Павлович Решетников, показывая на ватагу босоногих мальчишек и девчонок, заполнивших просторную мастерскую.

— Это все будущие герои моих картин. Хочется написать несколько жанровых композиций о детях. Поэтому они завсегдатаи в моей мастерской. С этими бесенятами требуется адское терпение. Их сразу не напишешь. Через пять минут им надоедает позировать, и они вертятся, как на горячих углях. Приходится изучать натуру постепенно.

Сумерки. За окном мастерской неподвижно застыли березы, а по оврагам стелется серый туман. Работа закончена. Ребятишки ушли. Федор Павлович рассказывает о себе:

— Я ведь живописец потомственный. У меня прадед, дед, отец и брат—все были иконописцами. Естественно, и я «заразился» живописью. Да и сейчас у меня вся семья — художники. Жена Лидия Бродская — пейзажист, дочка Люба окончила художественный институт и сейчас на зарисовках в Арктике...

Отец умер давно. Его я почти не помню. Воспитывал меня брат. Он брал живописные работы. Ну, я ему, конечно, посильно помогал — тер краски, мыл кисти. Прежде чем стать художником, мне пришлось сменить много профессий. Кем только я не работал: и жестянщиком, и плотником, и откатчиком на шахте! Затем в клубе—заведующим, массовиком, режиссером и художником. Где бы я ни работал, при мне всегда были краски и кисти. Рисовал я все время. Это было потребностью, а иногда и помогало мне в жизни. В голодные годы, бывало, за портрет получал стакан зерна или муки. Как-то в Донбассе попал я на станцию Гришино, в клуб. Смотрю — стены голые. А что если, думаю, расписать их? Предложил. Однако, видимо, вид мой не внушал доверия. Тогда я тут же по памяти нарисовал портрет Карла Маркса. Смотрят — похож. Доверили. Как сейчас помню, написал я тогда во всю стену панно «Смычка города с деревней». А на свободных местах—меня уже тогда тянуло на сатиру — нарисовал карикатуры: буржуй, поп и кулак. Получилось здорово. Правда, потом вышел конфуз. Я плохо загрунтовал стены, и краска начала осыпаться. Пришлось срочно ретироваться. К этому времени меня пригласили расписать еще один клуб на станции Межевая. Ехал туда на товарном поезде, верхом на буфере. Дорого за работу не брал: лишь бы кормили. Перебрался из Донбасса в Подмосковный угольный бассейн. Работал на шахте и одновременно как художник в клубе. Писал лозунги, плакаты, декорации. Затем получил путевку на учебу в Москву, во ВХУТЕИН.

Правда, туда меня сразу не приняли: образование было слабоватое, пришлось сначала учиться на рабфаке. Ну, а затем ВХУТЕИН и Московский художественный институт. Какое-то время мне здесь посчастливилось учиться у таких мастеров, как С. В. Герасимов и Д. С. Моор.

В то время страна осваивала Арктику. И мне тоже захотелось попытать там счастья. Попросился у Отто Юльевича Шмидта в экспедицию на ледоколе «Сибиряков». Тот отказал наотрез. Пришлось брать не мытьем, так катаньем. Нарисовал целую серию дружеских шаржей на участников экспедиции. Всем понравилось, смеялись до упаду. Пошли просить за меня Шмидта. Тот согласился взять меня на борт только не как художника, а, как говорится, «прислугой за все».

После возвращения я написал серию картин об Арктике и сделал много рисунков. Все это потом экспонировалось на выставке «По Советскому Северу».

А на «Челюскин» меня уже пригласили в качестве художника. Там я выпускал сатирическую газету «Ледовый крокодил».

Ну челюскинская эпопея всем хорошо известна. Скажу только, что там чертовски трудно было работать. Руки коченели от мороза, краски стыли.

Впоследствии работы, сделанные мной в этой экспедиции, в институте зачли мне как дипломные.

— А хорошее было время студенчества,— вспоминает Федор Павлович.— Чего-то мы тогда не вытворяли! Помню, одеты мы были в чем бог послал. Как-то для работы я взял в театре напрокат запорожские шаровары. Они так всем понравились, что ребята немедленно сшили себе такие же и щеголяли в них по Москве. А то мы красками рисовали себе по голому телу морские тельняшки и носки, а одному студенту обрили голову и изобразили на ней гуашью узбекскую тюбетейку. В таком виде и ходили по улицам. Интересно, что никто из прохожих ничего не замечал. Правда, когда я однажды чистил ботинки, чистильщик долго и подозрительно присматривался к моим ногам, на которых были нарисованы самые модные носки.

«Челюскиным», собственно, и заканчивается период моей «бурной» биографии, а дальше уже пошла обычная, нормальная жизнь художника.

Федор Павлович показывает эскизы задуманных картин, огромное количество набросков и зарисовок, сделанных им с натуры.

— Прежде чем начать писать картину,— говорит он,— я должен все себе полностью уяснить. И прежде чем остановиться на чем-нибудь определенном, должен перепробовать десятки, а то и сотню вариантов. Вот и сейчас я рисую ребят с натуры, как говорится, впрок. Мне важно подметить какое-нибудь характерное движение, позу, состояние. Ведь дети иногда делают такое, что взрослому человеку в голову не придет. Все это я коплю для предстоящей работы.

Работая над сюжетом, я всегда ставлю себе задачу, чтобы это не была минутная ситуация, а рассказ. Чтобы за этим сюжетом чувствовалось то новое, что происходит в окружающей нас жизни.

Недавно меня пригласили к себе в гости школьники из села Сурско-Литовское, Днепропетровской области,— села, в котором я родился и где не был почти пятьдесят лет. То, что я увидел, превзошло мои ожидания. Вместо оставшегося в памяти затрапезного села с крытыми соломой хатами выстроено новое, современное. Дома большие, светлые, школа, клуб. Везде радио, телевизоры. Масса велосипедов, мотоциклов. Сохранилась лишь одна старая хата, где живет древняя бабка, скоро и она переедет в новый дом. Оказалось, что эта бабка хорошо помнит моего отца. Она мне много о нем рассказала. И что было особенно интересно, мне удалось разыскать портрет его работы. Мне хочется вновь съездить туда, чтобы написать картины из жизни современной деревни. Хочется показать нового человека, живущего на селе.

Решетников — мастер разносторонний. Его кисти принадлежат не только современные, отражающие эпоху жанровые картины, но и ряд пейзажей, галерея портретов наших современников и одновременно серия сатирических картин и рисунков. Кто же в конце концов Решетников? Художник жанра, пейзажист или сатирик?

И то, и другое, и третье. Даже четвертое. Он еще и скульптор. Им сделаны скульптурные шаржи на деятелей искусства и несколько композиций на тему — герои произведений Н. В. Гоголя.

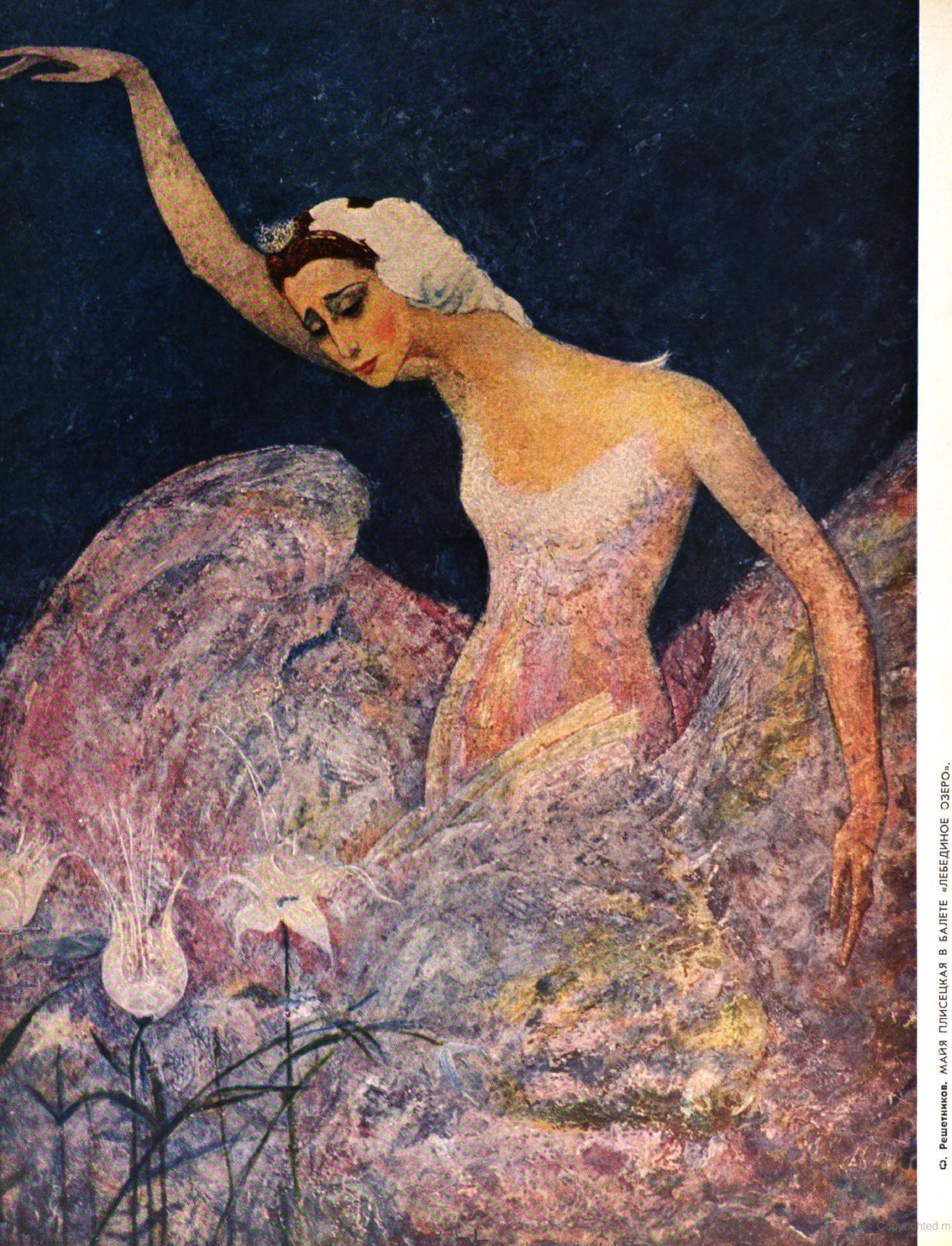
Казалось бы, после популярности, которую ему принесли его жанровые картины, за которые ему дважды присуждено звание лауреата Государственной премии, после избрания его действительным членом Академии художеств СССР, он мог бы «почить на лаврах».

Не такой характер у этого человека. Поиски продолжаются. Во всех присущих ему жанрах и различных манерах.

— Меня очень заинтересовала,— рассказывает Федор Павлович,— работа с применением эпоксидной смолы. Этой техникой я уже написал портрет Майи Плисецкой и сейчас хочу еще попробовать выполнить одну композицию. Понимаете, краски, сделанные на этой смоле, дают необычайную прозрачность, насыщенность. Мне кажется, ими можно сделать очень интересные вещи.

Утром мы уезжаем. Федор Павлович провожает нас до ворот, а затем спешит в мастерскую, откуда доносится детский гомон. Это его натурщики, пользуясь отсутствием художника, затеяли там отчаянную возню.

Ф. Решетников. ОПЯТЬ ДВОЙКА!



Ф. Решетников. МАЙЯ ПЛИСЕЦКАЯ В БАЛЕТЕ «ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО».

День поэзии в Латвии

Я пришел из лугов

И. АУЗИНЬ

1

Я пришел из лугов,
где парил одуванчиков пух,
Я пришел из лесов,
где волки рыдали вслух,
С хутора, где сосед
гладил кота разноглазого
И небылицы свои
правдоподобно рассказывал.
Стояли у самой дороги
две закоптелые кузницы,
А рядом источник чистый,
глубокий родник прозрачный.
Прогрохотали гулко
войны тяжелые гусеницы,
Подковы войны тяжелые,
мрачные.
В рощах апрельских соки
стволы пробуравить сумели,
На сенокосе девушки
в руках у мальчишек млели,
Светились ночами августа
липы от звездной пыли,
А петухи огромные
мальчишек и ястребов били.

2

Пришел я с речки извилистой,
которая лес огибает,
Пришел от стола, где цену
хлебу ржаному знают,
Всех мальчишек знакомых
война раздавила гусеницами —
Новых выковать можно
только в сказочных кузницах...
Кроны деревьев высоких
ветер чуть-чуть лишь тронет,
Видно с вершин их полсвета —
прямо как на ладони.
Говорили взрослые,
в руки взяв метлу:
«Дуй отсюда, парень,
не ба-луй...»
Дрался поздней осенью
и зимою тоже,
А потом по вечерам
приходил все позже.
Словно ход кротовый,
ночь темна осенняя,
Первых поцелуев
пришло наваждение...

3

Я пришел с той вырубки,
где зноем опаляло,
С речки той извилистой,
где плоты сплавляли.
И слова тяжелые
яблоками падали,
И слова, как бабочки,
в синем небе плавали.
«Где это?» — ты спросишь.
Где гроза гремела,
Где в промытом небе
радуга звенела;
Там, где трактор ночью
сонно тарахтел,
Где грачи дерутся
в жирной борозде.
Там, где мать бессрочно
сына поджидает,
Там, где жены ночью
по мужьям рыдают.
Там, где в полдень душный,
в клети или в доме
Сотня новых жизней
устроила гомон...
И они однажды
явятся и скажут,
Как уже сказали мы однажды:
«Серебрились в августе
липы звездной пылью,
Петухи огромные
мальчишек били...
Мы пришли оттуда,
где гроза гремела,
Где в промытом небе
радуга звенела».

Перевел с латышского
В. Андреев.

Зову вас

Ария ЭЛКСНЕ

В час, когда оголтело лечу за удачей
и от жажды становится сухо во рту,
я прошу вас, о давние годы и даты,
постучитесь,
войдите в мою суету.

Я увижу поля, на которых шумели
настоящие бури,
не ветра-кустари.
Я увижу простреленные шинели,
лапти вместо сапог,
вместо ног — костыли.

О латышских стрелков поределые цепи,
уцелевшие, может быть, только на треть,
я увижу вас,
вечно шагающих к цели,
ради которой готов умереть!

Заходите ж как есть, не толпитесь у входа,
не снимайте буденовок
с пропыленных голов.
Ты еще у Каховки воюешь, пехота,
ты у Киева, конница,
переходишь в галоп.

Мне не надобно славы на многие лета,
ни похвал,
что сегодняшний критик поет.
Мне бы только попробовать вашего хлеба —
те полфунта, полученный вами паек.

Суть не в том,
что атаки, что пули, что ветры,
когда смерть над плечом нависает, слепя.
Мне бы долю
от той безбоязненной веры,
ничего не просившей взамен
для себя.
Подойдите же к окнам, где на темное небо
наступает
квадратов электрических рать.
Покажите огни, что при вас еще не были,
и другие,
которые мне зажигать!

Перевел Александр Наумов.

Марис ЧАКЛАЙС

* * *

Рыжая лиса осени в саду.
Листопад осыпал дом...
Мы не замечаем — нежность цветка
медленно становится плодом.

Лето началось — девушка ушла.
Учится на птиц птенец...
Девушка ушла — пришла жена,
лету наступал конец.

Мы с тобой задумчивы, мы светлы.
Осень. Птичий перелет.
С новым становленьем что-то в нас
от вчерашних отомрет.

И сентябрь для яблони не плодоношение,
а перерождение, перерождение.

Видишь: тяжелы яблоки в саду.
Слышишь: журавлей команда.
И, в осенней грусти голову склонив,
лето у ворот, как мама...

Перевел Петр Вегин.

Гранит Родины

Арвид СКАЛБЕ

Строчит иной на бумаге
О бедах, бед не изведав,
А рядом строчат бедолаги
Про счастье и про победы.

Другие бумагу марают
Слез разливанными реками,
А у самих, бывает,
Нет и слезинки под веками.

Вместо бумаги поэтому
Дайте родной гранит,
Чтоб каждый из нас, поэтов,
Каждое слово гранил.

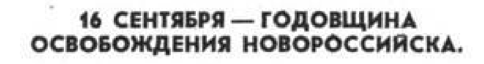
Чтоб искрами сыпал камень,
Пот струился по лицам.
И стих — вы увидите сами —
Будет сверкать и искриться.

Нет камня упрямее в мире —
Зубило под молотом гнется.
Ну что ж, пусть строфы четыре
Всего в стихе наберется
Таких, что не шепот лиры —
Каменотеса грохот,
Чтоб каждым стихом говорили
Класс и его эпоха.

А ты все снова и снова
Единственно верное слово
Резцом высекай из камня,
Работая за троих,
Тогда лишь гранита родного
Достойным родится стих.

Перевел В. Андреев.

СНИМАЕТ В ТИ



16 СЕНТЯБРЯ — ГОДОВЩИНА ОСВОБОЖДЕНИЯ НОВОРОССИЙСКА.

Ю. КРИВОНОСОВ

Фото автора.

Трепещет в порывах ветра желтое пламя — вечный огонь. По обе стороны от него замерли два памятника. Под ними покоятся побратимы и сподвижники, участники освобождения Новороссийска от фашистов,— Герои Советского Союза Цезарь Куников и Николай Сипягин. Каждый раз, когда минутная стрелка часов становится на двенадцать, где-то внутри серого гранита рождается торжественная мелодия: скорбь о погибших, гимн мужеству, утверждение бессмертия подвига. Симфония в четырех частях уложилась в две минуты и тридцать семь секунд. Написал ее Дмитрий Шостакович и принес в дар городу-герою. Называется она «Новороссийские куранты», и кажется, что особенно торжественно звучит эта симфония каждый год 16 сентября — в день освобождения.

А вокруг другая симфония — симфония города-труженика.

...Мерно кланяются судам портовые краны, чавкают насосы, закачивая нефть в могучие недра танкеров, медленно оборачиваются на своих опорах огромные жаркие тела вращающихся печей цементных заводов.

Днем город пуст, если не считать приезжих. И не потому, что многие его обитатели сейчас где-то в далеких морских просторах везут нефть в разные страны мира или ловят рыбу в Индийском и Атлантическом океанах. Примерно половина жителей Новороссийска работает. Двадцать тысяч учатся, столько же на пенсии, а остальные — малыши и домохозяйки. Словом, это город-работяга. И как в годы войны за боевые подвиги, так теперь за дела трудовые получают новороссийцы ордена и медали. Здесь семилетку завершили досрочно. Здесь план первого полугодия выполнили все предприятия, дав более чем на шесть миллионов рублей сверхплановой продукции. Стройки получили на сорок тысяч тонн цемента больше, чем полагалось. Кстати, цемент здешний на пятнадцать процентов превосходит по прочности британский, признанный мировым стандартом.

У новороссийцев много забот: готовятся перейти со следующего года на новую систему планирования и на пятидневную рабочую неделю. Подсчитывают, составляют графики, пересматривают технологию.

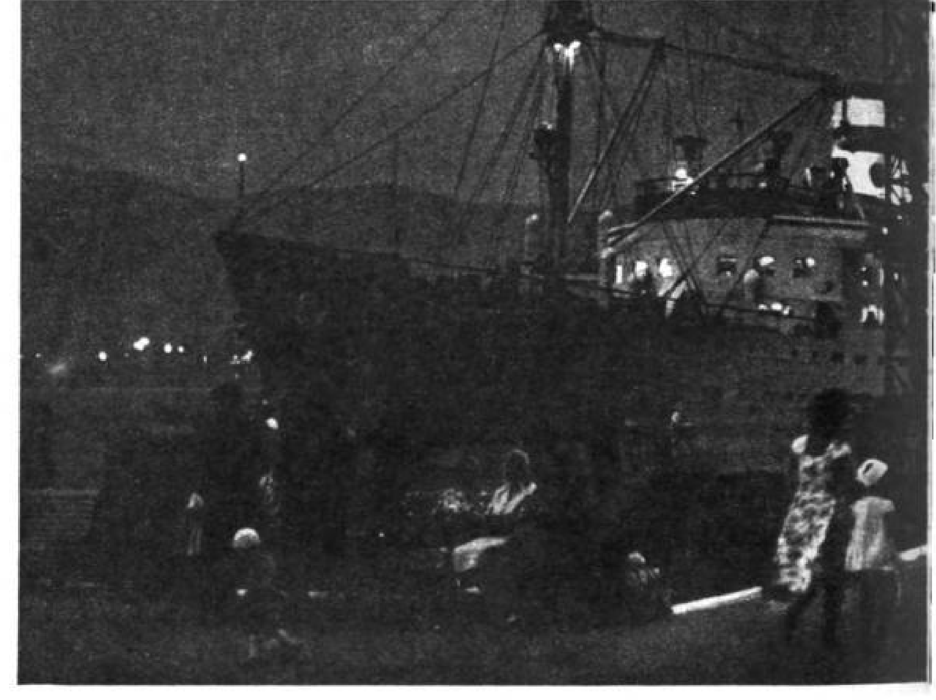
Да тут еще природа попыталась было вставить палки в колеса! Ни с того ни с сего вдруг землетрясение. Ничего подобного даже старожилы не припомнят. Сначала и не поняли, что к чему. Ну, тряхнуло, подумаешь! Не только те, кто помнит войну, привыкли к взрывам. И молодежь тоже: частенько рвут в карьерах сырье для цементных заводов. Сначала так и подумали — сильный взрыв. Потом смекнули: что-то не то,— высыпали на улицу. Но оказалось, что все в порядке: и вода поступает, и газ, и свет горит нормально. Правда, на несколько минут остановились заводы — у техники своя психология: сработали защитные устройства. Среагировали на скачок напряжения, автоматически отключили ток и потом автоматически же его включили.

Через два часа по радио передали сообщение горсовета: «Товарищи, можно спать спокойно, больше толчков не будет». Вот какая осведомленность у городских властей! И действительно, толчков больше не было. Осталась лишь тема для пересудов и воспоминаний. Да и то на один день...

Новороссийск я покидал на теплоходе. Он грузно разворачивался в бухте, осыпанной со всех сторон золотистыми блестками огней. Казалось, что кружишься на карусели в центре какой-то уютной галактики. В воде причудливо ломались отражения кранов и кораблей. Подмигнул веселым зеленым глазом маяк, привставший на цыпочки у края мола. Проскользнул по черной глади луч прожектора, выхватив на мгновение Малую землю — ровные ряды виноградников и обелиск на месте высадки десанта Куникова. И в памяти всплыли стихи кубанского поэта Федора Плюща:

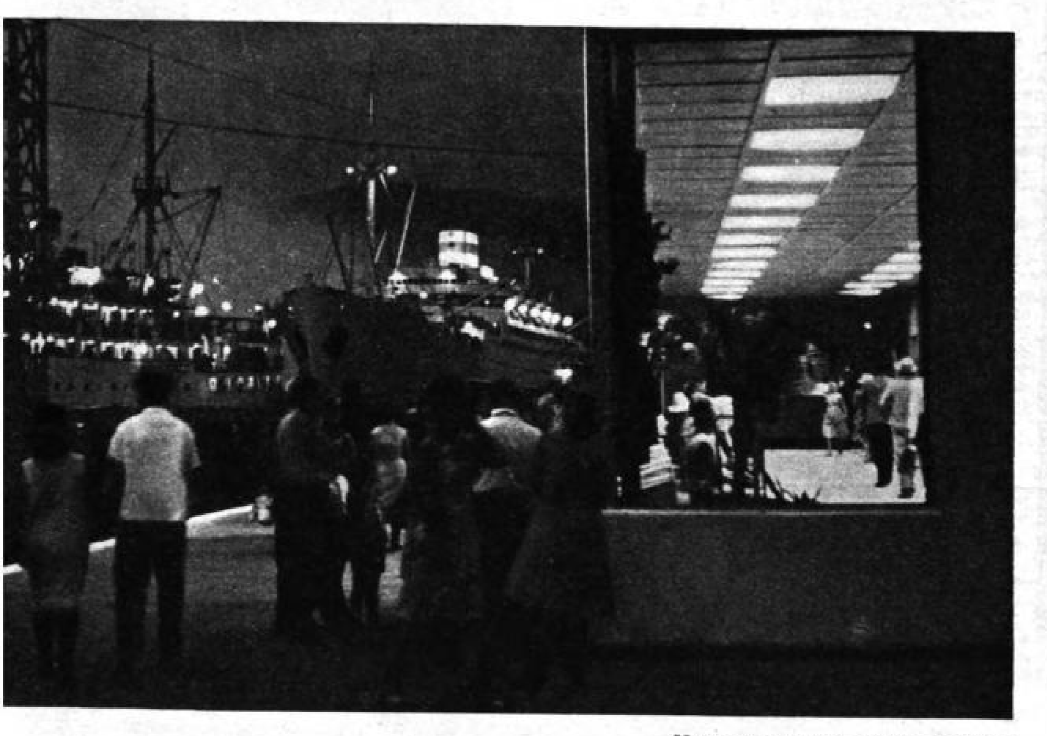
Снимает в тиши бескозырку
моряк.
Приходят юнцы с рюкзаками
Отцов своих славу на бранных
полях
Увидеть, потрогать руками.
И ржавым осколком в кремнистой
пыли
Звенят отшумевшие грозы.
О славных защитниках Малой
земли
Шумят виноградные лозы.

Площадь Героев.

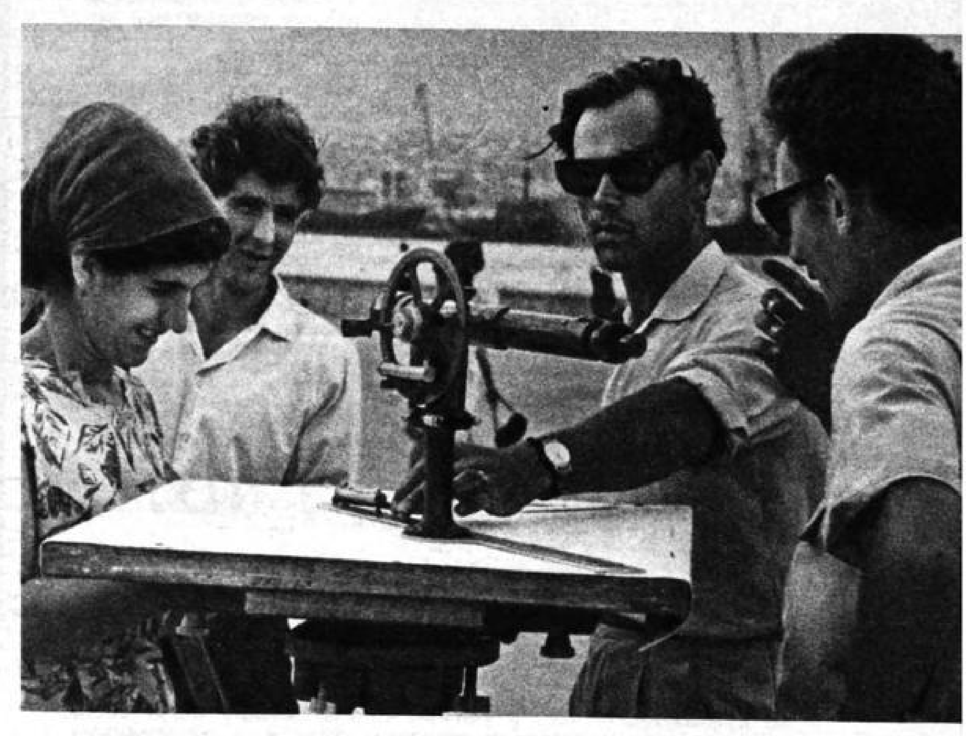


Как в любом приморском городе...

На Малой земле.



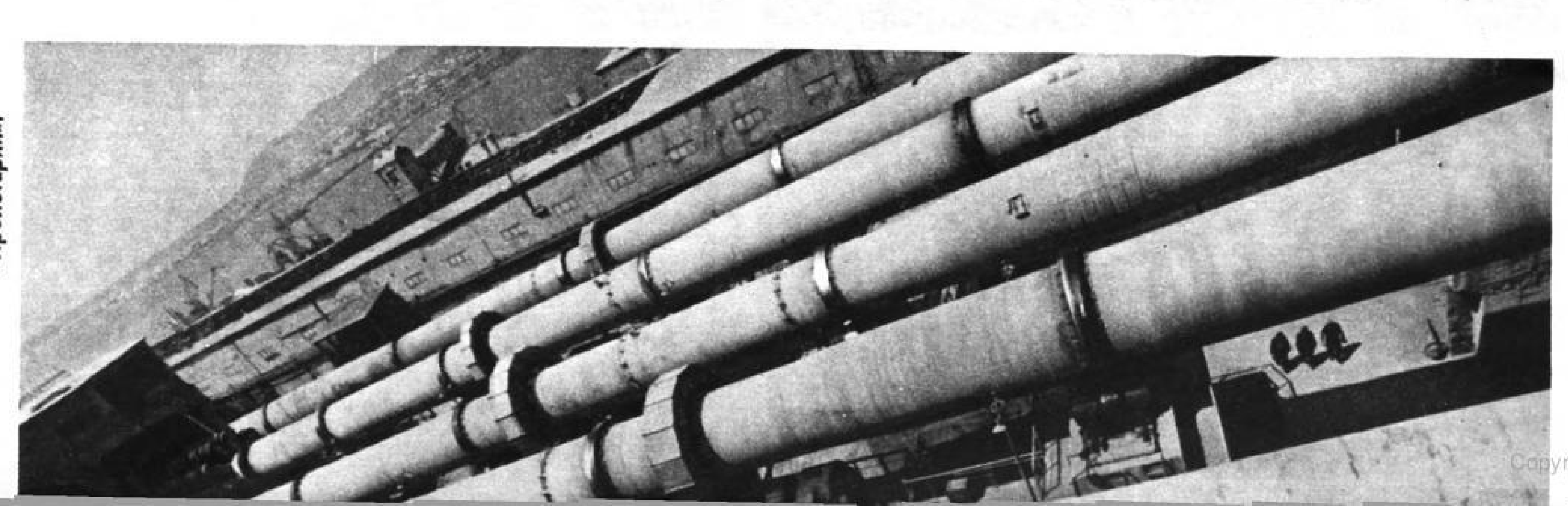
У причалов морского вокзала.



Студенты на практике.

ШИ БЕСКОЗЫРКУ МОРЯК...

Печи цементного завода «Пролетарий».



МОРЕ ПОД ЯБЛОНЯМИ

Алевтина Хегай — врач колхозной здравницы.

Когда подъезжаешь к колхозу имени Свердлова, зеленые угодья которого раскинулись сразу же за Ташкентом, первое, что бросается в глаза,— громадная буровая вышка. Впрочем, буровые установки в Узбекистане нередки. Многие колхозы в засушливое время поднимают теперь воды для полива из земли. Но эта вышка — не в пример другим — необыкновенно высокая и мощная и расположена не в полях, а в яблоневом саду, подле двухэтажного здания. И потому первый мой вопрос заместителю председателя колхоза, кандидату сельскохозяйственных наук Сусану Паку: что за буровые работы ведутся на территории колхоза?

Оказывается, гидрогеологи обнаружили тут, в глубоких толщах земли, большие запасы минеральной воды. И правление колхоза решило сделать достоянием человека подземное целительное море. С каждым днем бур уходит все глубже и глубже к отметке 3 500 метров, на которой из скважины должна забить минеральная вода. А рядом с вышкой уже строится корпус водогрязелечебницы. В ней будет установлено 10 водяных и 10 грязевых ванн. В колхозной здравнице всего за один день смогут принять процедуры 300 человек. Уже сейчас в колхозе работает поликлиника, стационар на 75 коек, 5 врачебных отделений, лаборатория, физиотерапевтический и рентгеновский кабинеты. Здесь прием больных ведут высококвалифицированные врачи.

В колхозе имени Свердлова любят строить. Уже несколько лет назад физкультурники тут стали хозяевами нового стадиона. В тополином и фруктовом парках поднялись стены детского сада; в нем будут жить 400 ребятишек. Поистине с каждым днем изменяется внешний облик центральной усадьбы колхоза, и очень трудно поверить в то, что каких-нибудь 10—15 лет назад здесь лежала заболоченная, покрытая дикими зарослями, безлюдная земля.

Ю. СБИТНЕВ, собкор «Огонька»

С ВЕТЕРКОМ

Наверное, это будет очень здорово — пронестись в таких вот санях по снежному полю! Две пары мощных лыж понесут на себе крохотный автомобиль-самолет со скоростью до 70—80 километров в час. В уютную теплую кабину могут сесть два человека. За широким ветровым стеклом — заснеженные леса, поля. Можно отправиться и в дальнее путешествие. А чтобы не заблудиться, в кабине вмонтирован компас.

Снежный микроавтомобиль «Ветерок» создают сотрудники конструкторского бюро Н. И. Камова. Они предлагают и второй вариант аэросаней с поплавками, которые заменят лыжи и позволят «Ветерку» скользить по воде.

У «Ветерка» рулевая колонка от автомобиля «Москвич». Под ней две педали: тормоз и подача газа. В небольших задних «крыльях» крепятся амортизаторы от лыж и располагается дополнительный багажник. Корпус микросаней из стеклопластика — материала красивого и прочного.

Хороший подарок готовит к пятидесятилетию Советской власти коллектив авиастроителей, возглавляемый Главным конструктором Николаем Ильичом Камовым.

П. НОВИКОВА

Снимок, который вы видите, сделан с макета аэросаней «Ветерок».

Фото С. Петухова.

НЕДОЛГО БЫТЬ ОБЪЕЗДУ

Огромной, тяжелой, серой громадой из бетона и стали навис он над Камой. Последний уложенный его пролет выдвинулся далеко вперед, словно стремясь быстрее достать следующую опору, могуче выступающую из воды.

Город Пермь в последние годы разросся и перекинулся на другую сторону реки. Приходится иногда делать крюк — объезд в полсотни километров. Новый мост нужен как можно скорее.

— Каждый год осваиваем примерно полтора миллиона рублей,— рассказывает главный инженер стройки Валерий Григорьевич Кудинов. И поясняет, что это солидная сумма для такой сравнительно небольшой организации, какой является их мостопоезд.

Мост над Камой по праву займет место в ряду таких первоклассных мостов, как Саратовский и Ярославский. Общая его длина — 996 метров. Над уровнем воды он возвышается на 25 метров.

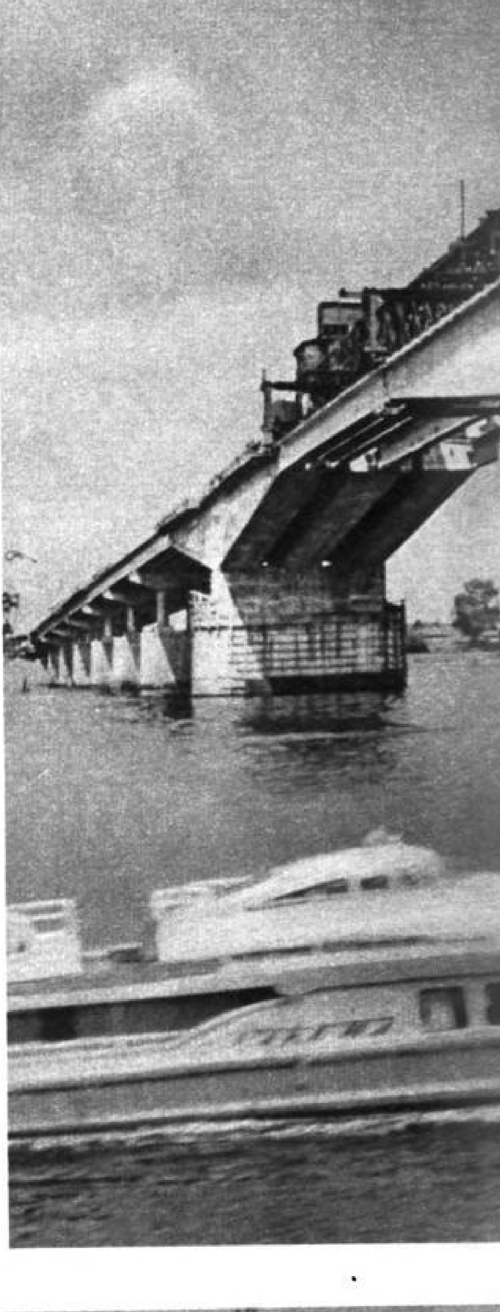
Строится мост в очень сложных геологических условиях. Грунт — песчано-гравийная смесь, под которой лежат скальные породы. Бурить скалу необычайно трудно: как только верхний ее участок разрушается, туда устремляется песок. Но строители сумели досконально изучить эту особенность и к ней приспособиться.

— Когда будет готов мост?

— Все закончим к пятидесятилетию Октября,— отвечает главный инженер.

Р. ЮРЬЕВ

Фото Л. Шерстенникова.



Разное... Разное...

УЛИЦА-МЕМ

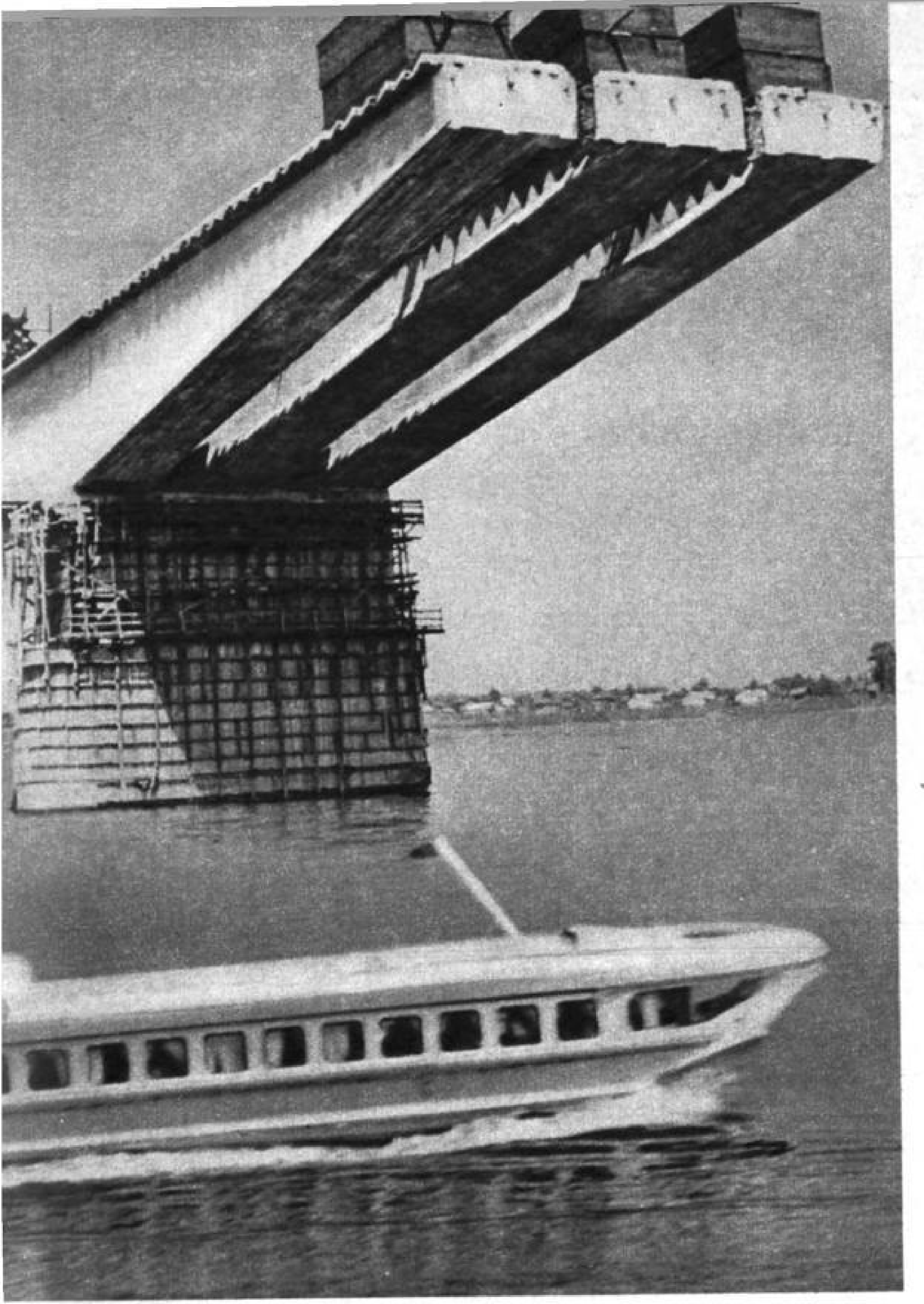
Помните древний казачий Яицкий городок, который штурмом взяли пугачевцы? Тот самый Яицкий городок, где восставший Пугачев впервые уверился в своей силе и откуда начал поход на Москву.

После поражения народного восстания до смерти перепуганная императрица Екатерина II повелела переименовать Яицкий городок в Уральск, дабы исчезло само крамольное название взбунтовавшегося города.

Много воды утекло с той поры в Урале. Некогда заштатный городок стал теперь областным городом со всеми приметами современности. Однако в Уральске сохранилось немало немых свидетелей прошлого. Если бы они заговорили! Сколько интересного, например, поведала бы небольшая церковка, уже какое столетие стоящая над живописной рекой! Это отсюда солдаты Яицкой крепости обстреливали наступавших из степи пугачевцев.

Пройдут десятилетия, и Александр Сергеевич Пушкин приедет в Уральск, чтоб посмотреть пугачевские места. Поэт пробыл в городе три дня в октябре 1833 года. Жил он в доме атамана Уральского казачьего войска. Спустя четыре года в том же доме гостил Василий Андреевич Жуковский. В те же тридцатые годы прошлого века здесь бывал Владимир Иванович Даль. А в июне 1862 года в доме атамана останавливался Лев Николаевич Толстой... Теперь в этом здании городской Дом пионеров.

Примечательный особняк. Четыре мемориальные доски рассказывают прохожим о четырех знаменитых жильцах. А если к тому



НА СВЯЩЕННОЙ ЛЕНИНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Печатью большого мастерства, творческой зрелости отмечен созданный в ЦНИИЭП зрелищных и спортивных сооружений эскизный проект мемориальной зоны города Ульяновска. Он уже одобрен, и теперь авторскому коллективу, которым руководит Б. С. Мезенцев, предстоит разработать проект детальной планировки и застройки территории в 104 гектара, расположенной между волжским откосом и полукольцом бульваров по улице Гончарова.

По замыслу зодчих, мемориальная зона послужит ядром центра города. Там будут воздвигнуты крупные общественные и административные здания. Главенствовать в ансамбле призвано монументальное архитектурное сооружение. Его возведут на историческом месте, связанном с жизнью семьи Ульяновых. Здесь расположатся филиал Центрального музея В. И. Ленина, Дом политического просвещения, крупный кино-концертный зал и картинная галерея, где будут экспонироваться произведения, посвященные Владимиру Ильичу. В праздничные дни можно будет объединять многочисленные помещения мемориального центра в одно целое.

Здание из белого известняка будет простым, лаконичным по форме и в то же время выразительным, торжественным. Двор с колоннадой откроет доступ к дому, где родился и провел свои первые годы Владимир Ильич.

Перед мемориальным центром раскинется площадь. Она примет «новоселов»: педагогический институт, высотную гостиницу, краеведческий музей.

Ан. ВЕТРОВ

ТОФАЛАРИЯ—ПРЕКРАСНАЯ СТРАНА

Каждого, кто побывает в Тофаларии, поражает ее дикая, первозданная красота. Здесь сказочные леса, здесь горы с альпийскими лугами, горы, заснеженные вершины которых зябко кутаются в облака. А в недрах Тофаларии притаились сокровища: золото и слюда, гранит и тальк. И потому сюда влечет не только туристов, но и геологов.

Где же эта страна? В Восточном Саяне, в Иркутской области. Населяют ее всего полтысячи человек. Здесь живут тофа — одна из самых маленьких народностей Советского Союза. Тофа — прирожденные охотники и оленеводы, люди мужественные, выносливые.

Когда-то жестокая национальная политика царизма поставила обитателей тайги на грань вымирания. Но Советская власть сделала все, чтоб улучшить жизнь тофа. В здешних селах теперь совсем как на Большой земле: магазины, детские учреждения, бани. Основные виды транспорта тут — самолет и вертолет. Именно они связывают Тофаларию с Нижнеудинском — районным центром.

Люди, попадающие сюда с Большой земли, не спешат расстаться с этим краем. На нашем снимке— геолог Николай Кузьмин и его четвероногий «транспорт». Немало километров прошел он по горам и таежным тропам Тофаларии за годы работы в Нижнеудинской экспедиции.

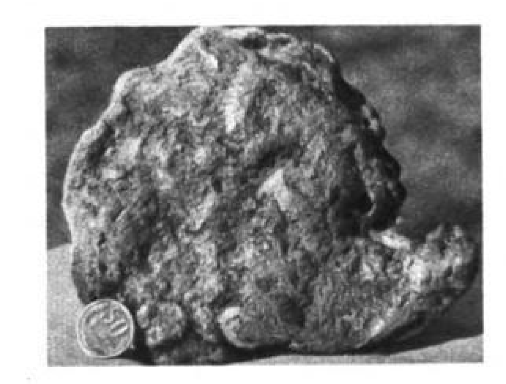
Фото Э. Брюханенко. (ТАСС.)

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Эти девушки и юноши просто сияют от радости. Еще бы: все они только что стали студентами-первокурсниками Киргизского государственного университета. И мы от души поздравляем их.

В первом году пятилетки восемь вузов республики приняли 4 300 человек — это намного больше, чем прошлой осенью. В горном крае, где до Октябрьской революции почти не было грамотных, теперь учится каждый четвертый житель.

Фото К. Толстокулакова (ТАСС).



ЗОЛОТОЙ ГИГАНТ

Этим летом на прииске имени Ю. А. Билибина был обнаружен самородок-гигант — его вес 6 943 грамма. Этот самородок вы видите на нашем снимке. Нашли его В. Затуливетров, Н. Нефедов и В. Прудников.

Находки золотых самородков на Чукотке вообще-то не редкость, но такой крупный здесь попался впервые. И всего через шесть дней на этом же участке, в Билибинском районе Чукотского национального округа, был поднят второй самородок — весом 3 705 граммов.

А. СКАЛАЦКИЙ
Фото автора.

Разное...Разное...

ОРИАЛ

добавить, что в доме, расположенном напротив, несколько раз останавливался Михаил Александрович Шолохов, то примечательной оказывается уже вся эта улица, ныне главная магистраль Уральска — проспект Ленина.

На проспекте стоит и дом, в котором в июле — августе 1919 года жил Василий Иванович Чапаев. И на этой же улице, ближе к реке Урал, примостился древний казачий курень. На мемориальной доске написано, что в этом курене в 1774 году несколько раз бывал вождь крестьянского восстания Емельян Иванович Пугачев. Жаль только, что за этим историческим домиком никто в Уральске не следит...

Михаил АНДРИАСОВ
Фото Дм. Бальтерманца.

В. ЕРМАКОВ, Л. КОЛОСОВ

Фото авторов.

Репортаж из Эмполи.

КРАСН Г ТОСК

Мы хотим рассказать вам об одном итальянском городе, где прошлое, настоящее и будущее шагают одной дорогой. Называется этот город Эмполи. До сих пор гадают историки, откуда произошло это имя, ворошат старые карты, доказывают, будто он чуть ли не ровесник Рима. Впрочем, найдется ли в Италии город, патриоты которого не утверждали бы, что в те далекие времена, когда Ромул и Рем еще сосали свою волчицу, именно в этом городе был расцвет цивилизации? А странички хроники утверждают, будто в 1015 году городские стены самого большого сада Эмполи были срыты по приказу капитанов Пизы, ибо патриотический дух «эмполези» не давал ни дня покоя правителям почти пиратской республики. И уж совсем знаменитым стал Эмполи в XVI веке: горожане под предводительством кондотьера Франческо Перуччи разгромили отряды испанских солдат, которые пришли в Тоскану, чтобы удушить Флорентийскую республику.

В заголовке этого репортажа — герб Эмполи... Его придумали местные художники 200 лет назад, в тот день, когда два соседних городка решили присоединиться к Эмполи. В ожерелье городов Тосканы Эмполи, скажем откровенно, не самый знаменитый, если, конечно, признаком знаменитости считать остатки этрусских построек или памятники раннего Возрождения, хотя, между прочим, и Дворцу гибеллинов на площади Дарината дельи Уберти лет 400... В Эмполи — несколько десятков фабрик и заводов, мастерские, склады. «Рабочий класс составляет большинство жителей»,— сказал товарищ Чезаре Николаи, руководитель местных коммунистов, по-нашему секретарь райкома. Мы сфотографировали его вместе с членом секретариата здешней парторганизации товарищем Сани около нового партийного дома, который был приобретен и оборудован на средства, собранные среди трудящихся (снимок 1).

Эмполи называют «красным» городом «красной» Тосканы, одной из трех исторических областей Италии, где левые партии располагают традиционным большинством. Эмполийские коммунисты — самая влиятельная политическая сила города. Семь с половиной тысяч человек насчитывает местная коммунистическая организация. А на выборах — муниципальных или парламентских — за коммунистов голосуют 60—65% избирателей. И еще одна деталь: когда в январе 1921 года была создана в Италии коммунистическая партия, одна из ее первых организаций возникла именно здесь. Секретарем был избран Спартако Лаваньини. Через три дня он был убит чернорубашечниками. Теперь улица, где находится этот дом, носит имя героя-коммуниста, отдавшего свою жизнь борьбе за то, чтобы «социализм восторжествовал на этой земле». Так написано на мемориальной доске.

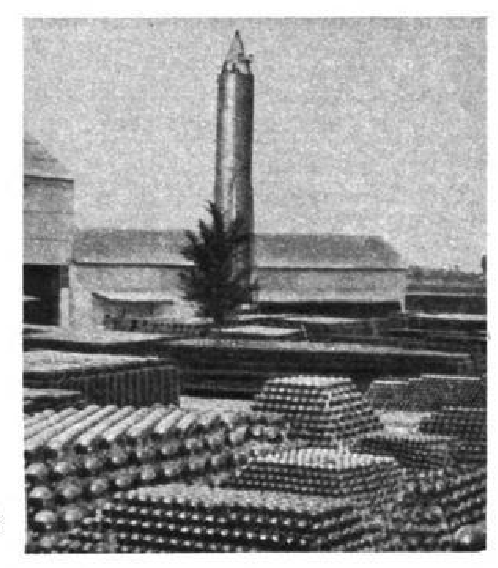
Рассказывая о недавнем прошлом города, его старожилы не забывают, что он всегда был цитаделью антифашистской борьбы, что у его стен, на его улицах не раз рабочие отряды громили фашистов, пытавшихся подавить организацию трудящихся. Лучших своих сыновей и дочерей посылал Эмполи в партизанские отряды, когда пришло время с оружием в руках выступить против фашистов.

...Но это — прошлое. А настоящее? Город набегает на шоссе двухэтажными кокетливыми домиками. Вечер. Светятся магазинные витрины, неон реклам. Нет места на автомобильных стоянках. Вдоль центральной улицы, вечерами закрытой для транспорта,—два людских потока: с одной стороны — девушки, а по другую им навстречу — парни. Такова традиция. Это называется «пасседжаны». Тут происходит знакомство. Тут назначают свидания. Мелькают знакомые лица. С этими парнями мы разговаривали в обеденный перерыв в автомастерской. А вот этих девчат мы видели во дворе фабрики, где делают фиаски... Вряд ли кто не слышал о чудесном итальянском вине. Когда-то на Руси всех иностранцев называли «немцами». Некоторые наши соотечественники, пишущие об Италии после недельного налета на эту страну, все вина Апеннинского полуострова называют «кьянти». На самом деле это только одна из многих сотен марок. В Риме заседает специальная государственная комиссия, чтобы выяснить, какие же вина, черт возьми, производятся в этой стране. Она заседает не первый год, но результатов пока нет. Славу же итальянскому вину принесло не только содержимое бутылок, но и сами бутылки: узкогорлые, пузатые, заплетенные в соломку, называемые фиаски (снимок 2). Вы видите эту бесконечную зеленую гору, уходящую к горизонту. Стекло, из которого делают фиаски, ценится не только в Италии, но и за ее пределами. Оно так и называется эмполийским. Зеленое оно не потому, что туда добавляют красители, а от песка, который имеется только здесь. Пока эти бутыли не оплетены соломкой. Работа эта ручная и требующая большого опыта и сноровки. Вот эти женщины (снимок 3), которые превращают стеклянный пузырь во всемирно известные фиаски.

Витторио Мори, директор фабрики, вместе со всей администра-

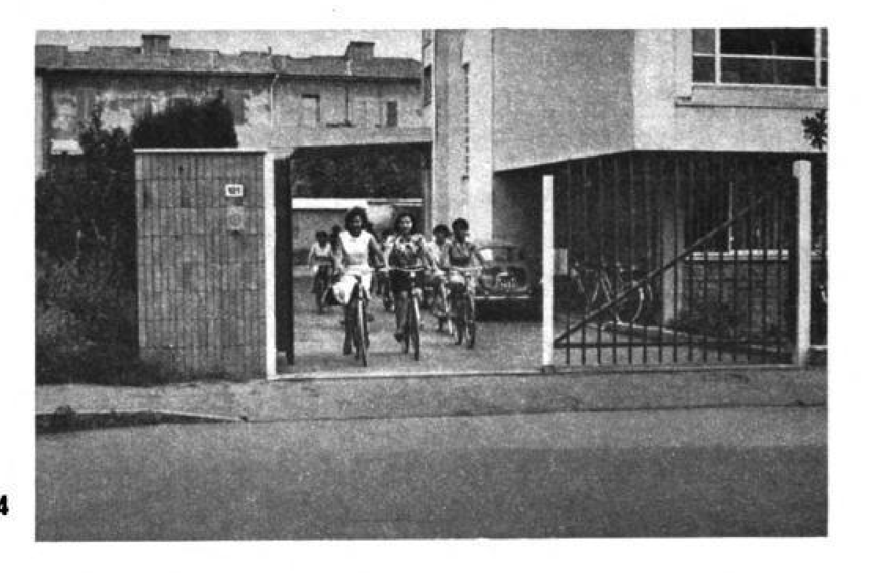
1

2



3

4



ЫЙ
ОРОД

5

6

7

АНЫ

цией принимает нас в своем, прямо скажем, не слишком комфортабельном кабинете, где голые кирпичные стены, болтающаяся на шнурке, засиженная мухами лампа да пара крепких стульев.

— Денег нет. Все вкладываем в производство,— говорит Мори. Товарищ Мори. Дело в том, что фабрика эта кооперативная. Создали ее выброшенные хозяевами на мостовую рабочие-стеклодувы, создали по инициативе коммунистов.

— Мы прошли через очень трудные годы. У нас не было оборудования, денег на зарплату. Банки не давали кредитов. В общем, и вспоминать не хочется. Но разве не понимали рабочие, что без жертв они не смогут вступить в конкурентную борьбу с частным капиталом? Ведь мы все здесь коммунисты. И они, эти женщины, что оплетают фиаски, и механик за рулем автопогрузчика, и погонщик мула, который доставит фиаски в город, куда не проехать грузовику.

Славу Эмполи создают, конечно, не только и не столько фиаски. С недавнего времени город стал серьезным конкурентом знаменитого Мурано, одного из бесчисленных островков, на котором пока стоит медленно погружающаяся в море Венеция. Муранские мастера веками сохраняли секреты своего солнечного стекла, передавая их только близким родственникам — от прадедов к правнукам. Эмполийцы не засылали лазутчиков к муранцам, не подкупали и не сманивали тех, кто был падок на звонкую монету и не прочь был бы продать семейную тайну. Просто мастера Эмполи, разработав свою технологию и рецепты варки стекла, начали делать вазы, бокалы, лампы, люстры совсем не хуже, чем муранцы. «Большинство фабрик художественного стекла кооперативные. Возникли они так же, как и кооператив «Фиаскетари». И трудности были тоже,— рассказывал нам председатель кооператива товарищ Баньоли.— А сейчас от заказчиков нет отбоя. Особенно много их в Соединенных Штатах. Там пошла мода на наши изделия. Американцы долларов не жалеют».

Между прочим, первые образцы плащей, которые у нас в Союзе почему-то называют «болонья», были выпущены в Эмполи.

Пусть читатель, однако, не думает, что в Эмполи все предприятия кооперативные. Это не так. «Красный» город живет и трудится в буржуазной стране по капиталистическим законам. На частных фабриках другие порядки: жестокая эксплуатация и бесправие.

Обеденный перерыв на швейной фабрике. Через час эти девушки должны вернуться в цех (снимок 4). Работа тяжелая и низкооплачиваемая, хотя прибыли у хозяев немалые. Особенно эксплуатируются надомницы.

У города сотни проблем. Его мэр, товарищ Марио Оссирелли (снимок 5), принимал нас в здании, которому не меньше двухсот лет. Широкий стол, городской штандарт на стене, высокие резные кресла.

— Город наш маленький,— говорит мэр,— всего сорок две тысячи жителей. Вам рассказывали, как все трудно было поначалу? Рассказывали? Так вот, сейчас есть у нас десяток кооперативных фабрик и мастерских с очень квалифицированным производством. Наша главная проблема — борьба с монополиями. Муниципалитет (двадцать шесть советников из сорока — коммунисты), в частности, решил создать широкое объединение кооператоров и мелких предпринимателей, чтобы, поддерживая друг друга, совместно вступать в конкурентные схватки. Муниципалитет построил специальный выставочный дворец для рекламы изделий местной промышленности.

Местная налоговая политика, школы, спорт, городское хозяйство — всего не перечислишь, что входит в нашу компетенцию,— продолжает товарищ Оссирелли.— Вас интересует, что мы сделали? Видели стадион?

Стадион мы действительно видели: современный, элегантный и удобный, он вмещает 20 тысяч зрителей. Рядом— дворец спорта, где проходят международные соревнования. Тут же через два года будет завершено сооружение плавательного бассейна, теннисных кортов, баскетбольных и волейбольных площадок. В Италии даже многие большие города не могут похвастаться таким спортивным комплексом.

— Почти все школы в Эмполи построены с участием нашего муниципалитета, — рассказывает мэр.— Потом мы провели еще одно решение — освободили от налогов издольщиков и почти всех рабочих. Раньше аграрии и промышленники платили такой же процент налогов, что и бедняки. Теперь платят в основном богачи. Конечно, вы знаете, муниципалитеты не являются автономными. Все их решения и проекты должны быть утверждены в префектуре. Сколько наших проектов было порвано, отменено, замуровано! Поэтому одно из основных требований демократических сил — ликвидировать институт префектов и создать систему областного самоуправления, как это предусматривает конституция.

Мы считаем, что задачи муниципалитетов не должны ограничиваться местными делами. Поэтому когда американские империалисты начали бомбардировать Ханой и Хайфон, мы на чрезвычайном заседании совета приняли резолюцию солидарности с вьетнамским народом. Резолюция — дело хорошее. Но она становится действенной, когда подкрепляется конкретной борьбой в широком единстве с другими силами...

О совместной борьбе и о необходимости искать контакты между всеми политическими и иными силами говорил нам и итальянский священник, профессор Карло Руджиньи (снимок 6).

— Можем ли мы опубликовать вашу фотографию и ваши слова? — спросили мы.

— Пожалуйста,— ответил он.— Я верю в справедливость и правоту этой точки зрения, которую разделяю не только я.

Действительно, эту точку зрения разделяют многие. Вечером среди тысяч и тысяч манифестантов (снимок 7), что вышли на улицы Эмполи, протестуя против американской агрессии, находились и католики. В Италии складывается широкое единство политических сил, выступающих против агрессии, за мир.

Маленький город Эмполи. Но разве можно назвать маленькими дела людей этого города?

РОДЕН И ЕГО ВРЕМЯ

С. КОНЕНКОВ, народный художник СССР

Роден говорил: «У гениев средства выражения так же различны, как и их души, и мы никогда не можем сказать, что рисунок или цвет у одних лучше или хуже, чем у других». Это суждение великого мастера, на мой взгляд, совершенно справедливо и непререкаемо. Блестящей иллюстрацией роденовской мысли стала исполненная с подлинно французским тонким вкусом выставка скульптурных и графических работ «Роден и его время», показанная нынешним жарким летом в залах музея имени Пушкина.

Роден, Бурдель, Майоль... Попробуйте решить: кто кого превзошел в пластике? Средства выражения у каждого настолько различны, что сравнения такого рода просто немыслимы. А между тем, созерцая избранные характерные произведения трех прославленных французских скульпторов, невольно приходишь к мысли: перед тобой абсолютные духовные ценности и время уже не властно над ними.

Одухотворенная стихия стремительного движения плоти и духа — это то, что послушно чутким, умным пальцам Родена. Мимолетное чувство, нюанс искрометного танца он преобразует в вечное искусство. Стихийный поток жизни застывает в бронзе и мраморе.

Героический монументализм Бурделя — это само существо скульптуры. Бурдель за чаяниями и нуждами века, за всем преходящим видел общие законы, правящие миром.

Величавые фигуры — аллегории Майоля. В них осуществленное стремление к гармонии покоя. Мир Майоля ясен, устойчив, классичен.

В прошлом году я писал в «Огоньке» об уроках Родена — мыслителя и художника. Я упустил тогда из виду один наиважнейший урок. Он в необычайной широте взгляда Родена на искусство. Счастливо избежав власти над собой собственных творений (это удается далеко не каждому из художников-новаторов), великий скульптор провидчески замечал новые большие дарования и горячо приветствовал их, несмотря на то, что его собственная пластическая концепция могла оказаться диаметрально противоположной идеалам и целям новоявленной звезды на небосклоне искусства. Он прекрасно понимал, что искусство — это взгляд и вкус, «отражение сердца художника на всех предметах, которых он касается». Своим ученикам он внушал: «Остерегайтесь, однако, подражать вашим предшественникам. Уважая традицию, умейте распознать то вечно плодотворное, что она таит в себе: любовь к природе и искренность,— то, к чему страстно звали все гении. Все они обожали природу и никогда не допускали лжи. Таким образом, традиция вручает здесь ключ, который поможет вам избежать рутины. Она предлагает вам всегда вопрошать действительность, но запрещает слепо следовать какому-либо мастеру».

Двадцатипятилетнего Эмиля Антуана Бурделя скульптор Далу знакомит с Роденом. За плечами у молодого ваятеля Школа изящных искусств в Тулузе, занятия в Парижской академии, где он получил право обучаться с предоставлением в течение трех лет стипендии города Тулузы. Однако академическая рутина пришлась не по нраву Бурделю, и он уходит оттуда, пробыв в стенах академии всего шесть месяцев. Впоследствии он с горечью признавался, что долго преодолевал злополучное влияние академической школы.

По себе знаю, как не согласуются академические каноны с вольным духом народного творчества. А он был вспоен и вскормлен в народной среде. Отец его — столяр-краснодеревщик. Пастухами и каменотесами были его предки.

Когда сегодня я перечитываю биографию французского скульптора Эмиля Антуана Бурделя, меня не покидает ощущение удивительной похожести наших биографий.

«В детстве он много рисует, лепит из глины фигурки, которые затем обжигает в печи вместе с пекущимся хлебом». Этот «он» так напоминает мне мальчишку из деревни Караковичи, Ельнинского уезда, что на минуту я забываюсь, и из городка Монтобана, где в семье работящего столяра-краснодеревщика живет будущий французский скульптор Эмиль Антуан Бурдель, память переносит меня на берег русской реки Десны, где в большой крестьянской семье я рос и набирался ума-разума.

«Я леплю на простонародном наречии»,— нет, выражение это совсем не ради красного словца любил повторять Бурдель. То, что впитали мы в себя с молоком матери, никакие академии не иссушат. Это я могу утверждать на основе личного опыта.

После ухода из академии Бурдель, не имевший еще громкого имени, оказался в трудном положении. Роден стал его добрым гением. В 1889 году он пригласил молодого мастера в качестве помощника. Наряду с работой по реализации замыслов учителя Бурдель интенсивно работает над своими композициями.

В 1897 году Роден добился у Комитета защитников Монтобана передачи Бурделю заказа на проектирование и исполнение «Памятника павшим в 1870 году». В 1900 году художники основали школу, куда съезжались скульпторы со всей Европы. Почти до последних дней жизни Родена Бурдель сотрудничал с ним, переводя в материал скульптуры учителя.

Но никогда и ни в чем Бурдель не поступился своим творческим «я». Широкому — нередко выходящему из берегов, назначенных скульптуре,— потоку разнообразных чувств Родена буквально противостояла идея Бурделя: предмет скульптуры — человек, концентрирующий в себе одушевленную и целенаправленную энергию.

В прославленной работе «Геракл, стреляющий из лука» Бурдель впервые в полный голос сказал об этом миру. О том, как давно зрела в нем мечта о подобном герое, говорит запись Бурделя о его работе «Адам»: «Я хочу воссоздать его таким, каким он внезапно появился перед удивленным миром, во всей своей первозданной силе...»

«Геракл» Бурделя — устремленное в будущее человечество.

Как напружинены могучие мышцы ног Геракла! Стрелоподобен силуэт. В гигантском напряжении руки Геракла, кажется, растягивают само пространство с тем, чтобы эта невиданная потенциальная энергия преодолела время.

Контрасты напряженных форм сообщают фигуре Геракла небывалый динамизм. Яростная порывистость его движений величава, монументальна. Этот эффект вовсе не случаен: в основе монументальности творчества Бурделя продуманная и прочувствованная конструкция, совершенное равновесие элементов композиции, подчинение частного целому.

Как несходны принципы двух мастеров, долгое время работающих бок о бок!

Подвижность роденовских фигур, достигнутая колдовским умением совмещать разновременные движения,— и геометрически рассчитанный монументальный динамизм Бурделя. Мягкие светотеневые «живописные» переходы форм у Родена—и резкие контрасты конструктивных объемов Бурделя. Стремление выразить тончайшие переходы человеческих чувств, сложная ассоциативность образов Родена—и ясная однозначность героических образов Бурделя. Созданная Бурделем монументальная фигура «Франция» в 1925 году была установлена в Монтобане как памятник французам, павшим в годы первой мировой войны. Другой отлив с нее, спустя двадцать лет, был установлен в Париже в честь солдат, погибших в боях с гитлеровскими войсками. Факт, достаточно красноречиво говорящий о властности пластических идей Бурделя над временем.

Высокое благородство форм, заключающих в себе вечную идею, классично и современно... Виртуозная лепка Родена: прикосновение его пальцев, сохраняющих живую трепетность даже на бронзе отливов с его скульптуры,—и энергичные удары стекой твердой руки Бурделя; аристократическая утонченность выражения одного—и угловатая, прямодушная, унаследованная от народных мастеров выразительность другого. Как несхожи они и как близки в неистовом стремлении быть «глубоко и непримиримо правдивыми» в исповеди перед человечеством!

«Искусство — прекрасный урок искренности»,— всегда искренним был Роден, которому принадлежит этот афоризм; героическое мужество — постоянное душевное качество Бурделя.

Со времен моего учения в Петербургской академии память сохранила изустный пересказ характерного диалога двух скульпторов.

Роден работает над эскизом памятника Бальзаку. Что-то не устраивает его. Он придирчиво вглядывается в фигуру. Тут же в мастерской Бурдель.

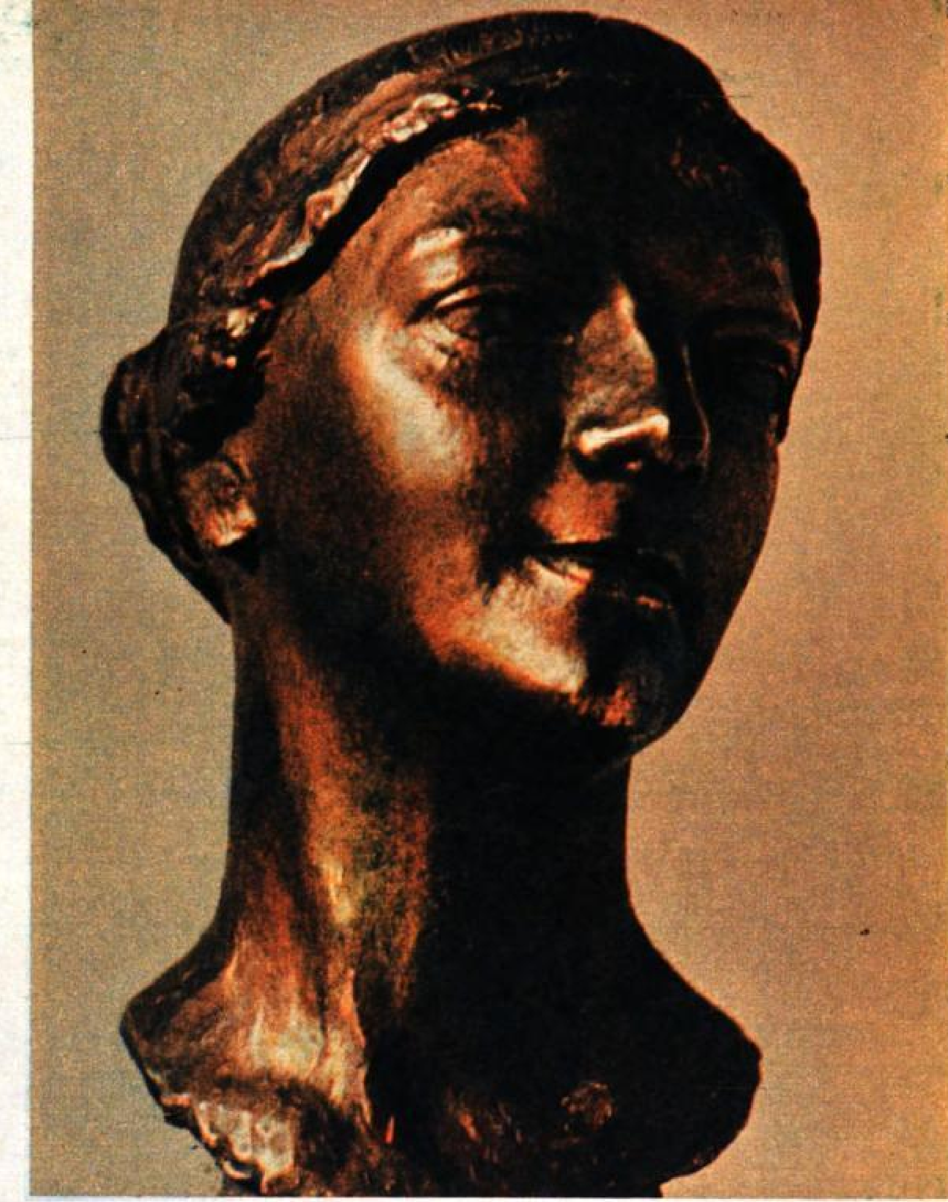
— Бурдель, ты не доволен руками?

— Нет, мэтр. Доволен. Но они чересчур обращают на себя внимание.

Ни в одном варианте «Бальзака» вы не видите рук: Роден скрыл их под ниспадающей до земли одеждой...

Огюст Роден. БАЛЬЗАК.

Эмиль Антуан Бурдель. ГЕРАКЛ, СТРЕЛЯЮЩИЙ ИЗ ЛУКА.



Шарль Деспио. ПОРТРЕТ Г-ЖИ АГНЕС МАЙЕР.

Эмиль Антуан Бурдель. БЕТХОВЕН.

Аристид Майоль. ВЕНЕРА.

Когда думаешь о дружбе двух этих очень разных людей, сами собой являются стихи нашего Пушкина: «Они сошлись: волна и камень, стихи и проза, лед и пламень...»

И Бурдель, и Майоль, и Деспио, тоже не один год проработавший в мастерской Родена, прокладывая свои пути-дороги, лучше, чем кто-либо, сознавали, какая это вершина в мировой пластике — Роден! Им раньше, чем кому-либо, открылась гениальность Родена, доказавшего практикой, всем своим творчеством, что скульптуре подвластна не только незыблемость форм, определенность состояния, вечность, но и изменчивость, движение, развитие явления, мимолетное состояние. Открывшаяся Родену истина целиком захватила его. Увлеченность, самоотверженность в творчестве, а не приемы ремесла познавали у Родена его друзья-сподвижники...

Молодой Майоль учился живописи в Парижской академии у Жерома. Старательно исполненные рисунки Майоля при первом же просмотре вызвали раздражение именитого учителя: «Вы ничего не умеете! Ступайте в школу декоративных искусств, делайте носы и уши!» Как показал дальнейший ход биографии Аристида Майоля, совет был дельным, хотя молодой Майоль, проучившись четыре года на скульптурном отделении все той же академии, сказал, иронизируя над собой: «Я оставил учение с очень ясным впечатлением, что ничему не научился».

Вернувшись на родину в городок Баньюль на берегу Средиземного моря, он занялся ковроткачеством. Но мастера по шитью гобеленов из Майоля не получилось. Здесь он не создал ничего значительного. Однако все кончилось весьма печально. К сорока годам Майоль ослеп. К счастью, через некоторое время зрение стало медленно возвращаться.

По выздоровлении он был вынужден оставить декоративную живопись, ковры и гобелены. Врачи разрешили ему встать к станку скульптора. Занятия скульптурой дали яркий результат: возникло искусство покоряющей жизненной силы. Верный глаз, свобода и смелость в работе. Таков Майоль уже через год после своего чудесного исцеления.

Отправляясь в 1904 году через Кале в Лондон, скульптор Аристид Майоль рассматривает «Граждан Кале» Родена. «Это — самое прекрасное современное произведение. Какое волнение! Я обошел группу вокруг, и все фигуры замечательны»,— передает он в письме к Родену свое восхищение.

В это же время Роден приобретает для своей коллекции маленькую «Еву» Майоля, а увидев его «Леду», заявляет: «Я не знаю во всей современной скульптуре произведения столь же абсолютно чистого, столь же совершенного шедевра».

Роден вполне искренен и справедлив в этом суждении. Прозрение Майоля сопровождалось интенсивным осмыслением всего пути искусства скульптуры — от античности до новейших открытий Родена. Он стал выдающимся преемником традиций французской реалистической пластики. Майоль был глубоко самобытен. Он претворял свои оригинальные мысли, выражая свой созвучный веку идеал, свое мироощущение художника XX века, основываясь на органически освоенном наследии предшествующих ему мастеров разных эпох.

В его творчестве нет ни цитат, ни реминисценций, однако без труда можно установить сходство мотивов целого ряда его произведений с творениями мастеров разных эпох.

«Венера» Майоля заключает в себе понятие совершенной красоты, как и во времена античности. Пафос майолевского «Памятника Огюсту Бланки» сродни героическому порыву, выраженному в «Марсельезе» Рюда. «Поцелуй» Родена и целомудренный рельеф Майоля «Юноша и девушка»— это два решения вечной темы любви. Но язык Майоля так нов и самостоятелен, что никому и в голову не придет искать в памяти или книгах его аналогов.

Человеческое совершенство, гармония духовного и физического начал — главенствующая идея в творчестве Майоля. Завет Родена «Пусть единственной вашей богиней будет природа» был твердым убеждением, мировоззрением Майоля. «Природа добра, здорова и сильна. Нужно жить с ней и прислушиваться к ее голосу — тогда создашь хорошее искусство»,— повторял он.

У Майоля свои излюбленные модели. Его взгляд ищет и находит в них характерность эпического свойства. Простота, монументальная величественность, жизненная достоверность есть в трех женских фигурах («Венера», «Стоящая купальщица», «Фигура для группы «Три грации»), показанных на французской выставке в Москве.

Все три фигуры классичны в лучшем значении этого понятия — это классика современности. Майоль сохраняет композиционный принцип древних, что позволяет ему достигнуть ощущения величавости, широкого ритма объемов и линий.

Тут снова должно заметить, как велико влияние Родена на современников.

У него учился анималист Франсуа Помпон, который, как, впрочем, все талантливые ученики Родена, вскоре нашел свою дорогу в искусстве. Чеканные формы животных Помпона впечатываются в сознание с одного взгляда. Вещи Помпона рождают симпатии к его «героям». Многие наблюдения и зарисовки в конечном счете становились в работе Помпона лишь небольшой частицей целого. Сколько любви, наблюдательности в формах его животных, такая характерность в силуэтах! Помпон тоже все время внутренне полемизировал с безоглядным стремлением Родена перевести изменчивость на язык скульптуры, то есть вечности. Конструктивность его вещей, утверждаемая им устойчивость природных форм — плодотворный стиль его дискуссии с Роденом.

И еще один пример влияния искусства Родена на современников. В свои преклонные годы великий живописец Франции Огюст Ренуар стал... скульптором круга Родена. Выставленная в Москве «Большая прачка» Ренуара полнотой форм, богатством светотеневых нюансов живо напоминает фигуры обнаженных женщин живописца.

Ренуар боготворил Родена, исполнил его портрет. Широко известна трогательная дружба Ренуара и Майоля.

В 1907 году, в год обращения великого живописца к скульптурной пластике, Майоль в течение недели вылепил портрет Ренуара, полный уважения и нежной любви к большому художнику.

Одухотворенный, порывистый облик, запечатленный в портрете, выражал самое существо ренуаровского отношения к искусству и жизни. Он вскрывал душу искусства Ренуара. И надо же такому случиться: когда подходил к концу последний сеанс, бюст опрокинулся и превратился в бесформенный ком глины. Ренуар заплакал. Майоль же, не дав чувствам возобладать над собой, хладнокровно и спокойно принялся восстанавливать портрет. Через день было готово точное повторение.

Страсть Ренуара к скульптуре вскоре подверглась тяжкому испытанию. Застарелый ревматизм привел к тому, что постепенно руки перестали слушаться. И тогда его друг, торговец картинами Амбруаз Воллар, приложив немало усилий, находит молодого, способного и самоотверженного скульптора по имени Гино, который с величайшим смирением в течение нескольких лет исполнял роль послушного инструмента Ренуара. Так были осуществлены выдающиеся произведения Ренуара-скульптора.

В записях своих встреч с Ренуаром легкое, изящное перо Поля Гзелля фиксирует такое примечательное шествие: «Накануне вернисажа я встретил Огюста Родена в Салоне Национального общества в сопровождении двух его учеников, уже ставших мастерами: превосходного скульптора Бурделя, который выставил в этом году неукротимого Геракла, пронзающего стрелами стимфальских птиц, и Деспио, отличающегося изысканной тонкостью выполненных им бюстов».

Разговор о скульпторах времени Родена был бы неполным, когда бы мы не вспомнили о Шарле Деспио — интеллектуальном герое современной истории французского искусства. Философский склад ума, веселый нрав, достойная всяческого уважения независимость скульптора обеспечивали ему признание в мастерской Родена и в глазах общества. Роден был высокого мнения о нем, ценил заслуги Деспио перед искусством и Францией. Благодаря поддержке Родена молодой Деспио стал кавалером ордена Почетного легиона. Целый ряд больших и интересных заказов — это тоже участие Родена в судьбе Деспио.

Общая черта учеников и соратников Родена — внимательное, уважительное отношение к натуре — главное в творчестве Деспио. Своим острым, как скальпель хирурга, аналитическим умом он исследует модель, чтобы потом это свое суждение о человеке высказать в едва заметных изменениях форм лица. В его портретах каждая частность многозначительна, а собранные воедино, они дают глубокий «психологический разрез» человеческой личности. Деспио — тонкий наблюдатель, и столь же утонченны его образы. Они требуют углубления в себя, известного усилия мысли, коль скоро вы хотите постичь мастера психологического портрета Шарля Деспио.

...Над обликом Бетховена Бурдель начал биться в 1888 году. Он сделал десятки этюдов и композиций — различные варианты выражения могучей бетховенской мысли. Только в 1923 году, создав проект монумента гениальному музыканту, он, видимо, счел, что приблизился к своему идеалу насколько было возможно.

...И меня полстолетия не оставляло желание заставить звучать музыку Паганини в формах немой скульптуры. Не мне судить, насколько я преуспел в этом. Я старался. Мир музыки притягателен для скульпторов. Естественно, что чаще всего преклонение перед музыкой ваятель стремится передать в образах любимых композиторов. Мое увлечение титанической музыкой Баха завершилось созданием портрета композитора. Мелодии Рахманинова помогли мне выполнить портрет великого музыканта, когда он позировал в моей студии...

Роден бесстрашно шел вперед, стремясь выразить языком пластики сложнейшие понятия. Ведь искусство — это обязательно одержимость идеей, которая растет в процессе движения к цели.

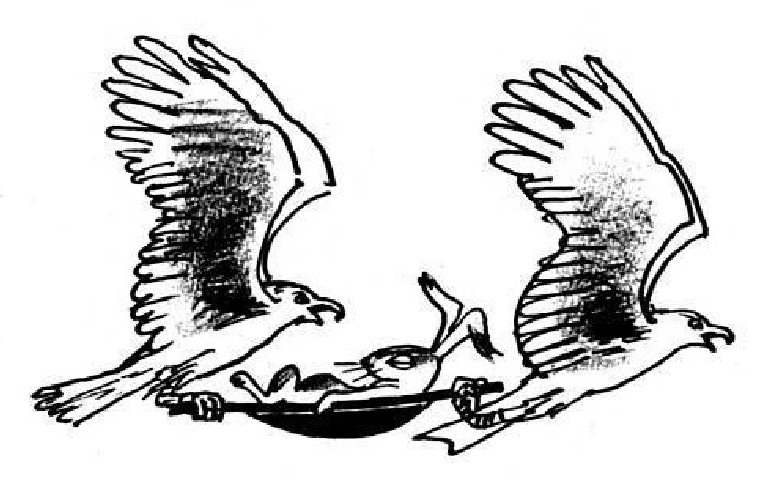
Мы говорим «Роден и его время», видя вместе с Роденом «Красоту в правде», где понятие красоты всякий раз индивидуально, но основано на правдивой передаче природных форм. Одержимость высокими задачами гуманистического искусства их накрепко объединяет. Это точная формула —«Роден и его время».

Франсуа Помпон. БЫК.

ВРАГИ И

Игорь АКИМУШКИН

Рисунки Ю. Черепанова.



Сегодня мы продолжаем разговор о защите природы. В «Огоньке» уже рассказывалось о проблемах, связанных с охраной рыбных и лесных богатств нашей страны.

Автор нового очерка — писатель и биолог Игорь Иванович Акимушкин, известный своими книгами «Следы невиданных зверей», «Куда? и как?», «И у крокодила есть друзья», «Тропою легенд».

Ждем новых откликов!

КОГО ЖЕ МЫ ИСТРЕБЛЯЕМ!

Четыре года назад такой вопрос задал писатель, зоолог, главный редактор журнала «Охота и охотничье хозяйство» Олег Гусев.

На страницах журнала шла очень полезная дискуссия. Все началось со статьи профессора Г. Дементьева «Нужно ли истреблять хищных птиц?».

Профессор писал, что во многих странах мира пернатые хищники охраняются законом. В Англии, например, с 1954 года запрещено разорять гнезда и убивать хищных птиц. Разрешается лишь по особым лицензиям ловить живых соколов и ястребов для соколиной охоты, которая все больше входит в моду на Западе.

И в средние века и в античное время люди любили и берегли хищных птиц. Но потом, как это не раз уже случалось в истории, маятник качнулся в обратную сторону: их объявили врагами и стали безжалостно истреблять. Принесло ли это пользу?

Нет, только вред! Дичи, которую хотели оградить и умножить, уничтожая ее природных врагов, стало... меньше. Да, дичи не прибавилось.

Первым заметил это норвежец Август Бринкман.

С начала века норвежцы без пощады избивали в своих лесах ястребов, соколов, филинов: хотели, чтобы больше было белых куропаток. Но куропаток год от году становилось все меньше. В 1927 году Август Бринкман доказал, что куропатки гибли от болезней. По-видимому, хищники, уничтожая в немалом числе больных куропаток, выполняют требования санитарии.

И в лесах, нам более близких, в России, случались подобные же казусы. В Беловежской пуще управители ее решили избавиться от всех ястребов, соколов, орлов, сов и других дневных и ночных хищных птиц. За три года, с 1899 по 1901, всеми способами уничтожили 984 хищника. И что же? Результат был нам уже известный: боровой дичи, глухаря в особенности, стало меньше!

Рассказывают также, что в это же примерно время в бывшей Смоленской губернии граф Уваров и фабрикант Хлудов в своих имениях повели кампанию беспощадного истребления хищников силами местных жителей. За убитых ястребов егерям и крестьянам давали деньги, порох и дробь. Три года длилось избиение: почти всех хищников всех видов перестреляли, и... сразу же начался массовый падеж белок, зайцев, тетеревов.

И Уваров и Хлудов поспешили исправить положение: опять же за деньги стали покупать у крестьян живых хищников, которых ловили в соседних лесах, и выпускать в своих имениях.

Известный соколиный охотник Эйтермозер заметил, что соколы нередко нападают не на ближайшую птицу, а на... ненормальную, которая летит не так, как другие. Он решил проверить: может быть, хищники не хватают всех без разбора, а предпочитают нападать на больных птиц?

Десять своих соколов Эйтермозер стал напускать на ворон.

Ловчие птицы сбили 136 ворон. Их внимательно осмотрели: у восьмидесяти одной вороны не нашли никаких телесных недугов, но другие пятьдесят пять явно неважно себя чувствовали до того, как попали в когти к соколу.

Тогда в той же местности экспериментаторы без помощи соколов сами добыли сто ворон. Стреляли всех без разбора: здоровых было среди сотни 79, а больных — 21, то есть в процентном отношении вдвое меньше, чем у соколов.

Вывод может быть только один: соколы явно предпочитают нападать на больных птиц!

В последнее время зоологи, наблюдавшие за другими хищниками — четвероногими и морскими,— заметили, что и у тех такая же склонность: охотиться на больных и раненых животных. Проявляется ли в этом своего рода биоценологический инстинкт, то есть инстинкт, возвышающийся над видовыми интересами и обеспечивающий выживание всего сообщества видов,— биоценоза? Или, может быть, просто больных добыть легче?

Последнее бесспорно: ведь ловля птиц — дело нелегкое даже для пернатых асов. Примерно каждые два голубя из трех, на которых пикирует сокол-сапсан, уходят невредимыми. Лишь один из трех атакованных голубей падает, рассеченный его когтями.

Понятно, что пернатые пираты предпочитают нападать на больных животных: те не так внимательны, не так быстры. Часто и держатся особняком, в одиночестве. Здоровые собратья, повинуясь инстинкту, обычно изгоняют их из стай.

ОХРАНЯЙТЕ ХИЩНЫХ ПТИЦ!

Уничтожая больных птиц и грызунов, хищники и нас тем самым спасают от страшных недугов и эпидемий. Многие дикие животные носят в крови и в чреве своем возбудителей чумы, туляремии, энцефалита, лептоспироза, орнитоза и других трудноизлечимых или неизлечимых заболеваний.

Так правы ли мы, объявляя хищных птиц своими врагами? Разумно ли будет безжалостно их истреблять?

Нет, не разумно. А между тем избиение хищных птиц продолжается. От некоторых укоренившихся заблуждений людям очень трудно избавиться.

Для многих охотников и сокол, и лунь луговой, и сарыч-мышеед, мирно парящий над лесом,— враги, которые не могут рассчитывать на пощаду, мишень для пальбы в цель. Стреляют в любую птицу хищного облика, не разбирая, полезная она или вредная. Многие охотники, я в этом убедился, не умеют, даже взяв в руки ястреба, отличить его от коршуна, оставаясь в наивном неведении, что, кроме ястребов и коршунов, есть еще и сарычи, мохноногие канюки, луни (пять разных видов, из которых только один опасен для дичи!), подорлики и разные там осоеды и змееяды. Для не искушенных в зоологии людей это слишком академические тонкости.

А ведь из 46 разнообразных видов дневных хищных птиц, обитающих в нашей стране, только два вида — ястреб-тетеревятник и болотный лунь — действительно вредны: истребляют немало дичи, которую охотники не прочь и сами пострелять.

Вот и получается, что среди убитых птиц, за лапки которых в охотсоюзах выплачивали премии по два с половиной рубля за пару, 80—90 процентов составляют полезные или безразличные для хозяйства человека виды.

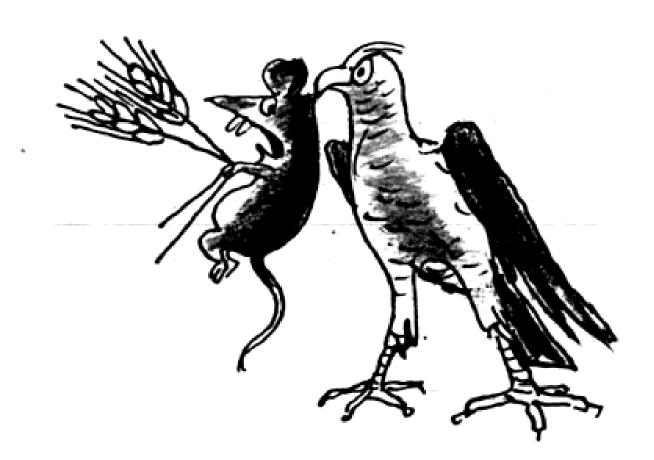
В 1962 году в нашей стране было уничтожено 1 154 700 «вредных» птиц. А сколько погибло подранков! Сколько убитых птиц вообще не было зарегистрировано!

Соколы и ястребы, помимо всего другого, «полезны» и тем, что их ведь можно выгодно продать (на валюту!). Живых, не мертвых, конечно. Соколиная охота все более популярна — не хватает соколов. У нас они еще есть и, возможно, скоро станут тем товаром, который найдет большой спрос за границей.

А мы их бессмысленно уничтожаем.

«Уничтожали!»— возможно, возразят мне. Да, верно: особым

ЛИ ДРУЗЬЯ?



приказом Главное управление охотничьего хозяйства и заповедников запретило недавно безрассудное истребление хищных птиц.

Такая быстрая и такая положительная реакция высшей охотничьей администрации на рекомендации зоологов очень похвальна. Приказ издан своевременно. Но, мне кажется, он еще не дошел до сознания широких масс охотников, колхозников, школьников и тех, кто преподает зоологию в школе. Потому что уничтожение хищных птиц еще продолжается. В некоторых школах, кружках и юннатских станциях еще учат детей уничтожать хищных птиц, проводятся конкурсы под лозунгом— кто больше разорит их гнезд и сдаст когтистых лапок. Я уж не говорю о нравственном ущербе этих конкурсов, в которых награды выдают за массовые убийства животных: есть ведь и важная практическая сторона. Такие конкурсы вредны, а хищные птицы полезны. Помните об этом и охраняйте хищных птиц!

А ВОЛКИ!

Исследования последних лет показали, что, объявляя всех хищников врагами, мы сильно ошибались. Не всегда, не везде и не все хищники наши враги. Многие из них очень полезны. Необдуманное избиение львов, леопардов, волков часто нарушает равновесие в природе и приносит больше вреда, чем пользы. Поэтому сейчас во многих странах Африки леопард, а местами и крокодил взяты под защиту закона. Леопард полезен тем, что истребляет много диких свиней и обезьян, разоряющих поля, а крокодил — полудохлых рыб, разносящих заразу, вредных насекомых и ракообразных.

Установлены поразительные вещи: выдра, которая поедает рыбу, оказывается не враг, а друг рыболовов. В водоемах, где выдр становилось меньше, уловы рыбы сначала ненадолго увеличивались, а потом быстро убывали. Когда выдру снова разводили, рыбы вскоре тоже становилось больше. Выяснилось, что выдры поедают главным образом больных рыб и производят тем самым естественную дезинфекцию рыбьих стай.

С пеликанами такая же история: во Флориде их охраняют, и с тех пор (как стали охранять) рыбы там прибавилось. В Турции же объявили пеликанов врагами, истребили их, и в результате рыбы стало меньше.

Оказывается, даже волки полезны! Не везде и не всегда, конечно. Когда волков много, они поедают немало домашней птицы и домашнего скота—в этом их вред. Но когда волков немного, они выступают в другой роли — истребителей неполноценных, нежизнеспособных и больных зайцев, лосей, оленей и других обитателей леса.

Американский президент Теодор Рузвельт решил в начале нашего века сохранить оленей на плато Кайбаб, в Аризоне (США). Перебили здесь всех пум и волков. Казалось бы, олени должны были теперь процветать. Они и действительно поначалу сильно расплодились, быстро превратив в пустыню цветущий край, а потом тысячами стали дохнуть. И от голода, и от болезней, и от бесплодия, которое, как недавно установлено, наступает у многих животных, когда их слишком много собирается в одном месте.

Так же и в Канаде: уничтожили волков и ожидали, что северных оленей, карибу, станет больше. Но их стало меньше!

В 1953 году фермеры в штате Колорадо дружно принялись истреблять койотов, мелких степных волков. «Но немедленно прекратили,— пишет Жан-Поль Арруа, генеральный секретарь Международного союза охраны природы,— обнаружив, что стоимость ягнят и телят, жизнь которых они спасали, не компенсировала ущерба, наносимого их полям и лугам кроликами, наводнившими весь округ».

Многие исследователи заявляют сейчас, что неправильно делить диких животных, как драматических героев классицизма, на хороших и плохих, на полезных и вредных.

В природе между различными видами животных и растений за миллионы лет их совместного существования установилось естественное равновесие. Поэтому безрассудное уничтожение разных зверей и птиц нарушает это равновесие, и в результате могут погибнуть другие животные и даже растения, расплодятся вредители и сорняки. Одним словом, последствия могут быть очень печальные. Не говоря уже о том непоправимом уроне, который это бессмысленное уничтожение редчайших созданий наносит науке и красотам окружающего нас мира.

Бывает так, что истребление одного из видов ведет к тому, что другие, еще более вредные или менее полезные животные расширяют за его счет свои владения, заполняя образовавшийся вакуум.

Пример — история соболя и колонка́. Когда в Сибири у нас стало мало соболя, колонок, мех которого, бесспорно, менее ценен, перешел в наступление: сильно расширил свой ареал. Когда же во многих районах вновь восстановили соболя, там почти полностью исчез колонок.

НЕВИДИМЫЕ НИТИ

Природа — очень сложный «суперорганизм». Все ее элементы, живые и неживые — почвы, леса, звери, птицы, минералы,— одно целое. Комплекс приспособленных друг к другу, взаимодействующих и взаимосвязанных процессов. Они уравновешивают друг друга, пока эта система не нарушена. Неумелое вмешательство в жизнь природы может привести к роковым последствиям. Достаточно выдернуть одну карту из карточного домика, чтобы рухнула вся постройка.

Так и человек, не зная или зная плохо архитектуру природного здания и пытаясь тем не менее внести в него свои поправки, уподобляется нередко ученику чародея, вызвавшему неумелым колдовством разрушительные силы, с которыми сам не может справиться. Разве злосчастное разведение кроликов в Австралии не достаточно убедительный урок?

Другой пример — акклиматизация мангуст на Ямайке.

Легионы крыс, расплодившихся на этом острове, пожирали много сахарного тростника: пятую часть всего урожая! Плантаторы решили с этим покончить. В 1844 году завезли на Ямайку из Южной Америки множество гигантских жаб, у которых была репутация отчаянных врагов крыс. Но оказанного им доверия жабы не оправдали, крыс на Ямайке не стало меньше.

Тогда привезли хорьков. Но местные насекомые-паразиты совсем замучили хорьков, и те почти все погибли.

Наконец в 1872 году кому-то пришла идея обратиться за помощью к мангустам. Купили их в Лондоне в зоопарке и выпустили в шуршащие тростники на Ямайке. Но полуручные мангусты отказывались ловить крыс: они их боялись, так как никогда не видели.

Пришлось ехать в Индию за дикими мангустами. Привезли четырех самцов и пять самок. Эти крыс не боялись. Быстро прижились и расплодились. Через десять лет съели всех крыс и принялись за... поросят, ягнят, кошек, водосвинок, щелозубов, ящериц, птиц. Они грозили истребить большую часть островной фауны. Иммигранты, которых пригласили есть только крыс, оказались куда более прожорливыми, чем крысы, и вскоре стали истинным бичом для всего живого на острове.

Иногда самыми неожиданными путями тянутся невидимые нити биологических уз от одного существа к другому, от животного к растению, от дерева к почве, из почвы в облака и опять к зверю и цветку. Все в природе взаимосвязано. Все зависит от всех. Не будем же нарушать эти связи.

Мария ХАЛФИНА

Рисунки Игоря БЛИОХА.

От конторы до дома Матвей шел больше трех часов; очнулся на окраине поселка, на берегу, откуда весь затон как на ладони. Сотни впаянных в лед пароходов, буксиров, барж, паузков... Милый диковинный городок — с улицами, переулками...

Но ведь было же следствие, проверили же все от начала и до конца... Люди доказали, что ни в чем он не виновен... За что же теперь-то такое?

Забрел в тихий, безмолвный парк. Посидел, смахнув снег, на старой промерзшей скамье. Здесь, на этой скамье, пять лет назад в первый раз поцеловал Лидию. Как же ей-то он теперь расскажет про такую беду? А отец?! Матвей замычал и, растирая сведенную судорогой щеку, побрел по заснеженной тропинке к выходу из парка. Выходит, не только здоровья, а кое-чего и подороже лишила его война.

Его не наказали... «Простили» за то, что, не до конца убитый, попал он в плен. Но, выходит, жгучей коростой приросло к нему это маленькое подлое слово. Выходит, теперь он клейменый, и, возможно, до конца жизни.

Только теперь Матвею стало понятно, почему так переменился за последнее время отец, почему так подавлены братья. Наверно, отец и Семен хлопотали за него, а им объяснили, что не ходить больше Матвею в механиках. И почему не ходить...

Пока отец молчит, и Матвей решил разговора не затевать, а тем временем разведать насчет работенки. Можно в цехе на ремонте послесарить, а там дальше видно будет. Мотористом или масленщиком на буксир, поди, возьмут — масленку-то не побоятся доверить? Совпало так, что в эти же трудные дни Матвея два раза повестками вызывали в управление МГБ. Понадобился он для дачи показаний по делу такого же бедолаги, возвратившегося из плена. Несколько месяцев находились они с Матвеем в одном лагере.

А по поселку пополз слушок, что Матвей-то Третьяков, оказывается, «под комендатурой», что от суда и лагерей спасли его только какие-то сильные дружки. Вот таскают его на допросы, на работу брать не разрешают, и папашенька знатный помочь не может ничем.

Все эти слухи приносила Лидия; ходила она теперь с опухшим от слез лицом, несчастная, подурневшая. Утешать ее Матвей не пытался: она ничему не верила и ни на что не надеялась.

Однажды вечером, проходя через прихожую, Матвей случайно услышал, как Семен, умываясь в кухне, тихо, сквозь зубы рассказывал отцу:

— ...а он, сука такая, ухмыляется. «Настоящие-то,— говорит,— патриоты стрелялись, чтобы в руки врага не попасть, а уж если по ранению попадали в плен, так бежали из лагерей в партизаны, а не сидели, не ждали, когда наши придут да освободят!»

Матвея долго трясло, он не решался выйти к ужину, чтобы не увидеть подавленных, хмурых лиц отца и братьев. Он тихонько прокрался через прихожую и пошел со двора. Настоящего друга, к которому можно было бы пойти с такой бедой, у Матвея не было. Побродив по улицам и окончательно продрогнув, он зашел в пристанскую забегаловку, носящую тройное название: «Голубой Дунай», «Кафе-крапивница» и «Бабьи слезы».

Там его, пьяненького и ослабевшего, подобрал и увел к себе капитан с буксира «Иртыш» Прошунин Василий Иванович.

На другой день, оживший и повеселевший, Матвей за ужином порадовал семейных, что Василий Иванович оформил его на «Иртыш» мотористом. Механиком на «Иртыше» идет парнишка, салага, первой навигации, так что Матвей только числиться будет мотористом, а фактически... Матвей оживленно взглянул на отца и осекся... Он не учел того, что Третьякову не пристало работать в цеху наравне с какими-то слесарями, тем более не положено Третьякову плавать на энтом... «Иртыше», под командой Васьки Прошунина. Васька-гад и беретто Матвея ради того только, чтобы унизить его, Егора Игнатьевича Третьякова.

Все это Егор Игнатьевич, поигрывая желваками на скулах, но не повышая голоса, разъяснял Матвею. И потом, после тяжелой, нехорошей паузы, сказал, что придется, видимо, Матвею из поселка уехать. Другого выхода нет. Матвей растерянно смотрел на отца, на братьев. Почему же ребята-то молчат? Неужели такое можно всерьез?!

— Куда же я из дому поеду?

— Да придется, видно, подале куда. Туда, где нашу фамилию не знают. Где людям все равно: Третьяков ты али, скажем, какой-нибудь Сидоров. Лучше всего, конешно, тебе податься на низ. Там не разбираются, кого хошь берут. Там тебя не спросят: то ли ты в плену был, а может, по пятьдесят восьмой в тюрьме сидел. Опять же платят там хорошо. Надбавки разные и подъемные дают...— спокойно пояснял отец.— Лидия пущай у нас поживет, пока ты на новом месте не устроишься. Деньжонками на дорогу и на первое прожитье мы с Семеном тебя снабдим. Ну, опять же и пенсия у тебя... А здесь оставаться тебе никак невозможно. Конечно, у нас отец за сына или брат за брата не отвечает, но тем не менее нам из-за тебя любой паразит чуть в глаза не плюет. И ведь, между прочим, сам ты виноват: никто тебя на работу не гнал, вот весна скоро, копался бы с матерью в огороде, сено, дрова — хватило бы в хозяйстве работы, и никому дела нет: инвалид Отечественной войны... А ты лезешь людям на глаза... механик!

Тут уж Матвей понял, что отъезд его — дело решенное, обговоренное и с братьями и с Лидией. Понял и испугался до дрожи, до холодного пота.

— Ты, что же, не веришь мне? — спросил он, дергая щекой.

— Не мне тебя судить! — строго оборвал отец.— Военный суд тебя оправдал, значит, вины твоей нет перед партией и правительством нет, но на чужой роток не накинешь платок. Я не могу допускать, чтобы фамилию мою всякий марал, а также и ребята не обязаны через тебя страдать. Со временем, может, забудется, встанешь на ноги, утвердишься и вернешься...

Впервые в жизни Матвей ослушался отца. Он не уехал. Не мог он представить себе жизни где-то в другом месте, с чужими людьми. Он так натосковался о доме, о семье... Он просто не успел еще отогреться у родной печки... И почему он должен бежать из родного дома? За что?

Матвей не уехал и, отмалчиваясь на холодное молчание отца, работал на «Иртыше», готовя машины к навигации. По счастью, до выхода флота из Затона оставались считанные дни.

Матвею казалось, что за лето, пока они все будут в плавании, отец и Семен в чем-то обязательно разберутся, что-то такое поймут, и, когда осенью семья соберется под родной крышей, все будет забыто, и вернется прежняя добрая жизнь.

И, может быть, Лидия родит ему сына.

Но ничего за лето не изменилось, не забылось. Отец ходил туча тучей; братья молчали. Лидия к осени еще сильнее располнела, и Матвею почудилось, что сбывается его заветная думка о сыне. И все остальное рядом с этой радостью показалось ему мелочным и незначительным.

Вот родится еще один Третьяков — и все встанет на свои места и все, что произошло в семье, минует как дурной сон.

— Сын... Егорушка... Егор Матвеевич Третьяков!..

— Ты с ума сошел? — прошептала Лидия, и столько в ее свистящем шепоте было искреннего, неподдельного изумления и брезгливого испуга, что Матвей понял: никогда ему, Матвееву сыну, Лидия не позволит родиться.

В эти трудные дни, когда в доме Третьяковых с каждым часом становилось все темнее, тише и холоднее, Матвей начал выпивать. Не часто и не много, но вполне достаточно, чтобы положить на фамилию Третьяковых еще одно темное пятно.

А потом случилось такое. Экспедитор орса, четыре года провоевавший в интендантских тылах, как-то в забегаловке, чокнувшись с Матвеем, сказал, доброжелательно осклабившись:

— Я бы на твоем месте, товарищ Третьяков, спрятал бы эти самые ордена подальше, в мамашин комод. Вот если бы ты их после плена заслужил, другая бы им цена была...

За всю жизнь, даже в мальчишеских драках, Матвей ни одного человека не ударил в лицо. А тут, закрыв глаза, чтобы не видеть жирной, подлой ухмылки, он схватил обидчика за грудки и с неожиданно воскресшей третьяковской силой повел его перед собой затылком вперед, к дверям.

С трудом вырвали из Матвеевых рук синего от удушья и испуга экспедитора, а Матвея увели составлять протокол. Выручать его пришлось Егору Игнатьевичу, чтобы не допустить дела до суда.

А Валерка ждал вызова в военное училище. Пройдены все комиссии, давно отправлены документы, а вызова все не было.

— Сем! А могут меня из-за него не принять? Ребята говорят: у кого в семье есть враги народа или кто-нибудь в плену был, таких даже и в пехотные не берут...

Говорил Валерка, не понижая голоса, не думая о том, что дверь в Матвееву боковушку открыта, что он может услышать.

И Матвей услышал. Вот тогда он и понял окончательно, что для Третьяковых куда было бы лучше иметь хорошую похоронную, чем живого, но побывавшего в плену сына.

А вечером к нему пришла мать. Плотно прикрыв дверь, присела на край постели и, склонившись к Матвею, лихорадочно зашептала:

— Уезжай, Матюша, ради Христа, уезжай! Что ты за них цепляешься?! Или ты

Продолжение. См. «Огонек» №№ 35, 36.

слепой, или глупый? Это ж волчья порода... Разве можно им поперек дороги становиться? И на людей ты, Матюша, не сердись. Это ведь не по тебе, а по отцу бьют. Много он людям зла наделал, вот теперь через тебя с ним люди и рассчитываются. Ты уезжай, а как устроишься,— забери меня к себе... Мне бы хоть немножечко на воле пожить... около тебя...

На другой день она сама собрала его в дорогу.

Полгода работал он на низовом лесоучастке. Там хорошо платили, а ему тогда одно только и нужно было: хорошо заработать, приехать в отпуск домой прилично одетым, с доброй копейкой, с дорогими подарками. Работал до одури, до отупения, чтобы не думать, заглушить тоску по дому, по семье. Водки в рот не брал, экономил на питании, на табаке. На первые его письма скупо отвечал Семен. Сообщал семейные новости: Валерку в училище все же приняли, учится отлично. Вообще о Валерке Семен писал подробно, но адреса его Матвею не сообщал. Из Семенова же письма Матвей узнал, что Лидия переехала к отцу. Известие это его не очень огорчило, к тому времени он примирился с мыслью, что теперь он Лидии в мужья не годится.

Матери он в письмах аккуратно слал поклоны, спрашивал о здоровье. Семен писал: «Пока жива-здорова, но прихварывает, кланяется тебе».

Потом письма из дому прекратились, и тогда все чаще и тревожнее стала Матвею вспоминаться мать. И однажды ночью, когда особенно тяжело не спалось, его вдруг словно осенило: не надо было тогда оставлять ее с ними одну. Сразу нужно было уезжать вместе. Плохо ли, хорошо ли, а вместе... Ведь одна же она у него осталась, кроме нее, роднее, милее ее, нет у него никого на свете.

Уже давно предлагают ему на соседнем рыбоконсервном заводе место механика и комнатку дают. Жили бы они теперь вдвоем, тихо, чисто. И это был бы настоящий его дом, и никуда бы его больше не стало тянуть.

За две недели Матвей уволился, послал на консервный завод заявление, сообщил, что едет за матерью, попросил приготовить комнату и на первом же попутном пароходе выехал домой.

В дороге, от чужого человека, в случайном разговоре узнал, что мать умерла два месяца назад. Его не известили о болезни матери, не позволили проститься, проводить в могилу.

В последний раз Матвей вошел в дом отца трезвым. Одет он был неплохо, выглядел окрепшим и спокойным. Думая, что Матвей приехал в отпуск, встретил его отец приветливо.

После второй стопки, узнав, что Матвей уволился и не намерен возвращаться «на низ», присмотревшись к слишком уж спокойному лицу сына, Егор Игнатьевич насупился и спросил напрямую, не собирается ли дорогой сынок начать все сначала.

— А ты, батя, отрекись от меня через газету, надежнее будет,— оскалившись кривой ухмылкой, посоветовал Матвей.— Мне теперь все равно. Дотерпела бы маманя, дождалась бы меня, увез бы я ее... Я же за ней ехал, да опоздал.

Отец поднялся над столом огромный, разгневанный.

— Вон из моего дома, иуда, подлец!..— Он указал на дверь перстом: — И не смей материно имя порочить! Это ты ее в могилу свел!

Матвей пьяный бродил по поселку. Денег и новой одежды хватило на две недели. Пропив все, что было возможно, вернулся к отцу и залег в кухне, за печью на раскладушке. «Матюшину боковушку» занимал теперь Семен с молодой женой.

Лежал, пока отец и Семен не откупились — приодели в кое-какое старье, дали денег на дорогу.

Проплавав до осени матросом на барже, Матвей опять явился домой пьяный и гостил больше месяца.

И так повторялось много раз. Как-то исчез на полгода. Третьяковы вздохнули свободнее, думали, кончилось их позорище, но осенью Матвей появился в поселке совершенно больной, раздетый, опухший, тихий.

И случилось так, что в этот же вечер, когда Матвей пришел к отцу, из Семенова бумажника пропали деньги, сто двадцать рублей. По тем временам деньги небольшие.

Матвей плакал и клялся, он даже на колени пытался встать, только бы ему поверили. Он молил Семена вспомнить, где тот мог обронить или потратить эти проклятые деньги. Но ему не поверили. Тогда на следующее утро он взял из отцовского кармана пятьдесят рублей, пропил их и, вернувшись вечером домой, сказал, пьяно ухмыляясь:

— Ну вот теперь я действительно вор. Теперь, батя, будешь в полном праве вызвать милицию и препроводить меня, варнака такого... вора Мотьку Третьякова... алкоголика... в тюрьму. Тебе, батя, в народе говорят, это — дело знакомое, в тюрьму-то людей определять?

Вот тогда-то отец и избил его и выбросил в промозглый октябрьский вечер на улицу.

— Он меня, понимаешь, в жизни пальцем не тронул, он меня никогда даже словом грубым не обидел...

Матвей хрипло откашлялся и надолго замолчал. Стало слышно, как на печке вздыхает и покряхтывает Иван Назарович. Вера беззвучно плакала, широко открыв рот, чтобы не слышно было.

— И ведь бил-то он меня не за деньги. И Сенька и он знали, что я тех денег не брал... а, может, их и вообще не было, тех денег-то. Просто надо было ему избавиться

тая весть

от меня наконец... любой ценой, лишь бы избавиться.

Тут Иван Назарович скатился с печки, бодро погремел кружкой о ведро и, напившись, сказал торжествующе и так, словно они с Верой были в избе одни:

— Ну, Верка, что я тебе говорил? Помнишь? Не поладилось что-то в жизни, пошло кружить наперекосых, ну и сшибло человека с ног. А ты — алкоголик! Да разве алкоголики-то такие бывают? Алкоголик — это если по природе идет от деда к отцу, от отца к сыну. Пары водочные в крови, тут уж, конечно, дело табак. И то не всегда. Все от человека зависит. Это уж вы мне поверьте, я в этих делах мало-мало разбираюсь. Сам алкоголик был. И дед запойный, и отец, и сам я, почитай, до пятидесяти годов пил. Ну-ка, подвинься...

Он пришлепал босыми ногами в Матвеев угол и, потеснив его, плотно уселся на край топчана.

— Вот ты в отместку отцу пить начал, а стоит ли он того, чтобы через него жизнь свою молодую рушить? Это ж куркуль, продажная шкура. Матери твоей он жизнь укоротил, тебе душу изувечил, видать, не одного соседа в тюрьму загнал, и ничего, живет себе, перед людями чванится. До совести, до души его не доберешься, потому что жиром они у него заросли. Чего же ты до сей поры его отцом кличешь? Какой же он отец? В такое время от сына откачнуться, это ж... Любая животная свое дитя от беды грудью прикрывает... Забудь про него раз и навсегда. И про бабу свою тоже забудь. Разве же это тебе жена? Ты ищи себе бабу верную, на которую в любой беде положиться можно, чтобы все у тебя с ней было неразделимо вместе. Дом для нее поставь, а она тебе сыновей народит, вот тогда станешь ты настоящий житель на земле.

А что касаемо водки, ты скрепись, потому что срок тебе уже остается теперь недолгий. Выдюжишь примерно так до двадцать седьмого мая, не сорвешься, значит, говори, что стал ты опять сам себе хозяином: ходи, посвистывай и хвост держи пистолетом. Это я все по себе знаю. Только та и разница, что ты сдуру пил, и пил ты всего три года, а я был запойный тридцать пять лет. Так-то вот, милый сын!

Про отца забудь, а что зубы он тебе вышиб — скажи спасибо. Это он, сам того не зная, всю дурь из тебя вместе с зубами выбил. И не вздумай ты зубы вставлять раньше времени! Вот когда уверишься сам в себе до конца, что можешь ты безвредно, в хорошей, скажем, компании выпить рюмку-другую и не потянет тебя за стакан схватиться, вот тогда иди к самолучшему врачу и вставь самые что ни на есть красивые зубы. И живи.

Уже спустя несколько лет как-то Вера уважительно спросила Ивана Назаровича: что означало это число — двадцать седьмое мая и наказ не вставлять зубов раньше срока? Не гипнозом ли тогда лечил Иван Назарович Матвея от запойной тоски?

Ивана Назаровича Верины предположения очень рассмешили. Но Верино предположение, что именно он, Иван Назарович, помог Матвею излечиться от запоя, очень ему польстило.

А чего ж? Что ни говори, а неизвестно, куда бы оно, дело-то, обернулось, если бы не взял тогда Матвей Егорович во внимание его советов. В любом трудном деле надо, чтобы человек точно знал срок этому делу, силы свои рассчитал, уверился сам в себе... Так-то вот все сошлось: и по срокам и по всему прочему, что наказывал ему тогда Иван Назарович.

О том, «как оно все сошлось», Иван Назарович знал только по Вериным письмам, потому что его самого к этому времени на Дальнем уже не было.

Заболел Иван Назарович еще на исходе зимы, но все крепился, перемогался и только к ледоходу окончательно слег.

Жаловаться и стонать он не умел. Покряхтывал да натуженно отдувался, когда становилось совсем уж невмоготу. Лечили его всеми доступными средствами: парили в бане, натирали грудь и бока скипидаром, пробовали за неимением лечебных банок накидывать на спину стаканы... Вера скормила ему все порошки и капли из своей небогатой аптечки... А Ивану Назаровичу становилось день ото дня хуже и хуже.

Все тревожнее хмурился Матвей, все чаще уходил по вечерам к реке... Дотянет ли старик, пока вскроются реки и прибежит с Центрального катер? Вера тоже нетерпеливо ждала ледохода. И ждала и страшилась. Не шли с ума когда-то услышанные слова: «Как бы не ушел и он вместе со льдом!»

И подумать только: совсем ведь не так уж и далеко были врачи, больница, нужные лекарства, а здесь погибает у тебя на глазах человек, и ты ничем не в силах ему помочь...

Весна была ранняя, дружная, и Иван Назарович все же дождался катера. Только на катер Матвей снес его уже на руках.

Уложили его в капитанской каютке. Немного отдышавшись, он послал Веру на берег, велел сломить ему на дорогу веточку нераспустившейся черемухи. Конечно, это была явная придумка, просто Иван Назарович хотел отослать Веру от себя, но она не обиделась, поняла, что надо ему на прощание поговорить с Матвеем Егоровичем.

Она вышла на берег, постояла недолго на высоком яру, посмотрела хмуро, как прямо у нее на глазах рушится к черту с таким трудом налаженная, тихая и ровная жизнь... С катера на берег выгружалась артель лесорубов. Строители и жители будущего рабочего поселка Дальнего. С гоготом, руганью мужики сновали взад-вперед с катера на берег, бежали, пританцовывая, под грузом на узеньких, хлипких сходнях... На берегу росли штабеля кирпича, ящиков, бочек с горючим, кулей с мукой и картофелем.

Наломав за избушкой пучок черемухи, Вера спустилась в ложок, сломила еще несколько веток цветущей вербы. Она прижала к щеке бархатно-нежные комочки, облепившие веточку вербы. Желтенькие, пушистые, словно крохотные цыплята, они едва уловимо пахли медом...

Вера закрыла глаза и заплакала... Вот и опять она одна. На катер она пробралась, пряча от чужих взглядов опухшие, наплаканные глаза. Артель, выгрузившись, расположилась в тени сарая обедать. На катере готовились сниматься с причала. Матвей стоял подле рубки с капитаном, а в каютке около Ивана Назаровича сидел чужой мужик, тот, что руководил разгрузкой, судя по всему, бригадир артели. Он пожал Ивану Назаровичу руку и, покосившись на Веру, сказал ласково и серьезно:

— Будь спокоен, лечись себе и ни о чем не думай, не беспокой себя понапрасну...

К вечеру, пока дотянулись до Центрального, Иван Назарович совсем ослабел. Не то дремал, не то был в забытьи. Только в конце пути, когда катер уже подваливал к пристани, Иван Назарович открыл глаза и поманил к себе Веру. С трудом стащив с узловатого пальца старенькое серебряное кольцо, он притянул Веру за руку и надел кольцо на безымянный палец ее левой руки.

— Тебе оно большое... ты его не носи... спрячь до времени...— превозмогая одышку, наказал он — Как замуж пойдешь, сама ему на палец надень... скажи, что отцова память... отцовское вам обрученье...

На Дальний Иван Назарович уже не вернулся. Помереть ему в больнице не дали, но и для работы в лесу он больше не годился. Немного оклемавшись, прямо из больницы уехал на Алтай, где в деревне, еще в отцовском домишке, в одиночку доживала свой век его старшая сестра-бобылка.

Из его, чужой рукой писанных, невразумительных писем ничего толкового невозможно было вычитать, хотя и перечитывала их Вера не по одному разу. То ли умирать он поехал под родную крышу, то ли после болезни сил набираться под родным алтайским небом.

А на Дальнем все изменилось. Восемнадцать чужих мужиков. За зиму подле Матвея и Ивана Назаровича Вера отвыкла от шума, от грубости и сквернословия.

Бросить бы все и бежать куда глаза глядят... Ее и сейчас охотно взяли бы на Центральный в мастерские, да не велел Иван Назарович пока что трогаться с Дальнего... Строго-настрого наказывал, чтобы «не спущала она с Матюхи глаз», пока не обживется он среди артели, не начнет помаленьку снова привыкать к людям.

— Главное дело, следи, чтобы не закурил он с мужиками. Ежели закурит, тогда, боюсь, трудно ему будет в артели выдержать... Может и запить обратно...

Теперь Вера холодела каждый раз, когда мужики, подсевши к Матвею, доставали из карманов кисеты. Знала по себе, как мучительно временами тянуло закурить, как трудно было удержаться, особенно когда пахнет на тебя махорочным дымком... А он ведь мужчина, и курил-то он не один и не два года, а пятнадцать с лишним лет. Легко ли? Ну, а что могла сделать она одна без Ивана Назаровича? Тем более что, проводив старика, Матвей перебрался из избушки на житье в сарай, «присматривать» за ним Вере стало совсем несподручно.

Пока Матвей держался стойко. Утром уходил с артелью в лес или работал на постройке, а вечером, после ужина, собирал свое нехитрое рыбацкое снаряжение и шел на реку, на нижнюю заводь. С питанием становилось все труднее, и мужики сами, нередко даже и днем, гнали его рыбачить. А Веру сговорили кашеварить. Конечно, накормить три раза в день девятнадцать здоровых мужиков, когда все продукты по скудной норме,— дело тоже не простое, но ей было все равно, лишь бы поменьше быть с ними.

Кроме того, сверх жалованья бригадной поварихи артель и от себя положила ей хорошую плату. А ей денег сейчас надо было много. Очень уж хотелось поскорее собрать для Ивана Назаровича хорошую посылочку: справить ему бельишко тепленькое из бумазейки, жилет меховой заказать, чтобы грудь у него всегда в тепле была, и еще одеяло бы стеганое, ватное... У этого бродяжки у старого под конец жизни и постели-то доброй не было...

Работали артельные от темна до темна. После ужина, не отдохнув, шли расчищать поляну под огород, надо было не упустить время: насадить и картошки и всякой огородины, чтобы осенью, когда приедут семьи — бабы с ребятишками,— встретить их по-хозяйски, с запасом.

Через неделю неподалеку от избушки, на веселом, солнечном пригорке, из заготовленного зимой леса вырос вместительный, добротный барак. Потом, пониже старой банёшки, поближе к воде, срубили новую баню; топилась она «по-белому», вода в большом деревянном чане грелась змеевиком.

Рядом с бараком, под нешироким навесом, Верины владения: летняя кухня и «столовая» — длинный тесовый стол, окруженный аккуратными тесовыми скамьями.

Бригадиром артели был тот самый Вихорев Ефим Степанович, мужчина неопределенного возраста и характера. Немногословный, вроде бы медлительный, а дисциплину в артели держал строго.

К Вере и Матвею он относился дружелюбно. Иногда Вере казалось, что Вихорев ищет случая поговорить с ней о чем-то, но, видимо, случая такого на первых порах не выходило. Работала артель слаженно и дружно. Шесть дней работала, седьмой гуляла. Собственно, попойку начинали с субботы, когда после бани садились ужинать. В воскресенье опохмеляться начинали с утра и гуляли уже напролет до вечера, пока Вихорев не бил отбоя.

Кончали гулянку спокойно, аккуратно допивали остатки и брели в барак, чтобы успеть отоспаться перед новой трудовой неделей.

В первую субботу обмывали новый барак. Приглашать Матвея в компанию пришли старик Лазарев и веселый, хулиганистый

Аркаша Баженов. Приглашали уважительно и вроде бы не очень настойчиво. Для приличия пригласили и Веру.

Через час пришли снова, уже крепко пьяные. Начали хватать Матвея за руки, обнимали, оттирая помаленьку к двери.

Матвей стеснительно отнекивался, улыбался жалкой, какой-то виноватой, сконфуженной улыбкой.

Вера сидела у окна, спиной к мужикам. Молчала, стиснув зубы, чтобы не зареветь. Но тут на пороге встал Вихорев. Окинул честную компанию беглым взглядом, что-то негромко скомандовал Лазареву, не сильно пихнул Аркашку кулаком в плечо, и они враз успокоились, замолкли и послушно потянулись из избы.

Вихорев, пьяный, благодушный, долго жал Матвею руку, гладил его по спине, по плечам, убеждал не сердиться на ребят:

— Ты, Матвей Егорович, не думай, они, робяты-то, от всей души... Они тебе плохого не хочут... Конечно, ежели ты не употребляешь... ежели не положено тебе... значит, все! Разве мы не понимаем? Нельзя, значит, нельзя. И правильно! Ну ее в пим, отраву собачью!

Потом он подсел к Вере, стал восхвалять ее поварское умение, от лица всей бригады трогательно благодарил за согласие потрудиться на пользу обществу.

А когда Матвей вышел из избы, Ефим Степанович, обдавая Веру винным духом и водя перед ее лицом кривым, желтым от махорки пальцем, зашептал:

— Ты, деваха, нас не опасайся. Я робятам скажу, они к нему не станут вязаться. Конечно, тебе переживанье, все же брат... Опять же фронтовик, контуженный... пострадавший... Ты в случае чего прямо ко мне. Не опасайся... если чего не так, ты прямо ко мне, безо всякого...

Так Вера узнала, что Матвей снова стал ее братом. По пьяной сочувственной болтовне Вихорева и еще по кое-каким признакам она догадалась, что милая заботушка Иван Назарович, уезжая, успел все же перекинуться с Вихоревым нужным словом.

В следующую субботу обмывали кухню и столовую. Матвей сразу после бани, прихватив кое-каких харчишек, ушел на реку и вернулся с доброй добычей только в воскресенье поздним вечером, когда артель уже полегла в бараке мертвым сном.

И когда пришла очередь обмывать баню, он опять на целые сутки укрылся в тайге.

На сердце у Веры становилось вроде бы повеселее, но тревога все же не отпускала. Очень уж ненадежный вид был у Матвея Егоровича, и вел он себя все же не так, чтобы можно было ожидать хорошего.

Худой и черный от весеннего таежного загара, до глаз заросший серой дремучей бородой, жил он какой-то до невозможности тихий и посторонний среди людей. И о чем-то он все время напряженно и неотступно думал.

Иногда Вере казалось, что Матвей мучительно и, может быть, уже из последних сил борется с тем проклятым врагом, что, по выражению Ивана Назаровича, «сидит, сволочь, в нутре и точит, и сушит человека, не дает ему ни покоя, ни радости»... Может быть, именно сегодня, вот сейчас, махнет он на все рукой, поднимется: «Да пропади оно все пропадом... Сколько же можно?!.» И закурит в обнимку с Аркашкой Баженовым... Подойдет к столу, возьмет в руку полный до краев граненый стакан. И никакая сила не сможет его удержать... И ни к чему тогда окажутся все зимние страдания: как отобрала она от него махорку, как заставляла через силу есть соленую черемшу и сырую тертую картошку от цинги; чуть не волоком тащили они его в лес, на чистый воздух, работать заставляли, а у него ноги-то опухшие были... Словно кандалы какие, висели на нем и она и Иван Назарович, не давали ему покоя. Неужели же все это напрасно?!.. Неужели все ни к чему?!

А потом ко всем этим переживаниям прибавилась еще одна непрошеная забота: Олежка Фунтик.

На первых порах Вера к мужикам не присматривалась, и были они все на одно лицо. Грубые, грязные, горластые. Сразу видать, народ бывалый.

Семнадцать человек. А восемнадцатым оказался длинный, тощий пацан с чудной фамилией — Фунтарев. Худой и злющий, как необученная полугодовая овчарка. Огрызался он и рычал на любого, кто интересовался узнать: как это его, такого чудика никудышного, загнало в тайгу?

А тут и дознаваться было нечего. Любому дураку ясно, что не от добра забился парнишка в темный лес, на край света.

Работать он не умел. Не было у него ни силы, ни выносливости, ни мужской сноровки в работе. И шуток он не понимал. И комары его заедали...

Нередко вечером, после работы, он уже не мог есть. Сидел за ужином тупой, равнодушный, опустошенный усталостью.

Вера подсовывала ему лишний кусок за столом. Ругаясь, заставляла отпаривать на ночь ободранные руки, перевязанные грязными, заскорузлыми от засохшей крови тряпками. Смазывала бесчисленные ссадины и болячки йодом из своей походной аптечки... А он косился на нее исподлобья, грубил и огрызался.

Работать он старался изо всех сил. Не работал, а надрывался, только бы не вызвать новых насмешек и гогота Аркашки Баженова.

А Баженова Аркадия, видно, таким уж зародил бог. Не мог он, чтобы над кем-нибудь не потешаться. С легкой его руки Олег в первые же дни из Фунтарева превратился в Фунтикова. Причем кличку эту Аркашка произносил, вытянув губы трубочкой, с присвистом: «Фьюньтиков!»

Потешался Аркадий не над одним Олежкой. Он зубоскалил и награждал прозвищами всех подряд, невзирая на лица.

Так, к приземистому, усатому Гордиенко сразу же накрепко прилипла кличка «Бульба». Тощий, унылый вдовец Останкин превратился в Могилкина, здоровенному Андрюхе Маркину, когда таборили хлысты, уже всей артелью орали:

— Давай, Лебедка, давай-давай! Вира, вира, помалу!

Кое-кому такие достались клички, что употреблять их можно было только в лесу. При Вере выражаться и похабничать было как-то неловко.

И никто, кроме Олега, на Аркашку не обижался. Без его зубоскальства на Дальнем совсем было бы тошно.

В одно из пьяных воскресений Вера подобрала Олега в кустах за бараком. Лицо и руки его облепили комары. В одиночку, с трудом ворочая вялое, бесчувственное тело, отплевываясь, Вера перетащила его в избушку.

Потом, ругаясь сквозь зубы, стирала единственные его брючишки и тесную спортивную курточку.

А утром, не поднимая мутных, опухших глаз, бледный до зелени, Олег молча натянул еще не просохшую одежонку и ушел... Ни спасибо не сказал, ни до свидания...

В следующую субботу, как только Олежка вышел из бани, Вера окликнула его и приказала натаскать ключевой воды в кадушку на питье. Олег молча взял ведра и пошел на ключ.

Вечер был ветреный и холодный, собирался дождь. Мужики после бани ужинать расположились в бараке. Наполнив кадушку, Олег, покосившись на Веру, взял топор и принялся рубить смолье на растопку. Но тут на крыльцо вышел пьяный Аркашка и, обняв за плечи, увел Олега в барак.

Д'Аламбер. Гравюра Кошена по рисунку Ватле.

Д'Аламбер. Рисунок А. С. Пушкина.

ПОРТРЕТ Д'АЛАМБЕРА СРЕДИ РИСУНКОВ ПУШКИНА

Многочисленную галерею известных нам лиц, изображенных Пушкиным, мы можем пополнить вновь раскрытым портретом-рисунком, который находится в одной из рукописей поэта 1830-х годов, именно в «Альбоме 1833—1835 гг.», и представляет собой мужской портрет, нарисованный на обороте пятого листа альбома.

Портрет расположен под черновым текстом сатирического стихотворения «Французских рифмачей суровый судия...», в левом нижнем углу альбомного листа (во время рисования альбом был повернут). Сатирическое стихотворение, написанное Пушкиным в 1833 году, обращено к знаменитому французскому поэту-сатирику XVII века, создателю поэтики классицизма, Н. Буало-Депрео.

Портрет неизвестного лица представляет карандашный профильный рисунок головы мужчины в парике. Профиль рисунка легко и в то же время тщательно прорисован (детали рисунка чуть-чуть усилены), черты лица под легкой штриховкой чеканно-скульптурны. Весь портрет удивляет проникновением в характер, ум и значительность изображенного. Перед нами человек с высоким, красивым лбом, лицо дышит силой и убежденностью, во взоре светится мысль. Это замечательная личность, ученый, мыслитель.

В изображенном Пушкиным лице мы узнаем по несомненному иконографическому сходству выдающегося французского просветителя, ученого-энциклопедиста, философа и геометра Жана Д'Аламбера (1717—1783). Сравнение рисунка с имеющимся у нас рядом изображений Д'Аламбера, в особенности с гравюрой В. Хопвуда по портрету Латура и гравюрой Кошена по рисунку Ватле, и приводит нас к несомненному выводу о тождестве лица, изображенного на рисунке Пушкина, с Д'Аламбером.

Знаменитый мыслитель и ученый, блестящий полемист, один из умнейших людей Французского Просвещения, соратник по «Энциклопедии» и друг Д. Дидро привлекал к себе Пушкина. Поэт не мог не знать об известном и замечательном факте: Д'Аламбер отказался от предложения Екатерины II приехать в Петербург и занять место наставника будущего Павла I. Вознаграждению в 100 000 франков Д'Аламбер предпочел независимость.

Между созданием портрета-рисунка Д'Аламбера и стихотворением «Французских рифмачей суровый судия...» можно проследить некоторую внутреннюю связь. Переходя от Франции времен Буало к русской современности 1830-х годов, Пушкин обращает гневный голос к своим противникам по литературно-журнальной борьбе:

...О вы, которые, восчувствовав отвагу,
Хватаете перо, мараете бумагу,
Тисненью предавать труды свои спеша,
Постойте — наперед узнайте, чем душа
У вас исполнена — прямым ли вдохновеньем
Иль необдуманным одним поползновеньем,
И чешется у вас рука по пустякам,
Иль вам не верят в долг, а деньги нужны вам...

Литературно-журнальной поденщине, ремесленничеству и пресмыкательству в поэзии Пушкин противопоставляет «прямое», то есть подлинное, вдохновение как стимул творчества, единственно оправдывающий литературный труд и придающий ему высоту и значительность.

В личной библиотеке поэта находилась редкая книга под названием «Дух, изречения и принципы Д'Аламбера». В одном из разделов книги — «Геометр» — мы читаем:

«В сознании творящего геометра воображение играет роль не меньшую, чем в создающем поэте; правда, они действуют различно по отношению к своему предмету; первый обнажает и анализирует его; второй — сочиняет и украшает его; правда и то, что этот различный способ действия принадлежит лишь разным характерам ума; вот почему таланты великого геометра и великого поэта никогда не совпадут в одном человеке. Но хотя они и исключают друг друга, тем не менее они не имеют никакого права презирать друг друга. Из всех великих людей древности Архимед, возможно, больше всех заслуживает быть поставленным рядом с Гомером».

Мысли Д'Аламбера о роли воображения в творчестве геометра и поэта развились у Пушкина в замечательное по своей точности и глубокой психологической правде определение творческого вдохновения: «Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно и объяснению оных. Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии».

Имя Д'Аламбера Пушкин единственный раз упоминает в своем отрывке «О прозе»: «Д'Аламбер сказал однажды Лагарпу: Не выхваляйте мне Бюфона, этот человек пишет: «Благороднейшее изо всех приобретений человека было сие животное гордое, пылкое и проч.» Зачем просто не сказать лошадь. Лагарп удивляется сухому рассуждению философа. Но Д'Аламбер очень умный человек, и, признаюсь, я почти согласен с его мнением...»

Литературный стиль Д'Аламбера отличается строгостью и точностью. Это именно те черты, которые требовал Пушкин от прозы: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат».

Формирование пушкинского стихотворного и прозаического стиля связано с искусством классицизма. К классическим традициям восходят и мысли Д'Аламбера о слоге, сочувственно цитируемые Пушкиным. Они явились своего рода «связующим звеном» на пути создания классической пушкинской прозы.

В кругу указанных ассоциаций и возникает замечательный пушкинский портрет-рисунок Д'Аламбера, подлинно художественный образ выдающегося деятеля Французского Просвещения.

Несмотря на то, что Пушкин никогда не видел Д'Аламбера, он достигает в своем рисунке такой глубины характеристики, которой — можно утверждать смело — не обладает ни один из известных нам портретов Д'Аламбера, созданных современниками замечательного французского просветителя.

В. ЛАВРЕНТЬЕВ

Вера собрала для себя и для Матвея ужин, но есть не хотелось. С полчаса она протолкалась еще у плиты, из рук у нее все валилось, а в бараке уже орали песню, неумело пиликал на баяне Андрюха Лебедка. Дальше ждать было нечего. Не замечая подошедшего Матвея — сейчас ей было уже не до него,— Вера схватила с плиты огромный жестяной чайник и решительно направилась в барак. Может быть, алкоголики проклятые чаю захотят.

Олежка, уже совсем пьяный, стоял, прислонившись спиной к тесовой перегородке. А перед ним с полным стаканом водки в руке куражился Аркашка.

В полумгле, в табачном дыму Вере почудилось, что все семнадцать сообща потешаются над несчастным Фунтиком. И всем для чего-то требуется, чтобы выпил он этот страшный стакан водки.

С маху стукнув чайником о стол, Вера шагнула к Аркадию и, отведя рукой от лица Олежки стакан, сказала грубым, совершенно не своим голосом:

— Отойди от пацана! Что он тебе сделал? Чего ты к нему пристал?

Все это было настолько неожиданно, что Аркадий, тупо приоткрыв рот, на какое-то мгновение отступил, и, воспользовавшись этим мгновением, Вера обернулась к Олежке и схватила его за плечо.

— Чего ты губы-то распустил?! А ну, марш отсюда!— Она оторвала его от стены, толкнула к выходу, но Аркадий уже опамятовался:

— Пардон, мадам, вы что это себе позволяете?— Нагло прищурясь, он выплеснул водку в лицо Веры, швырнул под ноги стакан и, повернувшись к Олежке, ткнул его кулаком в подбородок. Олежка лязгнул зубами и, заваливаясь вбок, гулко ударился затылком о стену.

Вера охнула и, заслонив собой Олежку, встала между ним и Аркадием.

— Гад, бандюга, паразит!— зашипела она сквозь стиснутые зубы и вдруг, вскинув подбородок, пошла грудью на Аркадия, на пьяную его ухмылку, на литые, чугунные кулаки.

— Ты! Рожа! — Аркашка бросил на грудь Веры хищно растопыренную пятерню и медленно, сводя пальцы, скомкал в кулаке ветхое ее платьишко.— Стереги своего полоумного братца, а в наши дела не лезь, поняла... рожа?

Он рванул Веру на себя, но тут над его плечом возникло бледное лицо Матвея. Аркадий взмахнул руками и, запрокидываясь навзничь, поехал вдруг куда-то в сторону от Веры.

Было похоже, что сейчас начнется всеобщая свалка. Мужики, сгрудившись в кучу, ревели, пихались кулаками куда-то в середину, где были Матвей и Аркашка.

— Матвей Егорович!— не своим голосом завопила Вера и ринулась в свалку.

Но тут все вдруг словно бы прояснилось, разобралось, распуталось.

Огромный Андрюха Лебедка выдернул за шиворот из кучи Аркашку, проволок его мимо Веры и выкинул за дверь, на крылечко, на свежий воздух.

Старик Лазарев и тощий, с плачущим лицом Останкин-Могилкин держали за руки бледного Матвея. Ефим Вихорев, толстый, усатый Бульба, кудрявые братья Олейниковы окружили Веру. Оказалось, никто не понимал, что произошло.

У Веры тряслись и подламывались ноги, но, вглядевшись в расстроенные, протрезвевшие лица мужиков, она всплеснула руками и, смеясь и плача, горько и певуче закричала:

— Да, як же так, господи?! Вот ты, дядько Юхим, али вы, Мыкола Исаич, неужели же вы не видите, что он, паразит, над ним вытворяет? Это ж пацан еще, ребенок... Какая ему водка?! Я в прошлую субботу думала, не отвожусь с ним... И так мальчишка пропадает, а вы еще позволяете этому гаду издеваться над ним. Или у вас своих детей сроду не бывало?!

Вера голосила на весь барак, отводила душеньку после только что пережитого страха.

Мужики сконфуженно гудели.

На том субботнее гулянье и закончилось. Сомлевшего Олега Матвей взвалил на плечо и унес к Вере в избушку.

Вере казалось, что никогда не кончится эта дикая ночь, что еще немножко, и она начнет помирать заодно с Олегом, так страшно было смотреть на его мучения.

Утром явился с повинной Аркашка. Пришел как ни в чем не бывало, стал извиняться и за старое, и за новое, и за три года вперед. Клялся не касаться больше Олега ни словом, ни делом. Он так и сказал: «ни словом, ни делом, ни помышлением»,—а у самого глаза, как у беса лесного, так и играют.

Потом в знак искреннего своего раскаяния и смирения он пошел на кухню чистить картошку на ужин.

Продолжение следует.

Ф. Решетников. ИНТЕРЬЕР.

Ф. Решетников. ПОЛЯНА.

ВЕСНА.

Строки странствий

Виктор ПОЛТОРАЦКИЙ

Идет по городу мужчина

Измят, изжеван, весь в морщинах,
Угрюмый взгляд налит свинцом.
Идет по городу мужчина —
Перемещенное лицо.

Как ветер перекати-поле,
Как щепку буйная вода,
Скитаний долгих злая воля
Его несет невесть куда.

В каких краях он только не был!
Но где б ни мыкался изгой,
Везде над ним
чужое небо,
Земля чужая под ногой.

Он за объедки, за остатки
С чужого жирного стола
Продаться может, без оглядки
Решась на темные дела.

Отдаться случаю на милость —
Куда кривая повезла...
В его душе
переместилось
Понятие добра и зла.

Но иногда,
в часы ночные,
Один
с собою на один,
Припомнит он места родные,
От них сбежавший
блудный сын.

Представит соняшник у хаты,
Услышит жаворонка звон
И над судьбой своей проклятой,
Как человек,
заплачет он.

Тоска по родине,
по дому
Сожмет железное кольцо...
Идет по городу чужому
Перемещенное лицо.

Блошиный рынок

Зреньем памяти
снова вижу
Среди разных чудес Парижа,
Среди пестрых его картинок
Знаменитый
Блошиный рынок.
Где подобное диво сыщешь?
Распродажа
богатства нищих
И автографов знатных блох
Всех династий
и всех эпох.
Вот вам —
капсула папской буллы.
Рядом с ней —
самовар из Тулы.
Акварелей старинных папка,
Гренадера медвежья шапка,
Герцогини
парик облезлый,
Рытый бархат —
обивка кресла,
Лицедея-актера маска
И немецкая
с дыркой каска.

Вот испанской гитары струны,
Пистолеты
времен Коммуны,
Желтый,
выцветший лист офорта.
И еще здесь
всего до черта.
Дух торгашества
здесь в крови.
Се ля ви...

Одиночество

От ярлыков бутылочных пестро.
Кофейной гущей и табачным дымом
За долгий срок насквозь,
неистребимо
Пропахло тесное парижское бистро.

Сантимов, рюмок и стаканов звон...
Как бастион,
мадам стоит за стойкой,
А между мраморными столиками
бойко
Снует
похожий на хорька гарсон.

Облезлый попугай по кличке Муано
Презрительно
глядит сквозь прутья клетки.
Как ласточки,
щебечут мидинетки,
Пьют грузчики
дешевое вино.

Старуха и старик сосут аперитив
И медленно жуют засохшие тартинки.
С заигранной до хрипоты пластинки
Течет
фривольной песенки мотив.

Любовники,
как пара голубят,
По возрасту еще почти что дети,
Целуются, воркуют...
Что ж, и эти
Адам и Ева
яблоко съедят.

В углу, за крайним столиком,
один
Забывшись над непочатым бокалом,
С печатью грусти
на лице усталом
Сидит и курит
старый господин.

Он молчалив.
Сегодня, как вчера,
В виски стучит горячим молоточком
В бессоннице родившаяся строчка:
«У птицы есть гнездо,
у зверя есть нора...»

У птицы есть гнездо.
У зверя есть нора.
А где его гнездо?
Оно далёко...
Среди чужих
живется одиноко.
И страшно на чужбине умирать.

Печаль покоя сердцу не дает,
Затекшая рука похолодела.
Но никому здесь до него нет дела —
Бистро смеется,
спорит
и поет.

ТРУДНЫЙ УСПЕХ

Передо мной русский перевод Омара Хайяма. Поэт Владимир Державин долгие годы посвятил работе над переводом четверостиший великого поэта, философа-гуманиста и замечательного ученого.

Язык Хайяма — мой родной язык. Читая переводы В. Державина, я сравниваю их с подлинником и восхищаюсь: многие рубаи так переведены, что в них не только передан тонкий смысл оригинала, но и внешняя прелесть, музыка и ритм стиха.

Такое единство формы и содержания, такое сближение ритма и мысли достигается только при большом мастерстве.

Где теперь эти люди мудрейшие нашей
земли?
Тайной нити в основе творенья они
не нашли.
Как они суесловили много
о сущности бога,—
Весь свой век бородами трясли —
и бесследно ушли.

В переводе этого четверостишия я вижу подлинного Хайяма, который в четырех строках сумел дать целую философскую концепцию, обобщенную историческую картину своей трагической эпохи.

Державинский перевод «Рубайят» О. Хайяма я считаю не обычным переводом: он имеет не только высокохудожественную, но и научную, познавательную ценность.

Как видно из предисловия переводчика, он, до того как приступить к переводу Хайяма, изучал эпоху, общественно-политические условия жизни того времени и классическую таджикско-персидскую литературу тех веков.

Мы знаем, В. Державин с успехом переводил Фирдоуси, Низами, Хафиза, Саади, Хакани. В его переводах прозвучал великий Рудаки.

И вот после многолетнего опыта, связанного с изучением таджикского-фарси языка, он приступил к переводам «Рубайят» Хайяма.

Наши лучшие переводчики, которые взялись за трудную и благородную работу перевода классиков восточной литературы, делают большое и славное дело, способствуют укреплению дружбы народов, ибо открытие бесценных кладов классической тысячелетней таджикско-персидской поэзии для русского читателя не менее ценно, чем открытие новых алмазных россыпей.

Наши классики в своих творениях достигли таких философских высот, таких глубин выражения сути мировых явлений, что лучшие арабоязычные философы того времени и последующих веков не смогли достигнуть их высот и глубин.

Переводить на русский язык великих восточных поэтов — дело нелегкое. Творческие удачи бывали очень редки.

Некоторые, например, не поняв сути философии Хайяма, духа его поэзии, увлекались внешними эффектами и, естественно, терпели творческое поражение.

Перевод «Рубайят» Хайяма, выполненный В. Державиным, по мнению знатоков, один из лучших европейских переводов творений гениального поэта.

Джалол ИКРАМИ

Омар Хайям. Рубайят. Перевод с таджикского-фарси В. Державина. Издательство «Ирфон». Душанбе. 1965 г.

К юбилею Дмитрия Дмитриевича Шостаковича молодой скульптор Петр Шапиро закончил работу над портретом композитора.

Не слишком искушенные в вопросах театрального искусства зрители обычно ограничиваются немногословной оценкой виденного спектакля: «понравилось» либо «не понравилось».

Там, где чаще всего слышишь слово «нравится», бывает полный зал, аплодисменты и цветы. А на других, нередко с большой тщательностью продуманных и «отделанных» спектаклях царит атмосфера вежливого, но устойчивого равнодушия. Так в чем же здесь все-таки дело?

Н. БАЛАШОВА

ОБОЗРЕНИЕ

ПОЧЕМУ НЕ НРАВИТСЯ И ПОЧЕМУ НРАВИТСЯ

Зрительный зал полон. «Первую Конную» Вс. Вишневского показывает Владивостокский краевой драматический театр. События далекого революционного прошлого, как живая летопись, разворачиваются в стремительных, динамичных эпизодах.

Видишь солдат царской армии, свергающих иго самодержавия. Видишь, как в людях пробуждается революционная мысль. Сознательно приходит сотня тысяч рабочих и крестьян в отряды Красной гвардии... Когда же на сцене в роли Буденного появляется актер Н. Михеев, в зрительном зале возникают громкие рукоплескания. Но аплодировали не только актеру. Все лица были обращены к боковой ложе Кремлевского театра в Москве, где сидел столь же взволнованный Семен Михайлович Буденный, словно вновь переживая свою молодость...

Присутствие легендарного командарма, народного героя, полководца гражданской войны, придавало необычайность всей атмосфере спектакля приморцев; конечно, он шел с особым подъемом, и зрительный зал был настроен особо радостно и благожелательно. И все-таки, не будь в этом спектакле таких интересных актерских работ, не сумей режиссер Н. Басин отобрать в огромной по объему пьесе Вс. Вишневского и выстроить яркие человеческие судьбы, никакие постановочные «приемы», даже самые изобретательные, не смогли бы вызвать столь искреннюю и горячую ответную волну в сердцах.

У «Первой Конной» на владивостокской сцене свой собственный образный строй, своя стилистика. Единая декорационная установка, созданная художником Е. Пыжовым, вращаясь, мгновенно становится то ровным полем, то углом солдатской казармы, то купе вагона, то подобием гранитного пьедестала, на котором в финале застынут скульптурные группы конармейцев. И через весь спектакль проходит, осеняя его своим немеркнущим светом, пятиконечная красноармейская звезда. Торопливой рукой нарисует ее на стальном боку бронепоезда молодой красноармеец. Каплей крови алеет она на шлеме юноши-командира, убитого в бою. И когда упадут скошенные пулей буденновцы, их мертвые тела образуют на земле пятиконечную звезду...

Режиссура спектакля тяготеет к большому героико-романтическому звучанию. Н. Басину удается, отталкиваясь от частного факта, вести мысль зрителя к высоким обобщениям, символу. У режиссера богатая фантазия, его мизансцены полны внутренней динамики, он лепит экспрессивные скульптурные группы.

Казалось бы, рука режиссера целиком владеет театром: это явление модное и сравнительно быстро распространяющееся. Казалось бы, успех спектакля полностью зависит от режиссуры. Но посмотрим еще и другие спектакли.

Шумят, бурлят, кипят страсти на крестьянской сходке в спектакле «Хлеб»... Незаслуженно забытая пьеса В. Киршона уже более трех лет идет на владивостокской сцене, обретя здесь вторую молодость. На ветхом крыльце покосившегося амбара разгоряченные ораторы сменяют друг друга. В людской толпе — всего лишь горстка главных действующих лиц. Давайте же присмотримся к этим лицам. Вот парень: заскорузлая солдатская шинелишка, доставшаяся, видимо, от отца-фронтовика, старая шапчонка — тоже фронтовое наследие, опорки на ногах; штаны и рубаха того и гляди расползутся... А парень сияет, парень счастлив, потому что Советская власть справедливо решает мужицкие дела, потому что силу в себе чувствует он неуемную! Восторженно блестят глаза парня, улыбка не сходит с губ, и за всем этим целая биография, вся человеческая жизнь — словно на ладони! А ведь эта актерская работа — лишь маленький режиссерский штрих, подхваченный и развитый молодым Н. Ермоленко. Но вот их на сцене уже пять, десять, двадцать таких штрихов!.. А там, глядишь, и ожила вся огромная людская толпа, заволновалась множеством неповторимых индивидуальностей крестьянская сходка, заставив зрителей забыть, что перед ними театральные подмостки... И на фоне многоликой толпы колоритнейшие фигуры: кулак Квасов, неторопливый, очень благообразный, даже доброжелательный у Г. Антошенкова; внутренне настороженный, скрытный и недобрый у Н. Михеева... Хитрая лиса Котихин, готовый у А. Присяжнюка в любую минуту от всего отречься, переметнуться в любой лагерь... Однорукий Колька Романов В. Ильина, безудержный в своих порывах... Сельские комсомольцы во главе со своим вожаком Зотовой в исполнении Л. Сороки; затаившиеся кулаки и подкулачники, обманутые бедняки... И, наконец, дочь Квасова Пашка, ее играет С. Зима,— угрюмая, замкнутая, одинокая, тянущаяся к добру и наталкивающаяся на зло... А впереди всех, борясь с кулачьем, поддерживая и одобряя активистов, принимая на свои плечи всю тяжесть битвы за хлеб, секретарь окружкома Михайлов Е. Шальникова,— сердце и совесть партии, боец и трибун...

Встретившись с ними, никого из них уже не забудешь.

...Превосходное актерское трио — Диана — С. Зима, Теодоро—В. Гинзбург, Тристан—А. Присяжнюк — разделяет вместе с режиссером Н. Басиным сценический успех комедии Лопе де Вега «Собака на сене». И снова любая режиссерская выдумка оказывается оправданной актером. И снова рождается атмосфера свободы и непринужденности, удивительной правды жизни, приходит магическое зрительское «нравится», опережающее любые печатные критические отклики на спектакль.

А Киевский украинский драматический театр имени Ивана Франко. Чему он научил, о чем заставил задуматься?.. Чем порадовал москвичей?

Репертуар театра кажется довольно пестрым, хотя преимущество здесь отдано своим, украинским драматургам. Это и современники — А. Корнейчук, Н. Кулиш, Н. Зарудный... И классики — И. Карпенко-Карый, Г. Квитка-Основьяненко... Здесь же на афише «Антигона» Софокла...

В этом красивом спектакле покоряет маленькая Антигона. Актриса С. Коркошко живет в заглавной роли, целиком погруженная в трагически расколотый внутренний мир своей героини. Живет самозабвенно и страстно, с душевными муками и слезами, с готовностью к подвигу и к смерти.

«Патетическая соната» Н. Кулиша в постановке Д. Алексидзе тоже выглядит очень современно. Огромная, единая, в меру условная конструкция чем-то напоминает у художника Д. Лидера подобие мистериальной декорации средневекового театра: все места действия одновременно находятся на сцене.

Массовки живописны по рисунку, но обезличены по характерам. А в результате — холодный и рассудочный спектакль, где как-то затерялись даже такие сочные актеры, как В. Дальский, П. Куманченко, П. Сергиенко...

Зато как же радует «Бесталанная» И. Карпенко-Карого!..

Спектакль этот, поставленный режиссером В. Скляренко, с традиционными плетнями и перелазами, цветущими подсолнухами и мальвами, разрисованной печью и рушниками у двери (художник Д. Нарбут) переносит на Украину, наполненную густыми, живыми, радостными красками. И актеры, словно соскучившись по ощущению родной, дорогой сердцу

обстановки, играют ярко, крупно, масштабно. Выплескивается в неподдельных рыданиях накопившаяся на душе печаль, а в заливистом смехе так и брызжет чувство радости, переполняющее героев.

Правда, не все эти герои и не всегда обнаруживают такое большое разнообразие душевных красок, какое хотелось бы усмотреть в сценической жизни Ганны, Софьи или Варьки...

Хотя играющая Ганну актриса Н. Копержинская очень колоритна и убедительна даже в этой своей злой непримиримости по отношению к невестке Софье и Ивану, доброму, незлобивому Софьиному отцу.

Ивана играет С. Алексеенко. И он являет в этом же самом спектакле весьма высокий пример хорошего вкуса и психологической тонкости, прочерчивая ясный, строгий рисунок роли.

Зритель и здесь ощущает всем своим существом, что театр словно обрел второе дыхание, получив материал, близкий себе по духу, по национальной природе.

* * *

Эта же истина обретает совершенную очевидность, когда Верико Анджапаридзе во всем блеске своего изумительного мастерства рисует образ Бабушки в спектакле Грузинского театра имени К. Марджанишвили «Деревья умирают стоя».

В целом спектакль традиционен. Он не изобилует особой режиссерской выдумкой, в меру мелодраматичен, в меру занимателен. Иные актеры старательно, как добросовестные ученики, играют свои роли, прижимая руки к груди в моменты отчаяния и страха или широким жестом разводя их в стороны при выражении благородного негодования... Их видишь и не видишь.

Зато Бабушка — Анджапаридзе в этой театральной обстановке живет по своим, одной ей известным законам, так, как если бы эти столы, кресла и стулья были настоящей принадлежностью настоящих комнат в ее настоящем доме, а все окружающие люди — членами ее настоящей семьи... У нее замедленная походка, потому что время от времени дает себя знать сердце, и не совсем послушны когда-то быстрые ноги. А красота осталась прежней, хотя Бабушка вовсе не скрывает своего возраста,— просто само время устыдилось, видимо, трогать такую красоту. А как изящно кружилась она по комнате после рюмки домашней наливки, когда ей, возбужденной приездом любимого внука, захотелось тряхнуть стариной. С каким мужеством она заставила себя беспечно улыбнуться, когда предательское сердце опять едва не свалило ее с ног...

Когда Бабушка появлялась на сцене, забывалась даже ложноутешительская сущность пьесы А. Касона, которую В. Анджапаридзе силой своего волшебного искусства превращала из слащавой сказочки в поэму о могуществе любящего материнского сердца.

А Васо Годзиашвили?.. В «Измене» А. Сумбатова-Южина он вообще играет одну из «последних» ролей — Бессо, слугу правителя Карталинии Отар-бега. Но как играет! Он хром, этот старый плут Бессо, заросший сивой щетиной до самых маленьких, хитрющих глазок. Черная шапочка пирожком словно каким-то чудом держится на макушке его коротко стриженной седой головы. Темносиний кафтан, будто с чужого плеча, смешно обтягивает его фигуру. Забавно ковыляя, глаза — в землю, Бессо и появляется и отвечает вечно невпопад. Но, уверяя, что привержен мусульманским порядкам, шаху и его наместнику Солейман-хану, старик явно тяготеет к христианству. И к финалу кажется, что весь грузинский народ стоит за плечами Бессо, готовый на смертельную схватку с врагом...

У Бессо при внешности суслика душа льва. А у Аветика в спектакле «Иные нынче времена» при внешности павлина характер трясогузки. Временами этот Аветик жалок, временами смешон, но никогда — неприятен, потому что юмор артиста Годзиашвили добрый; в его мудром сердце есть местечко и для такого нескладного человека, как Аветик.

И вновь попытка иных актеров дотянуться до уровня игры Годзиашвили приводит подчас к фальши, наигрышу, «представленчеству».

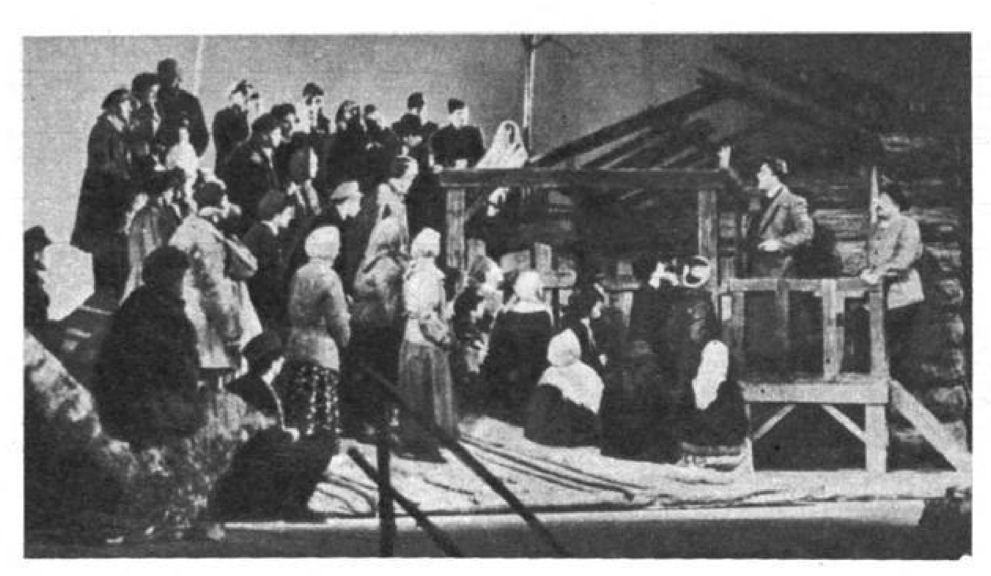
Значит ли это, что система актерских «звезд» в театре имени Марджанишвили — явление отрицательное, разрушающее ансамбль в спектакле?.. Пожалуй, нет.

Театр имени Марджанишвили — театр именно актерский. Здесь замечательное созвездие ярких светил первой величины. Здесь и удивительная С. Такайшвили — Бабушка в спектакле «Я, бабушка, Илико и Илларион», и бесподобные А. Жоржолиани и Гр. Костава — Илико и Илларион, и многие-многие другие. Достоверны создаваемые ими образы. С огромной тонкостью и лиризмом передают актеры мельчайшие оттенки национального характера. Грузинские обычаи — их родная стихия. В радостном, праздничном восприятии жизни — сила и прелесть, верность добрым традициям театра Котэ Марджанишвили. Когда же эти блестящие актерские создания вписываются в умный и стройный режиссерский рисунок спектакля в целом, воцаряется гармония, покоряющая как самых искушенных, так и самых доверчивых, простодушных зрителей. И свидетельство тому спектакли «Меч Кахабери», «Я вижу солнце», «Измена» в постановке Г. Лордкипанидзе, «Жаворонок», осуществленный режиссером Л. Мирцхулава.

Вот вам и ответ на вопрос, почему нравится либо почему не нравится.

Большой, подлинный успех в театре приходит лишь тогда, когда на сцене живет и творит художник-актер, направляемый умной и чуткой рукой режиссера-мыслителя. Когда нет на сцене «маленьких» ролей. Когда царит общее, единое, не знающее «полуправды» чувство неразрывной, живой близости театра и зрителя.

Бабушку играет Верико Анджапаридзе.



Сцена из спектакля «Хлеб».

«Бесталанная». Ганна — Н. Копержинская, Гнат — П. Морозенко.

Фото И. Ефимова.

Кинотеатр «Лондон-Павильон».

Кадры из фильма «Это случилось здесь».

В. ВЛАДИМИРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

„ЭТО СЛУЧИЛОСЬ ЗДЕСЬ“

В центре Лондона, на Пиккадилли-Серкус, над потоком машин и двухэтажных красных автобусов, возвышается необыкновенный стенд — огромные фигуры солдат гитлеровского вермахта шагают по Лондону. Внизу написано готическим шрифтом: «Это случилось здесь. История германской оккупации Англии».

Я был несколько удивлен и обратился к шоферу такси:

— Немцы в центре Лондона? Довольно странно!

Водитель улыбнулся.

— К счастью, этого не случилось, сэр. Это кинофильм. Так сказать, фантазия, сэр... Советую посмотреть — очень поучительно.

Вечером я отправился в кинотеатр «Лондон-Павильон». Фильм в самом деле поучителен. Молодые режиссеры Кевин Броунлоу и Эндрью Молло немало сделали, чтобы показать, что «могло бы быть», если бы Англию в 1940 году захватили гитлеровцы.

Нет, нет, леди и джентльмены, Англия — это не Польша, не Чехословакия и не Россия! Здесь гитлеровцы ведут себя «вежливо». Английская и германская полиция стоят на постах рядом. Офицеры вермахта, улыбаясь, фотографируются перед Британским музеем. Приказы, опубликованные на двух языках, увенчаны гитлеровским орлом со свастикой. У Англии есть свое «правительство» (конечно, фашистское), свой «фюрер», свой гимн (похожий на «Хорст Вессель»), свой традиционный «образ жизни», хотя несколько перекроенный по гитлеровскому образцу.

Медицинская сестра Полина (ее играет Полина Меррей), эвакуированная из партизанского района, автоматически включается в состав лондонской фашистской организации «Немедленное действие» — не потому что сочувствует фашистам, а потому что все медицинские сестры в Англии обязаны в этой организации состоять. Поначалу она не возражает против привычной работы, но постепенно убеждается, что под «благопристойным покровом дружбы между родственными нациями» в Англии совершаются черные дела. Ее старый друг доктор (его играет Себастьян Шоу — единственный профессиональный актер в фильме) арестован вместе с семьей за то, что приютил раненого партизана. Самой Полине поручают сделать русским и польским рабочим прививку против туберкулеза, которая оказывается смертельной.

В конце фильма партизаны атакуют поезд, в котором едет Полина, арестованная за отказ производить прививки, и освобождают ее. Фильм заканчивается пулеметными очередями. Под эти звуки потрясенная Полина механически работает на перевязочном пункте британской Армии освобождения. Бои продолжаются...

Нет, этого, конечно, не было! Если бы это случилось, постановщики Броунлоу и Молло не стали бы убеждать зрителей в том, что против гитлеровской орды надо сражаться с оружием в руках, и не ставили бы свою героиню в пассивную позу нейтрального наблюдателя. Они не стали бы противопоставлять фашизму «индивидуализм» англичан. Нет, не индивидуализму угрожают фашисты, а самому существованию народов. Из-под вежливых ухмылок завоевателей довольно быстро проступает оскал волчьей пасти. Постановщики не довели свой фильм до логического конца. Иначе им пришлось бы показать трагедию английских Орадура и Лидице, трагедию многих восточноевропейских городов, перенесенную куда-нибудь в графства Бершир или Сомерсетшир.

И все-таки фильм поучителен. Хотя бы потому, что сегодня кованый сапог западногерманского бундесвера шагает на учениях по полям Англии. А что касается фашизма, то он существует в Англии легально до сего дня.

Имя британского фюрера, сэра Освальда Мосли не раз мелькало у нас в печати. В отличие от Гитлера этот маститый демагог произошел не от таможенного чиновника. Он наследственный баронет, предки его — богатые помещики. Крайнее тщеславие, замешанное на расизме, заставило его основать британский союз фашистов. Он ездил в гости к Муссолини и женился в Германии. Вся его жизнь была подчинена единственной идее — дорваться до власти.

Но что удалось Гитлеру и Мус-

солини, то не удалось Мосли. Если среди мелких торговцев и профессиональных уголовников у него нашлись сторонники, то за Темзой, в рабочих районах Лондона, его всегда встречали гнилой картошкой, несмотря на охрану полиции.

Началась война. В мае 1940 года Освальд Мосли пытался выступить на митинге в Ланкашире, и полиции с трудом удалось вырвать его из рук разъяренных слушателей. Через несколько дней Мосли и его помощники были арестованы как агенты противника. Один из соучастников этой банды, Уильям Джойс, успел бежать в Германию и прославился во время войны как диктор гитлеровского радио, выступавший под кличкой Лорд Хау-Хау. Он был арестован в 1945 году в Берлине и повешен в Англии, в тюрьме Уондсворт, в январе 1946 года.

Однако сам Мосли в 1943 году был освобожден из тюрьмы, а затем вернулся и к политической жизни. Он выступил сторонником «объединенной Европы», активно защищал апартеид в Африке. Сейчас его считают «патриархом британского фашизма». У него есть преемники, например, бывший учитель из центральных графств Англии Колин Джордан, который уже приобрел достаточно скандальную славу. Он возглавляет национал-социалистическую партию, ведущую активную борьбу за чистоту нордической расы и нападающую на цветных студентов в Лондоне. Вполне естественно, что на сборище бывших эсэсовцев в ФРГ его встречали фашистскими приветствиями.

Режиссеры Броунлоу и Молло — большие поклонники документализма. У них в фильме политические новости по радио читают те же дикторы, которые читали их в дни войны. Немецкие танки подлинные. Гитлеровские мундиры тоже подлинные. Автобусы выглядят точно так, как в 1940 году.

Ну что ж, это можно только приветствовать. Однако мы недоумеваем, узнав, что политическим консультантом по «национал-социалистским сценам» был... Франк Беннет, бывший помощник Колина Джордана. Он же снимался в отдельных сценах.

Кроме Беннета, в фильме снималось еще несколько членов фашистской партии Джордана. В нем участвуют и несколько бывших эсэсовцев, с удовольствием одевших свои старые мундиры.

Курьезный случай произошел на съемках, проводимых возле парламента. Статисты, игравшие немецких солдат, маршировали под звуки гитлеровских мелодий. И вдруг послышались взволнованные возгласы. Оказалось, что в сквере находились четырнадцать офицеров германского бундесвера из танкового батальона ФРГ, который проходит военную подготовку в лагере Каслмартин. Офицеры обследовали «гитлеровскую колонну» и нашли, что все абсолютно правильно.

В Англии любят говорить: «Кто старое помянет, тому глаз вон». Но кое-что из старого не желает уходить в подвал музея восковых фигур мадам Тюссо и продолжает отравлять воздух сегодняшнего дня.

Несколько лет назад лондонский водитель такси, бывший фронтовик, отказался везти даму со значком свастики на шее. Суд оштрафовал водителя за «отказ от исполнения служебных обязанностей». А как же! Закон есть закон...

Немецкие танки — не старые, а новые, «натовские» — действительно разгуливают по английской земле. И британские нацисты все еще здравствуют, хотя они и «перестроились». Вот это-то и сгоняет улыбку с наших уст.

Я не молод. Я принадлежу к тому поколению, которое хорошо помнит противотанковые надолбы на дорогах Подмосковья, засыпанные снегом троллейбусы в блокированном Ленинграде и многое-многое другое. Вероятно, так же, как пожилые англичане помнят дымящийся Лондон и Ковентри.

Поэтому мне бы хотелось, чтобы талантливые авторы картины во весь голос сказали об их отношении и к прошлому и к настоящему. Мне хотелось бы, чтобы этот фильм назывался не «Это случилось здесь», а «Это не случится нигде».

Лондон.

Лев САМОЙЛОВ, Михаил ВИРТ

ГЛАВА 3

ГДЕ ПРЕСС-ПАПЬЕ?

В двух шагах от следователя, положив большие руки на колени, сидел молодой человек среднего роста, ладно сложенный, в дешевом грубошерстном костюме серовато-темного цвета. Ноги его были обуты в широкие, на толстой подошве ботинки. Мягкий воротник верхней рубашки открывал темную от загара шею. Густые, почти сросшиеся в одну линию брови придавали лицу мрачный вид. Молодой человек непрерывно сжимал и разжимал челюсти, от чего под тонкой кожей появлялись и исчезали желваки.

«Нервничает»,— подумал Николай Петрович и с удивлением отметил, что почему-то представлял себе Андрея Зотова совсем другим — тоньше, расхлябаннее, что этот молодой человек мало похож на того, выдуманного им.

Сорок второго года рождения, родители умерли, работает техником-геодезистом, окончил одиннадцатилетку и двухгодичные курсы, под судом не был, но привлекался к ответственности за драку на улице. В нескольких строках вся биография. Не богато. С чего начать? От первых слов, от первой фразы немало зависит.

Куликов подосадовал, что так некстати Гончарова вызвали в управление. Ему легче работалось вдвоем с подполковником. Импонировала уверенность и спокойствие того в разговоре с людьми. В делах, которые они вместе вели, бывали случаи, когда следователю становилось по-настоящему трудно идти дальше, и каждый раз с помощью подполковника удавалось находить еще не проторенную дорожку. Да, но это обычно происходило, когда их совместная работа велась, так сказать, синхронно, а сейчас... Реплики Гончарова не дают повода считать, что он полностью согласен с его, Куликова, версией.

Исподволь изучая Зотова, Николай Петрович все более убеждался в правильности своей версии. Да, парень вспыльчивый, бешеный, такому ничего не стоит сгоряча ударить, покалечить человека.

Понял Николай Петрович и другое: что сразу, с ходу на откровенный разговор рассчитывать нельзя.

— Вы знаете, что случилось с Семеном Федотычем Мухиным?

— Узнал в милиции. Меня к вам не повесткой пригласили, а привели. Хорошо еще кандалы не надели.

— Зачем же так?.. А привели потому, что дело серьезное.

— А позвольте спросить: какое отношение к этому серьезному делу имею я?

— Вот об этом мы и поговорим. Начнем с вашей поездки с Мариной Мухиной в Быково.

Взгляд, который Зотов метнул на следователя, был красноречивей слов.

— Я слушаю вас,— мягко произнес Николай Петрович.

— О чем говорить — об убийстве или о любовных делах? — сквозь зубы процедил Зотов.

— Так ли уж далеко одно от другого?

И неожиданно Зотова прорвало. Словно все, что он таил, все, что накипало в нем, он черпал ладонями и выплескивал, выплескивал... нате, еще нате... вот вам, копайтесь, ройтесь!

Монолог Зотова часто казался бессвязным. Фразы обрывались на полуслове, оставались недосказанными, но недаром Николай Петрович был искусным слушателем. Он, не перебивая, мысленно заканчивал недосказанное, вязал в узелки разорванные ниточки, отметал все, что шло от чистой лирики. И с полотна, на котором следователь рисовал картину преступления, случившегося в доме Мухина, постепенно исчезали последние белые пятна.

Андрей любил Марину, любил неистово, с «сумасшедшинкой». Такое чувство пришло к нему впервые. Оно могло бы явиться счастьем для них, если бы было одинаковым у обоих. Но любовь Андрея опалила и испугала Марину. Конечно, Андрей Марине нравился. Нравилась его преданность, безропотное служение всем ее причудам. Но девушку пугали припадки ревности, раздражали настойчивые требования выйти за него замуж. Нет, не о таком муже для дочери думал Семен Федотыч Мухин и смотревшая на жизнь глазами отца Марина. Спокойный, рассудительный, на десять лет старше или, во всяком случае, «при деле» — вот таким должен быть ее муж, а не бешеный мальчишка, с которым приятно провести время, но выходить замуж...

Андрей очень скоро начал понимать, а поняв, резко, иногда грубо осуждал Маринины взгляды на жизнь. Однако от этого любовь не уходила, наоборот, росла, хмельная, ни с чем не считающаяся.

Да, в Быкове он не сдержался, наговорил Марине кучу дерзостей, был грех — угрожал. К тому же за соседним столиком какой-то фрукт все на нее глазами пялился, чуть по морде не заработал. Обратно в Москву он и Марина ехали в разных вагонах, а с вокзала он на такси к ней домой подался, торопился, хотел до ее прихода поговорить со стариком с глазу на глаз. Как вылез из машины возле их дома, увидел сквозь деревья сада окно Маришкиной комнаты, шторку приспущенную, такая обида разобрала, такая горечь прихватила, что сразу, ни о чем не думая, к двери кинулся.

Нет, разговора не получилось. Старик и слушать не захотел о замужестве дочери. Слово за слово, стал угрожать, оскорблять его, гнать из дому, замахнулся тяжелым пресс-папье, и тут Андрей не сдержался, вырвал пресс-папье из рук бушевавшего хозяина, швырнул в сторону, а самого толкнул к окошку, хорошо еще закрыто было, а то вылетел бы старик буян в сад прохлаждаться, благо дождь пошел. Да не рассчитал удара: старик отлетел, как мячик, может, обо что и стукнулся, он уже ничего не видел, повернулся и бросился бежать... Вот и все.

Все ли? Нет, пока что Николай Петрович этого вопроса не задал. Его заинтересовали слова Зотова о пресс-папье. У старика Мухина затылок размозжен чем-то тяжелым. Чем? Ни на одной из вещей, находившихся в комнате убитого, не было обнаружено следов крови. А пресс-папье?.. Николай Петрович мог поклясться, что пресс-папье в комнате убитого отсутствовало. Следовательно, в тот момент Зотов сообразил, что оставлять эту страшную улику на месте преступления нельзя, и унес с собой. Какое же это состояние аффекта!

— Почему и куда вы пытались уехать из Москвы?

— К тетке, в Расторгуево. Тяжело было. Понимал, что все рушится. От самого себя бежал.

— Неясно.

— Вот то-то и оно, что неясно.

— Значит, к убийству Мухина вы никак не причастны?

Зотов пренебрежительно пожал плечами и ничего не ответил.

— А ведь Марина Мухина придерживается другого мнения.

— Не говорите чепухи! — резко оборвал Андрей.

Николай Петрович не одернул грубияна.

— Чепухи? Что же, я дам вам возможность убедиться в обратном.

На этом допрос был прекращен.

ГЛАВА 4

ОЧНАЯ СТАВКА

Марина не помнила матери. Та умерла, когда девочке исполнилось два года. Всякое говорили в связи со смертью Мухиной: и о том, что муж ее поколачивал, что был он привередлив и скуповат сверх меры... всякое. Девочка не интересовалась пересудами, а когда подросла, и разговоры кончились.

Так всю жизнь и прошагали вдвоем — угрюмый и малообщительный Семен Мухин и набалованная, хорошенькая Мариша, с годами пре-

---

Продолжение. См. «Огонек» № 36.

вратившаяся в очаровательную, стройную девушку.

В школьные годы девушка ничего не знала о делах отца. Семен Федотыч работал оценщиком в ломбарде, слыл большим специалистом по драгоценным камням и золоту. Тогда и позднее уже вышедшего на пенсию Мухина изредка навещали незнакомые Марине люди. Если появлялся «визитер», Семен Федотыч, как правило, отсылал дочь в магазин или по какимлибо другим делам, и девушка с превеликим удовольствием выпархивала из дому, часто даже забывая выполнить то, за чем пошла. Она отлично понимала, что отцовское поручение только предлог, чтобы спровадить ее.

Отец потакал дочери во всем и, пожалуй, впервые отказал ей, когда после окончания средней школы она заявила, что собирается сниматься в кино.

— Я тебе поснимаюсь! — прорычал Семен Федотыч.— По чужим постелям валяться... Отлуплю так, что не сядешь неделю!

На этом затея и кончилась. Марина не настаивала на актерской профессии. Нет так нет, подумаешь! И охотно согласилась поступить в комиссионный магазин, где скоро освоила все тонкости торгового дела. В комиссионном она и встретилась со случайно забредшим туда Андреем Зотовым.

Если бы сейчас, после утраты отца, Марину спросили, что тревожит и угнетает ее больше всего, она должна была бы ответить так: испуг, боязнь остаться одной. Ведь до сих пор, даже будучи взрослой, она шла по жизни, опираясь на плечи отца. Ах, как корила она себя за легкомыслие, за то, что тянулась к танцулькам, гулянкам, мальчишкам, за то, что не приглядывалась к тем, о ком говорил отец, к тем, кто постарше, посолиднее, кто смог бы стать для нее завидной партией!

Марину охватывала лютая злоба на Андрея. Подлец, мальчишка, вот и получай по заслугам! Скотина!

Она охотно, с какой-то душевной удовлетворенностью подтвердила следователю прокуратуры свои первоначальные показания о том, что считает виновным только Зотова. Она вспоминала новые подробности из разговоров с ним. Вновь рассказывала о его неуравновешенности, о приступах ревности, о ненависти к ее отцу. И Николай Петрович Куликов, обстоятельно записывая показания Марины Мухиной, в который раз убеждался в своей правоте. В схеме, начерченной следователем, царила полная ясность...

В черном платье, гладко причесанная, побледневшая и осунувшаяся, вошла Марина в кабинет Куликова.

Николай Петрович сочувствовал посетительнице, но не вызвать ее сегодня нельзя было. Зотов упорствовал, на первых двух допросах все начисто отрицал, более того, издевался, не верил, что его подружка могла дать показания против него.

Неторопливые и обстоятельные ответы Мухиной, сдержанность, которую она проявила, успокоили Куликова. Теперь он был почти уверен, что очная ставка пройдет без истерик. Николай Петрович их органически не переносил. Марина отлично владела собой и только один раз не сдержалась и на вопрос об отношении к Андрею ответила запальчиво и зло:

— Я его ненавижу!

К удивлению следователя, Марина без всяких колебаний согласилась на очную ставку. Николаю Петровичу даже стало чуть не по себе, когда, пожав плечами, свидетельница заявила холодно и отчужденно:

— Если нужно, пожалуйста. Я в лицо ему скажу, что он убийца и что я рада буду, если его расстреляют.

Когда Зотова ввели в кабинет и он увидел сидевшую возле стола Марину, он будто засветился весь. Не скрывая радости, Зотов возбужденно заговорил, обращаясь только к ней:

— Понимаешь, Маринка, меня черт знает в чем обвиняют! Это же даже смешно подумать...

Марина молчала и смотрела в сторону. Вместо нее подал реплику следователь:

— Не думаю, чтобы это было очень смешно, гражданин Зотов. Убийство не такая уж веселая штука.

— Извини, Мариша. Я неудачно выразился,— виновато сказал Зотов, даже не посмотрев в сторону Куликова.

Куликов попросил Зотова сесть напротив Мухиной, провел обычный опрос взаимного опознания, и потянулась цепочка ранее обдуманных, тщательно отработанных вопросов задержанному и свидетельнице, свидетельнице и задержанному, вопросов нехитрых, но точно нацеленных.

Ездили ли вы вместе в Быково, шел ли разговор о браке, грозили ли вы? На все эти вопросы следовали утвердительные ответы, без колебаний, раздумий.

— Зачем вы поехали на квартиру к Мухину?

— Хотел объясниться, поговорить.

— Но вы же знали, что это явно безнадежная затея?

Молчание.

— Гражданка Мухина, Зотов знал, что его приезд к вашему отцу бессмыслен?

— Конечно, знал. Я ему десятки раз говорила, что отец слышать не хочет, чтобы мы поженились, да я и сама ни за что бы за него замуж не вышла. Тоже мне муж нашелся!

— Спокойно, это к делу не относится,— остановил ее Куликов.— Кто вас впустил в квартиру, гражданин Зотов?

— Какая-то гражданка. Видать, живет там. А впрочем, не знаю. Она была в пальто и косынке.

— Это Клавдия Ивановна, наша соседка,— пояснила Марина,— она, наверное, только что вернулась из церкви.

— В комнате у Мухина никого не было?

— Никого.

— Гражданка Мухина, когда вы уходили, ваш отец никого не ждал?

— Никого.

С особой тщательностью расспрашивал Николай Петрович о вероятном орудии убийства, тяжелом пресс-папье, загадочно исчезнувшем из комнаты. Однако ничего нового по этому вопросу от Зотова услышать не удалось.

— Да, было такое,— как заученное, твердил задержанный.

И снова повторял о том, что старик схватил пресс-папье, замахнулся, хотел ударить его, что он вырвал пресс, кинул в сторону, а самого хозяина тряхнул за грудки и оттолкнул к подоконнику. На этом, со слов Зотова, все кончилось. Он бросился бежать из комнаты, из квартиры, ничего не видя, не слыша.

— Любопытно, Зотов, но пресс-папье в комнате нет. Куда оно делось? Вспомните, может, вы не бросили его, а прихватили с собой? С перепугу, так сказать. Ударили старого человека, схватили пресс и побежали?

На этом месте очную ставку пришлось прервать. Доселе сдержанная, молчавшая Марина как бы вновь увидела и пережила случившееся... занесенное рукой убийцы тяжелое пресс-папье, размозженная голова отца... Она залилась слезами и, показывая на побледневшего как полотно Андрея, закричала, запричитала пронзительно:

— Это он, он убийца! Папа, дорогой, прости меня! Я, я одна виновата!

Пока Куликов отпаивал Марину, уговаривал и успокаивал ее, с Зотовым происходило что-то непонятное. Вначале согнувшийся под градом упреков, проклятий и обвинений, он постепенно выпрямился, расправил плечи, на лице его появилась глумливая улыбка. Когда через минуту-другую следователь обернулся и хотел о чем-то спросить, Зотов, махнув рукой, не меняя выражения лица, сказал:

— Ладно, ваша взяла. Пишите, что я убил. А пресс... выбросил.

— Куда?

— В окно. Хватит. Точка!

— В окно? — заинтересованно переспросил Куликов.

— А то куда же, проглотил, что ли?! — грубо отрезал Зотов.

ГЛАВА 5

В ГОСТИ НА ПЕТРОВКУ, 38

В часы, когда Николай Петрович Куликов доводил до логического конца разработанную им версию, на другом краю города происходило следующее. Виктор Лунев, щупленький парнишка с невыразительными чертами лица и коротко остриженной головой, проснулся в самом радужном настроении. И хоть спал он мало и плохо, заночевал у сестры, домой боязно было идти,— все равно настроение у Виктора было праздничное. Похоже на то, что жизнь наконец-то улыбнулась ему. Сегодня он должен получить еще десятку. Итого двадцать рублей за два дня. Ого! Недурно!

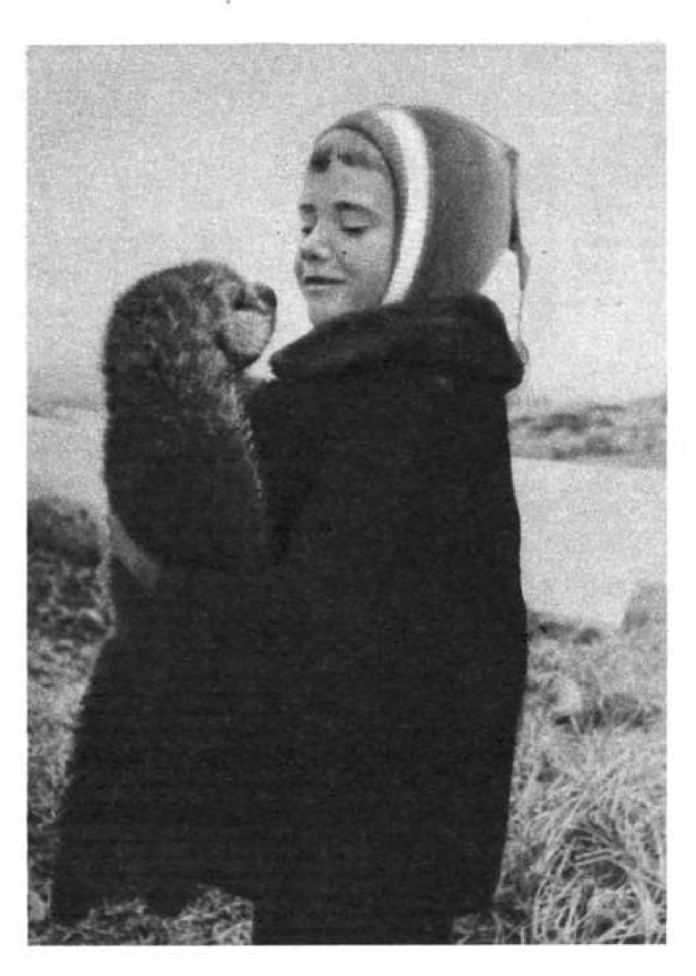
Виктор стал не спеша собираться, чтобы успеть к восьми часам по знакомому адресу.

И до чего же быстро он профинтил зарплату плюс отпускные! Нет, теперь он будет умнее. Хватит рублевки расшвыривать. На работу можно сейчас не устраиваться. Не к чему спешить. Да и некуда пока. Ведь это он только так, для фасону говорил, что не поладил с нормировщиком, на самом деле захотелось ему пожить вольно, чтобы каждое утро не топать на завод. Работа что — в лес не убежит. Тем более, что мать в санаторий уехала. Легче Витьке без нее. А то пристает: «Витя, зачем пьешь?» Да еще всплакнет.

Лихо заломив кепку ядовито-зеленого цвета, с таким маленьким козырьком, что на голове она превратилась в нечто среднее между блином и беретом, Лунев вышел на улицу.

Сначала на метро, потом автобусом он доехал до Октябрьского поля. Проходным дво-

САЛАЖОНОК



Мыс Лопатка.

После сильного тихоокеанского шторма служащие маяка мыса Лопатка (Камчатка) Саша Салтыков и Дима Харченко заметили у берега среди камней маленький пушистый комочек. Это оказался щенок калана. При виде людей он неуклюже пополз, но не к воде, а дальше, в камни.

Сильной штормовой волной его унесло от матери, укачало и выбросило на берег. Попытки выпустить его в море окончились неудачей. Малыш упорно вылезал обратно...

Щенка принесли на маяк, поместили в ванну с морской водой и, окрестив Салажонком, зачислили на довольствие. Ел Салажонок хорошо. Предпочитал вареную картошку, мясные консервы, сгущенное молоко и печенье. С детьми у Салажонка сразу же установились дружеские отношения: он посвистывал и мурлыкал от удовольствия, когда ему щекотали шейку или за ухом, сосал пальцы и норовил лизнуть в нос.

На пятые сутки Салажонок заболел: начали гноиться глаза, потеплел носик, расстроился желудок. Пришлось вводить ему пенициллин, промывать глаза, давать внутрь биомицин.

Вскоре он выздоровел, а на одиннадцатые сутки, преодолев страх перед морем, уплыл к своим сородичам.

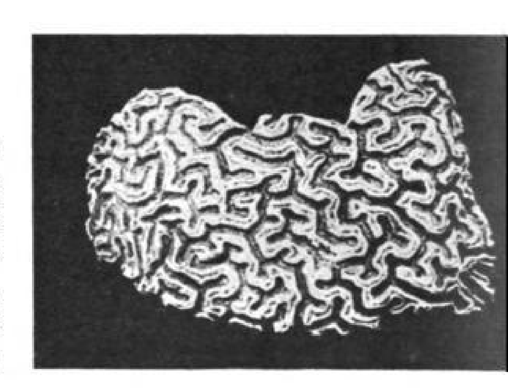
Г. ГЕРИЛОВИЧ

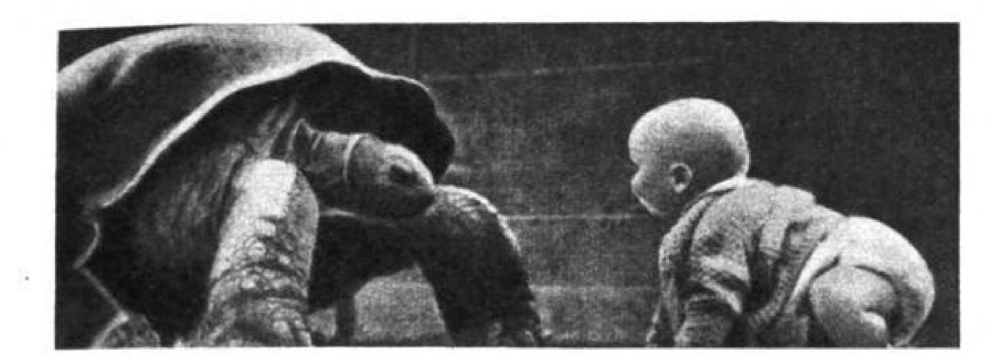
ЛАБИРИНТОВЫЙ КОРАЛЛ

С коралловых островов Тихого океана доставлен интересный образец розового коралла. На его поверхности множество лабиринтовых бороздок.

Исследователи обнаружили, что длина лабиринтов составляет несколько километров.

О. РУМЯНЦЕВА





НА ОДНОЙ ТРОПИНКЕ

Сын сторожа йоркширского зоопарка (Англия) одиннадцатимесячный Стюарт неожиданно встретился с гигантской черепахой.

АВТОПУЗЫРЬ

Так назван одноместный автомобиль-малютка, сконструированный лондонским инженером.

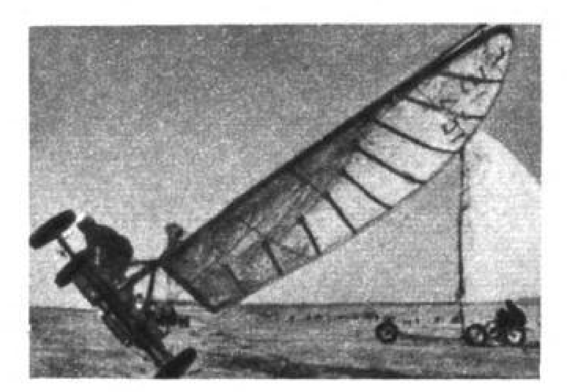
Эта машина имеет шаровидную крышу из пластмассы и приводится в движение энергией от аккумулятора.

ПО ВОЗДУХУ ЗА ЛИДЕРОМ

Спортсмен Боб Егер продемонстрировал на автомобильном треке в Кенте новый трюк. Он летел вслед за автомашиной со скоростью 80 километров в час.

В ОБЩЕСТВЕ ЛЕОПАРДА

Когда африканский зной становится особенно нетерпим, гостящий на этом континенте парижанин д'Оржей спускается со своим приятелем-леопардом к прохладному водоему.



ПЛАСТМАССОВЫЙ ПАРУС

На пляжах Запада появился парусник на колесах. Любопытно, что парус этого необычного экипажа сделан из пластмассы.

УПРЯМЫЙ НОСОРОГ

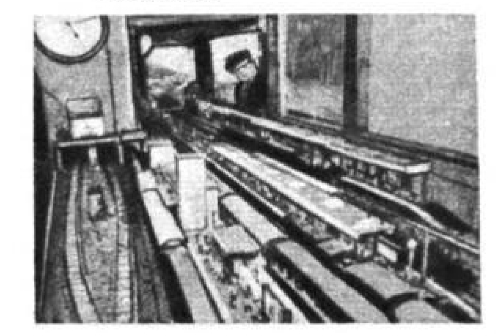
Это случилось на одной из дорог Южной Африки. Неожиданно путь автотуристам преградил огромный носорог. Путешественникам пришлось отступить и объехать носорога.

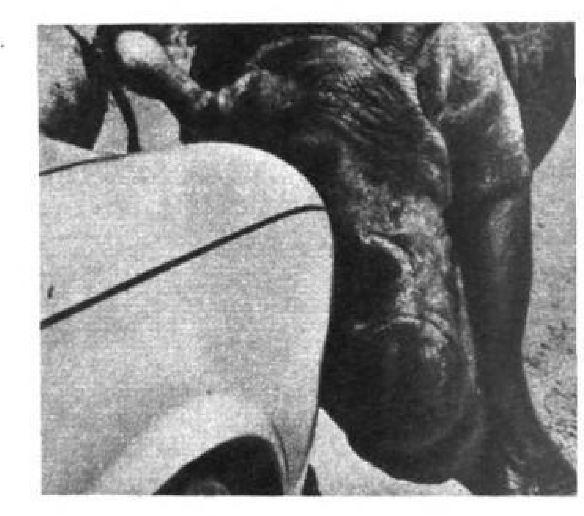
СПАСАЙСЯ КТО МОЖЕТ!

В португальских городах перед началом корриды по улицам гонят быков. В это время на столбах гроздьями висят любители сильных ощущений.

ДОМАШНЯЯ СТАНЦИЯ

Француз Виктор Мартин, 65-летний пенсионер-железнодорожник, превратил свой дом в станцию с моделями поездов, путей, стрелок и семафоров.





ром вышел на тихую тенистую улочку, пересек ее и пошел вдоль низеньких заборов, за которыми бурно росли кусты смородины. Пройдя шагов двадцать, Виктор увидел нужный ему дом. И сразу же остановился как вкопанный. Странное, непривычное оживление... Две девочки пытались заглянуть в одно из окон. То одна, то другая подтягивались на руках. У входа стояла уже знакомая Луневу женщина, та самая, что вчера открывала ему дверь.

Неподалеку от домика, за деревом, Виктор приметил молодого человека в белой рубашке. Тот внимательно посмотрел на него и сразу же отвел глаза. Худо!

И в то же мгновение до обостренного сознания парня донеслись чьи-то слова: «Всю ночь милиция работала. Шутка ли, такое преступление!..»

Смутно, потом все отчетливее росло ощущение еще не распознанной опасности. Виктор резко повернулся и пошел от дома, невольно ускоряя шаги. Он прошел мимо проходного двора, мимо нескончаемых палисадников, маленьких домишек. Скорее, скорее — торопил сам себя.

Оглянулся. Вдали, мягко ныряя на ухабах, шла легковая машина. «В чем дело?! — стал корить себя Лунев.— Чего я, дурень испугался?»

И снова в памяти возник молодой человек в белой рубашке. Почему? Виктор не смог бы объяснить. Пристальный, мгновенно отведенный взгляд, все настораживало, все было подозрительно. Нет, правильно сделал, что смотался, пока тетка, открывавшая ему вчера дверь, не заметила. Правильно.

Мягкое шуршание шин заставило оглянуться. Серая «Волга» обогнала его, держась впритирку к тротуару, по которому он шел. Виктор хотел было рвануться в сторону, но не успел. Из медленно идущей машины выскочили два человека, один из них в белой рубашке, и сжали с двух сторон.

— Без паники, парень, спокойно. Вот так, по-хорошему,— негромко сказал один.

Попытка упереться ногой в подножку машины ни к чему не привела. Тот, кто в белой рубашке, легонько приподнял его ногу, и через мгновение Лунев лежал на мягком сиденье.

Шофер рванул с места, не обращая внимания на ухабы немощеной улицы.

— Проверь, нет ли оружия.— И руки одного из молодых людей умело ощупали пиджак и брюки Виктора.

— Ничего нет.

— В чем дело? — Голос Лунева звучал тихо и хрипло.— В чем дело, ребята?

— Все в порядке, парень. Мы из уголовного розыска. Приедем на место, разберемся.

Ясно. Влип. Но в чем дело? В доме Мухина что-то произошло. Но что? И почему эта история касается его? Что он сделал? Непонятно. Может, схватили потому, что он вчера был у Мухина? Так разве это преступление? С Пушкинской площади машина свернула влево. Все ясно. Едем в гости на Петровку, 38.

Машина остановилась у двери желтого здания.

— Прошу, приехали...— Молодой человек в белой рубашке вышел первым и, стоя на тротуаре, ждал, когда Лунев выйдет. Второй сопровождающий последовал за ними.

Они шли садом по асфальтированной дорожке, вдоль аккуратно подстриженных газонов. Справа тянулось большое здание, выкрашенное в бело-желтый цвет. Окна многих комнат были открыты, и на ветру трепетали полуспущенные занавеси. Затем поднялись по ступенькам и очутились в узком, длинном коридоре. У одной из комнат остановились, молодой человек осторожно открыл дверь и заглянул внутрь.

— Можно,— сказал он, и они втроем вошли в небольшую комнату с одним окном, в которой всего и было обстановки — стол и несколько стульев.

— Садитесь. Документы есть?

— А я их с собой не ношу.

— Фамилия ваша?

— Лунев Виктор Алексеевич.

— Где живете, работаете?

Виктор назвал адреса. Молодой человек записал, потом скомандовал:

— Посидите. Выходить из этой комнаты не разрешается.— И вместе со вторым сотрудником вышел в коридор.

«Доверяют»,— усмехнулся Лунев. Немного посидев, он встал, глянул в окно. Комната выходила во внутренний двор. Асфальт двора местами темнел сырыми пятнами, не успев просохнуть после недавней поливки.

Пока Лунев ехал в машине, у него не было возможности обдумать, как вести себя, о чем говорить, о чем молчать. Все было слишком неожиданно. Ясно одно: приглашение на Петровку связано с какой-то историей, случившейся в доме Мухина. Что там произошло и не замешаны ли здесь те двое? А что, если «те» арестованы?! От одной этой мысли он даже похолодел. Они будут всякое болтать о нем. Но он же действительно ничего плохого не сделал. Кто он? Пешка, мальчишка для посылок. Да, но здесь могут этого не знать.

И, перебирая в памяти события последних дней, Лунев решил, что ему для собственного спасения нужно как можно скорее отмежеваться от тех двоих. Они сами по себе, а он сам по себе.

Запутавшись в догадках и предположениях, Лунев приуныл. Он даже обрадовался, когда вернулся один из сопровождавших и предложил следовать за ним.

Молча прошли длинный коридор, свернули направо и остановились у двери, как две капли воды похожей на остальные. Молодой человек негромко постучал, приоткрыл дверь и спросил:

— Разрешите, Федор Георгиевич?

Лунев перешагнул порог.

Продолжение следует.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Раздел медицины. 6. Город в США. 9. Соединительная деталь в машиностроении. 10. Остров в Эгейском море. 13. Колебания очень высокой частоты. 15. Оборотная сторона монеты или медали. 16. Город в Польше. 17. Белорусская народная плясовая песня. 19. Цветок. 22. Тропический циклон. 23. Струнный музыкальный инструмент. 24. Автор балета «Дон Кихот». 26. Японский театр. 28. Государство в Африке. 29. Вид литературы.

По вертикали:

1. Американский поэт XIX века. 2. Статуя в Древнем Египте. 3. Актриса Малого театра. 5. Изучение пещер. 6. Минерал. 7. Французский живописец XVII века. 8. Поэма Н. А. Некрасова. 11. Железнодорожная тележка. 12. Возвышение, кафедра. 13. Древняя форма славянского письма. 14. Устройство для подъема и спуска по шахтному стволу. 18. Глубокая и узкая речная долина. 20. Роман Жорж Санд. 21. Шахматная фигура. 25. Итальянский певец. 27. Гребная шлюпка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

По горизонтали:

3. Пятигорск. 6. «Современник». 9. Рылеев. 10. Самара. 14. Юнона. 15. Кулибин. 16. Гряда. 17. Симфония. 18. Нумизмат. 20. Парта. 21. Газолин. 22. Дидро. 25. Слиток. 26. Лоджия. 29. «Возвращение». 30. Квазимодо.

По вертикали:

1. Шторм. 2. Франк. 3. Пионер. 4. Гуменник. 5. Климат. 7. Планиметрия. 8. Маррамбиджи. 9. Ренессанс. 11. Аудитория. 12. Кулинар. 13. Мичурин. 19. Кольраби. 23. Полоцк. 24. Домино. 27. Аврал. 28. «Демон».

На первой странице обложки: Вечный огонь Новороссийска. (См. в номере репортаж «Снимает в тиши бескозырку моряк...»)

Фото Ю. Кривоносова.

На последней странице обложки: У самого синего моря.

Фото Г. Макарова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

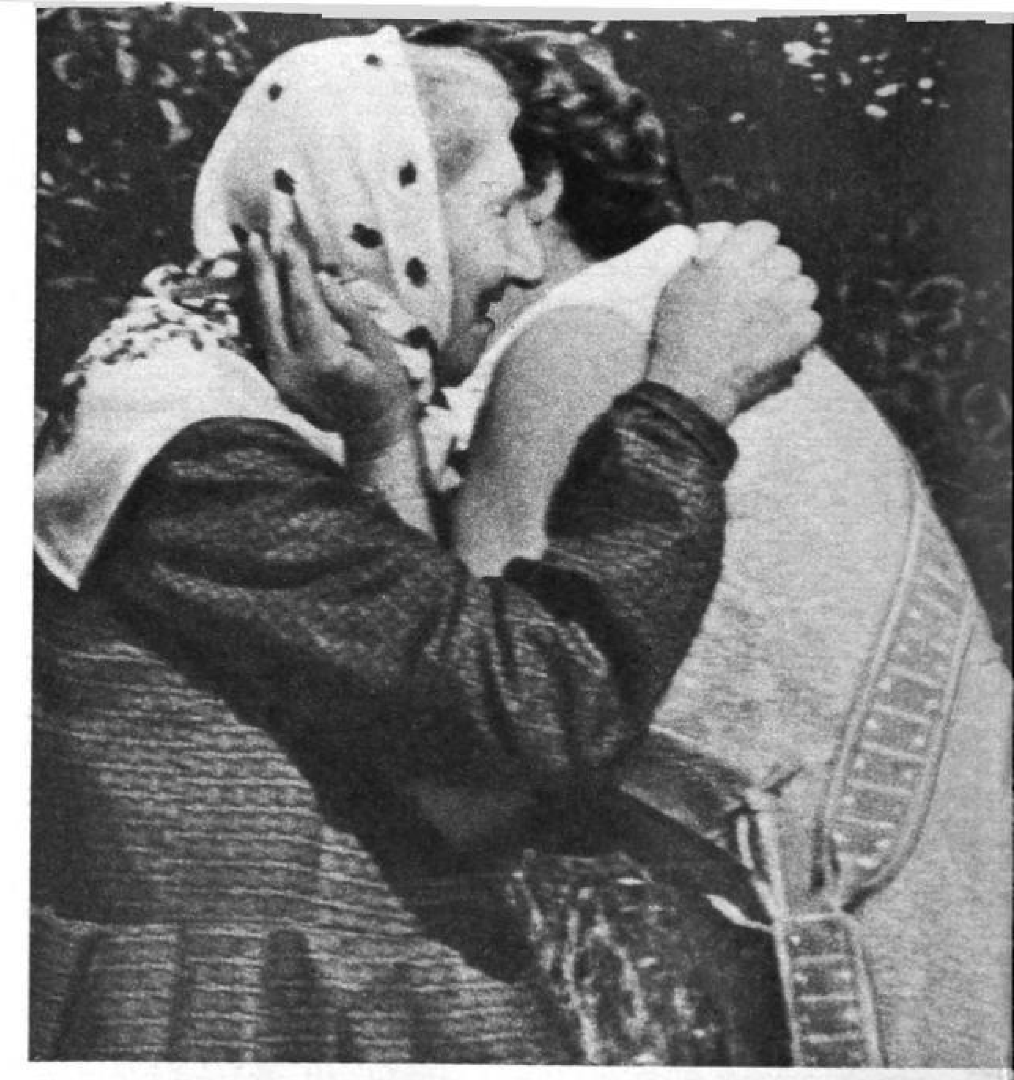
Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. **Оформление А. КОВАЛЕВА.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10698. Подписано к печати 7/IX 1966 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. Печатн. листов 5,0.
Усл. печ. л. 7,0. Тираж 2 000 000. Изд. № 1721. Заказ № 2355.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.



Мама...

ПРИЕХАЛА

Ян ЯНУ, чехословацкий журналист

Фото А. Узляна.

Между Вильнюсом и Каунасом с асфальта шоссейной дороги мы свернули влево. «Волга», поднимая клубы пыли и спугивая кур и гусей, объезжала стороной телеги и пешеходов, учтиво уступая дорогу тракторам. Пригревало солнышко, располагая к блаженной лени. Но в домике на краю поля, у деревушки Юкнонис, царило небывалое для этих мест оживление. Просторный, с комфортом обставленный домик гудел, как растревоженный улей. Из кухни доносился такой аромат, что, право, слюнки текли. В саду накрывали огромный стол. На дворе группа статных девушек в литовских национальных костюмах пела под аккомпанемент гармони незнакомую мне песню. Двор на глазах буквально преображался в стоянку автомашин. А «легковые» подвозили все новых и новых гостей, казалось, что объятиям и поцелуям не будет конца. «Наверное, свадьба»,— подумалось мне.

Хозяйка дома Эмилия Знаидаускене и плакала и смеялась. Но больше плакала. Очевидно, для ее 84 лет было многовато шума и суматохи. Вокруг нее суетились сыновья Костас, Зигмунд и Бронюс, дочери Она и Пране. Ее успокаивали близкие и дальние родственники, но бабушка была сама не своя. Все ждала еще кого-то. Наконец раздался гудок подъезжающей машины. Она снова заспешила на улицу, и в ее объятиях оказалась виновница торжества дочь Стасе. Целых 36 лет мать не видела ее.

Стасе и ее муж Костас Милашус уже отведали хлеба с солью, пригубили вина, им вручили пояса с литовской народной вышивкой. И Стасе все бродила точно в каком-то тумане. «Боже мой, эта ветла еще жива! Она мне стольно раз снилась!» И она гладила ствол дерева, ходила по саду и вокруг дома, вдыхала аромат сена. Ведь нигде так сладко не пахнет сено, как дома! Женщина шестидесяти четырех лет будто превратилась в девочку. Из каждого уголка на нее дышали ее молодость, ее родной дом, ее Литва...

От литовской деревушки Юкнонис до канадского города Монреаль долгая дорога. А особенно далекой она была в тридцатом году, когда молодая Стасе Знаидаускайте отправилась за море в поисках работы, которую в те годы в буржуазной Литве нелегко было найти. Стасе была готова взяться за что угодно. Нанималась на фабрику, учила английский и французский языки. В литовском клубе в Монреале она познакомилась со своим будущим мужем. Костас Милашус родом из литовского города Шяуляй. Его за море погнала та же нужда. Оба работали не покладая рук и не забывали о родном доме. Увидят ли они его?

Со временем их жизнь наладилась. Костас служил в «Стэл компани», а его жена Стасе купила маленькую лавочку, где продавались сигареты, шоколад и другие мелочи — всего понемногу, как это принято за океаном. Росли дети, а теперь есть уже и внуки — целый род, от которого трудно оторваться. Но свидание с домом всегда было для них желанной мечтой и неслыханной роскошью.

Мечта осуществилась только в этом году, когда поднакопились за долгое время деньги. Вместе с семнадцатью литовцами из Монреаля Стасе и ее муж наконец смогли взглянуть на свою родину — на Советскую Литву.

То, что они увидели здесь, превзошло все их ожидания. Находясь в Канаде, они и не представляли себе, что так по-иному выглядит сегодняшняя Литва, что так хорошо живут здесь люди.

Обо всем этом разговаривали до поздней ночи. Когда мы уезжали, нам вслед долго неслись мелодии литовских народных песен. Начальные слова одной из них я запомнил: «Благодарю тебя, матушка, что ты меня воспитала...» Матушка, мать, как я понял,— это была родная земля. А родную землю нельзя ни предать, ни забыть.

— Наконец я дома. (В центре — Стасе, гостья из Канады.)

СТАСЕ...

— Вот такой девушкой я уехала в Канаду,— говорит Стасе.

◀ ...О этот запах сена!

А потом были литовские танцы...

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663